

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2021 г., том 28, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Круглый стол «НЭП – итоги и перспективы изучения»	5
---	---

ГОД НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Куперштох Н.А. Год науки и технологий: по страницам журнала «Гуманитарные науки в Сибири»	18
Рышков В.М. Транспортное и промышленное освоение Сибири в XX в. в исследованиях В.А. Ламина.	22
Шелегина О.Н. Взаимодействие государства и общества в процессе развития музейного пространства Сибири	31
Запороженко Г.М. Наука и образование как фактор общественного развития	37

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ананьев Д.А. История освоения российской Арктики в трудах Теренса Армстронга	41
Бакшаев А.А. Проблемы межведомственного взаимодействия в ходе приемки военной продукции на казенных заводах Урала в первой четверти XIX в.	50
Миркин В.В. Электросвязь Сибири в годы Великой Отечественной войны	56
Гоппе А.А., Люля Н.В. Личное подсобное хозяйство колхозной крестьянской семьи Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (по материалам похозяйственных книг)	63
Андреев С.Н. «Либерально-реформаторское направление» в аграрной политике советского государства в середине 1950-х–начале 1960-х гг.	69
Ефанова О.А. Ресурсный потенциал пожилого населения современной России как фактор оптимизации рисков демографического старения.	79
Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Бегство хана Кучума и его сторонников из сибирских городков: к вопросу о корреляции изобразительных и археологических источников.	87

ОСВОЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЕВРАЗИИ

Золотова Т.Н., Рыженко В.Г. Краеведение в современном публичном пространстве	94
Вихрева Г.М., Подкорытова Н.И. Библиотека и мегаполис: диалог в современном гуманитарном пространстве	99
Трояк И.С. Книжная культура коренных и малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока в электронных краеведческих ресурсах региона	103

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Минкова К.В. Рец.: на книгу: И.В. Быстрова. Ленд-лиз для СССР: экономика, техника, люди. М.: Кучково поле, 2019. 480 с.	108
Захарова К.Л. Международная научная школа-конференция «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых»	112
Памяти Варлена Львовича Соскина	116

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд. ист. наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашдэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук, профессор *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *Л. Виола* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), д-р ист. наук *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Нур-Султан, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), доктор философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреев*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекбай*, д-р ист. наук *Г.М. Запороженченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н. Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И. Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н. Разгон*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, д-р ист. наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н. Славина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 23.03.2021 г. ПИ № ФС 77-80483

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *Н.М. Райзвих*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 30.12.21. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 102.

Сибирское отделение РАН
630090 Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2
Тел. 330-84-60, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2021, vol. 28, N 4

CONTENTS

Round table discussion “NEP – results and prospects for study”	5
--	---

THE YEAR OF SCIENCE AND TECHNOLOGY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kupershtokh N.A. The Year of Science and Technology in the pages of the journal “Humanitarian Sciences in Siberia”	18
Rynkov V.M. Transport and Industrial Development of Siberia in the XX century in the Studies of V.A. Lamin	22
Shelegina O.N. Interaction of State and Society in the Process of Development of the Museum Space in Siberia	31
Zaporozhchenko G.M. Science and Education as a Factor of Social Development	37

NATIONAL HISTORY

Anan’ev D.A. The history of the Russian Arctic development in Terence Armstrong’s works	41
Bakshaev A.A. Problems of Interagency Cooperation during Acceptance of Military Products in the Urals State Plants in the First Quarter of the XIX Century	50
Mirkin V.V. Siberian telecommunications during the Great Patriotic War	56
Goppe A.A., Lyulya N.V. Personal subsidiary farm of the collective farm peasant families in Altai Region during the Great Patriotic War (on household book materials)	63
Andreenkov S.N. “Liberal-reformist trend” in the agrarian policy of the Soviet state in the mid-1950s – early 1960s	69
Efanova O.A. Resource Potential of the Elderly Population of Russia as a Factor in Optimizing the Risks of Demographic Aging.	79
Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu. Escape of Kuchum Khan and His Supporters out of Siberian Town: On the Question of Correlation between Visual and Archeological Sources	87

MASTERING THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF EURASIA

Zolotova T.N., Ryzhenko V.G. Local history in the modern public space.	94
Vikhreva G.M., Podkorytova N.I. Library and megalopolis: a dialogue in the modern humanitarian space	99
Troyak I.S. Book culture of Siberia and the Far Eastern indigenous and small peoples in local lore electronic regional resources.	103

ACADEMIC LIFE

Minkova K.V. Book review: I.V. Bystrova. Lend-Lease for the USSR: economy, technic, people. Moscow, Kuchkovo Pole, 2019, 480 p.	108
Zakharova K.L. International youth scientific school-conference «Current challenges of historical studies: young scholars’ perspective» (Novosibirsk, September, 23–25, 2021).	112
In memory of V.L. Soskin	116

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
(“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

Founders: **Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdende* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *L. Viola* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.B. Sydykov* (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynichen*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

Editorial address: Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of the Russian Federation on March 23, 2021, N 77-80483
The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

DOI 10.15372/HSS20210401

УДК 94:338(47)"192"

КРУГЛЫЙ СТОЛ «НЭП – ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ»

**В.М. РЫНКОВ, В.А. ИЛЬИНЫХ, В.В. КОНДРАШИН, Л.И. БОРОДКИН,
В.И. КЛИСТОРИН, И.В. ПОБЕРЕЖНИКОВ, В.П. ЗИНОВЬЕВ, Г.Е. КОРНИЛОВ,
А.А. НИКОЛАЕВ, А.П. КИЛИН, В.С. ПУШКАРЕВ**

В сентябре 2021 г. в Новосибирске состоялась Всероссийская научная конференция «Российские экономические реформы в региональном измерении». Поскольку конференция была посвящена столетию начала нэпа, особое внимание ее участниками уделялось научному осмыслению общих закономерностей и особенностей реализации новой экономической политики. Конференцию завершило заседание круглого стола «Нэп – итоги и перспективы изучения». Помимо проблем историографии его спикеры затрагивали вопросы перспектив нэпа и альтернатив общественного развития России в 1920-е гг. Обсуждение носило дискуссионный характер и позволило не только выявить различие взглядов, но и найти конструктивную платформу для проведения дальнейших исследований. По итогам обсуждения был сделан вывод, что подводить итоги изучения нэпа преждевременно и его историография находится на очередном этапе тематической и методологической бифуркации. Ниже публикуется правленая стенограмма круглого стола.

Ключевые слова: экономические реформы, новая экономическая политика, аграрные преобразования, частный капитал, альтернативы развития, социальная структура.

- Вадим Маркович Рынков** – д-р ист. наук, директор Института истории СО РАН, e-mail: director@history.nsc.ru
Владимир Андреевич Ильиных – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: agro_iwa@mail.ru
Виктор Викторович Кондрашин – д-р ист. наук, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН, e-mail: vikont37@yandex.ru
Леонид Иосифович Бородин – д-р ист. наук, чл.-кор. РАН, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: borodkin@hist.msu.ru
Владимир Ильич Клиторин – д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, e-mail: klistorin@ieie.nsc.ru
Игорь Васильевич Побережников – д-р ист. наук, директор Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: pober@r66.ru
Василий Павлович Зиновьев – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета, e-mail: vpz@tsu.ru
Геннадий Егорович Корнилов – д-р ист. наук, заведующий Центром экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: genakorn@mail.ru
Александр Алексеевич Николаев – д-р ист. наук, заместитель директора Института истории СО РАН, e-mail: agronicol@gmail.com
Алексей Павлович Килин – канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета им. Первого президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), e-mail: alexey.kilin@urfu.ru
Виталий Семенович Пушкарёв – начальник отдела информационного обеспечения Российского государственного архива экономики, e-mail: oio@rgae.ru
Vadim M. Rynkov – Doctor of Historical Sciences, Director, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: vadvet@list.ru
Vladimir A. Ilinykh – Doctor of Historical Sciences, Head of Department, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: agro_iwa@mail.ru
Viktor V. Kondrashin – Doctor of Historical Sciences, Head of the Center of Economic History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, e-mail: vikont37@yandex.ru
Leonid I. Borodkin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member RAS, Head of Department, Lomonosov Moscow State University, e-mail: borodkin@hist.msu.ru
Vladimir I. Klistorin – Doctor of Economics, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: klistorin@ieie.nsc.ru
Igor V. Poberezhnikov – Doctor of Historical Sciences, Director, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: pober@r66.ru
Vasily P. Zinovyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research Tomsk State University, e-mail: vpz@tsu.ru
Gennadiy Y. Kornilov – Doctor of Historical Sciences, Head of the Center for Economic History, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: genakorn@mail.ru
Aleksandr A. Nikolaev – Doctor of Historical Sciences, Deputy Director, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: agronicol@gmail.com
Aleksey P. Kilin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, e-mail: alexey.kilin@urfu.ru
Vitaly S. Pushkarev – Head of Department, Russian State Archive of Economy, e-mail: oio@rgae.ru

ROUND TABLE DISCUSSION «NEP – RESULTS AND PROSPECTS FOR STUDY»

V.M. RYNKOV, V.A. IL'INYKH, V.V. KONDRASHIN, L.I. BORODKIN,
V.I. KLITORIN, I.V. POBEREZHNIKOV, V.P. ZINOVIEV, G.E. KORNILOV,
A.A. NIKOLAEV, A.P. KILIN, V.S. PUSHKAREV

The Round Table “NEP - Results and Prospects of Study” discussion was held on September 17, 2021, during the All-Russian Scientific Conference “Russian Economic Reforms in the Regional Dimension”. Its speakers raised the issue of the NEP prospects besides the historiography problems. V. Rynkov pointed out that the myth about NEP as the “golden age” of Russian economy was created in the late 1980s – early 1990s. Further research of the problem led to the myth deconstruction. NEP was accompanied by a series of crises, and reconstruction processes in a number of regions and industries were not completed. V. Il'inykh concluded that NEP had not created effective mechanisms to overcome rural poverty. Modernization of the country was impossible based on the small-scale peasant economy. V. Kondrashin did not rule out that agriculture could continue developing successfully on the peasant economy basis, had the state support not been curtailed. L. Borodkin supposed that problems of developing the agrarian sector were related to state policy that hindered the agricultural development. Its liberalization, continuation of NEP could lead to sustainable and dynamic development. V. Klitorin pointed out that the decision to wind up NEP, since in 1925, had a political character and was not directly related to economy. I. Poberezhnikov emphasized that NEP was a forced compromise by the Bolshevik government, which had to be curtailed at the end. G. Kornilov and A. Kilin defined NEP as a complex of social and economic reforms, which were carried out in the form of an experiment. V. Zinovyev believed that China and other countries used the NEP experience. A. Nikolaev called on researchers to study NEP in frameworks of longer economic cycles.

As the discussion outcome, it has been concluded that it is premature to sum up NEP study results, and its historiography is at the next stage of thematic and methodological bifurcation.

Key words: economic reforms, New Economic Policy, agrarian reforms, private capital, development alternatives, social structure.

В.М. Рынков. Уважаемые коллеги! Позвольте мне открыть наш круглый стол. Мы договаривались, что сегодня посвятим нашу встречу проблемам изучения нэпа. Для начала возьму на себя смелость поделиться некоторыми соображениями о тенденциях в историографии последнего тридцатилетия. Была одна важная публикация Г.И. Ханина времен перестройки, появившаяся на пике дискуссий о «бухаринской альтернативе» и перспективах дальнейшего развития Советского государства на путях нэпа [1]. В этой дискуссии, как мне кажется, Ханин предложил поставить точку. Он отметил, что из разлуки страну на рельсах нэпа подняли достаточно быстро, но восстановление экономики после Гражданской войны произошло на прежней материальной базе. Отдача начала вновь поступать от фондов, созданных до начала Первой мировой войны. Даже полностью реализовав восстановительный потенциал и выйдя на пик объемов производства, Советское государство к середине 1920-х гг. получило материальную базу примерно середины – конца первого десятилетия XX в. Износ производственных мощностей к концу 1920-х гг. дошел до предела. На имевшейся материальной базе, поддерживая прежние объемы производства, можно было протянуть еще несколько лет, а дальше – тупик.

Тематические дискуссии продолжались в 1990-е и в начале 2000-х гг. Затем в историографии начался новый этап, когда ключевые вопросы уже были обсуждены, важнейшие позиции заявлены и аргументированы и активно уже не обсуждались. Шел нормальный процесс кумулятивного накопления знаний,

были обозначены приоритетные направления, а далее требовалось выделять более частные научные проблемы и решать их на более полной и детальной источниковой базе. Но, на мой взгляд, этими особенностями современный этап историографии не исчерпываются. Историки стали задаваться совершенно новыми вопросами и получать такие ответы, которые только усилили наметившуюся с конца 1990-х гг. новую тенденцию. Причем если на протяжении 1990-х гг. шел процесс конструирования нэпа как периода реформ, то уже с конца десятилетия начинается обратный процесс его деконструирования. Поясно, что имею в виду.

В 1990 г. Л.И. Бородкин и М.А. Свищев в журнале «История СССР» опубликовали статью, посвященную нэпманам [2]. В ней содержался в том числе анализ доходов частных торговцев в динамике с анализом жизненного цикла торговых предприятий. При этом вырисовывался портрет нэпмана. Позднее появились публикации на эту тему Е.В. Демчик по материалам Сибири [3], Р.А. Хазиева – Урала [4]. Из перечисленных исследований мы получили совсем не тот образ нэпмана, который до сих пор сохраняется в учебной литературе и общественном сознании: бывшие и новые «толстопузы» буржуи, быстро разбогатевшие, тратившие свои деньги в ресторанах и на показную роскошь, так как инвестировать было некуда. Выясняется, что основная часть лиц, относимых властями к нэпманам, имела весьма скромный достаток, многие едва сводили концы с концами, это были низы средней страты. Была лишь тончайшая прослойка относительно крупных предпринимателей в

больших городах. Остальные – это мелкие собственники, и даже не предприниматели, а кустари, торговцы на рынке и другие городские обыватели, которых тем не менее официально относили к нэпманам.

Были изданы книги В.А. Ильиных по маслоделению, хлебозаготовкам и сельскому хозяйству Сибири (см., напр.: [5, 6, 7]). Принято считать, что нэп – это период с 1921 по 1928 г. А в работах В.А. Ильиных показано, что восстановительные процессы в Сибири начались позже, шли гораздо медленнее и к довоенным объемам сельскохозяйственного производства регион подошел к концу 1920-х гг. Таким образом, вырисовалась динамика, не укладывавшаяся в представления об общероссийских хронологических рамках нэпа. Причем маслоделие так и не было восстановлено до довоенного уровня.

В 2013 г. в Оренбурге состоялась конференция по голоду в истории России [8]. На ней несколько докладчиков коснулись не только голода в начале 1920-х гг., но и локальных голодовок в другие годы этого десятилетия. О голоде во время нэпа писали и другие исследователи. В связи с этим тезис о восстановлении довоенного уровня развития сельского хозяйства следует воспринимать с большим скепсисом.

Можно предположить, что особенности функционирования аграрной экономики в период нэпа в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке имеют специфический региональный характер. Однако данное предположение не выдерживает критики.

По моим представлениям, важной вехой в процессе деконструкции нэпа стала монография С.А. Есикова «Российская деревня в годы нэпа» [9]. Автору удалось показать на материалах Черноземья, что в сельской экономике Центра России многие процессы шли совсем не так, как их представляли на общероссийском материале. Обратим внимание хотя бы на тот факт, что посевные площади Черноземья так и не достигли довоенного уровня, а вышли на пик своего развития только к 1927 г. Урожайность оставалась заметно ниже довоенного уровня. Переход от продразверстки к продналогу медленно сказывался на восстановительных процессах, а общая динамика развития сельского хозяйства в регионе свидетельствовала о весьма умеренных скромных результатах, а вовсе не о прорывах нэпа. В то же время в Центральном Черноземье в 1920-е гг. происходила масштабная хуторизация, обгонявшая столыпинскую. При этом С.А. Есиков отметил, что колхозно-совхозное производство представляло собой малозаметный сегмент производства, а община даже на фоне массового выходов крестьян на хутора, тем не менее, укреплялась. В монографии показано, что и в налоговой сфере не было курса на восстановление производительных сил. В то же время очевидной была ставка властей на то, чтобы задавить налогами зажиточное

крестьянство, а курс налоговой политики в целом выглядел как очевидное продолжение военного коммунизма и по целям, и по методам.

Подводя итог, хочу сказать, что на современном историографическом этапе происходит явная деконструкция сложившихся представлений о новой экономической политике. Она сегодня представляется гораздо более многоликой и разнообразной. Становится очевидно, что сложившиеся в предыдущие десятилетия представления о нэпе основаны на опыте его осуществления в столице. Возможно, реальный нэп является равнодействующей той экономической политики, которая по-разному проводилась в отдельных регионах и в различных отраслях экономики.

В.А. Ильиных. Уважаемые коллеги! Во-первых, я хочу привлечь ваше внимание к своеобразной рецензии на опубликованную в журнале «Российская история» статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» [10]. Автор рецензии, присутствующий здесь В.В. Кондрашин, крайне негативно оценил фактически полное игнорирование в рецензируемой статье аграрно-крестьянского аспекта проблемы. В связи с этим он задается вопросом: сделал ли ее автор «это намеренно, или, будучи исследователем отдельных аспектов нэпа, просто не владеет необходимой информацией, или не понимает научной значимости указанного важнейшего аспекта» для аналитической реконструкции сущности и противоречий нэпа. Я думаю, что не понимает. Для тех же, кто понимает, абсолютно очевидно, что переход к нэпу и его свертывание, и его динамика неразрывно связаны с экономическим и политическим поведением крестьянства, динамикой сельскохозяйственного производства в стране, его товарностью.

Свой «отклик» В.В. Кондрашин предложил редколлегии журнала, опубликовавшего статью М.Ю. Мухина в «Российской истории», однако получил отказ и был вынужден сделать это на страницах более профильного журнала «Крестьяноведение» [11]. Журнал, безусловно, достойный. Однако позиция «Российской истории» вызывает негативную реакцию и означает, что многие члены его редколлегии также воспринимают нэп односторонне, игнорируя значимость аграрно-крестьянской тематики.

В рецензии В.В. Кондрашин, в частности, указал, что автор статьи об «итогах изучения нэпа» не считал важными и материалы многочисленных сессий симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, в ходе которых период нэпа всегда обсуждался его участниками. Отталкиваясь от данного тезиса, я далее хочу показать некоторые особенности изучения нэпа на последних сессиях симпозиума.

Как правило, авторами докладов по данной проблеме являлись специалисты по аграрной истории 1920-х гг., которые продолжали углубленный ана-

лиз традиционных для них тем: регулирования землепользования, особенностей налогообложения деревни, организационно-хозяйственной структуры крестьянского двора, крестьянского менталитета, социальной дифференциации нэповской деревни, динамики сельскохозяйственного производства, сельскохозяйственной статистики.

Историографическое значение для разработки проблем развития советской деревни в условиях нэпа имели доклады В.А. Саблина, И.В. Гончаровой, А.В. Голубева, О.В. Бершадской, В.А. Ильиных и других исследователей, которые затем публиковались в «Ежегоднике по аграрной истории».

Однако закономерную рутину, на последней сессии симпозиума, состоявшейся в сентябре 2020 г., попытались изменить исследователи, которые ранее изучением нэпа специально не занимались. Это В.В. Кондрашин [12] и В.В. Наухацкий [13]. Такое «вторжение извне», как правило, дает новый импульс для изучения поставленных проблем, уточнения своих собственных устоявшихся и не вызывающих сомнений у коллег позиций. Тем более, если тематические «варяги», как и в этом случае, являются высококлассными профессионалами.

Базовой причиной для их изысканий стала попытка понять причины поражения крестьянства в рамках аграрной революции сверху в начале 1930-х гг. Тем более что за десять лет до этого крестьянство фактически вышло в своей борьбе с большевистским государством победителем, заставив его отказаться от военного коммунизма и перейти к нэпу.

По мнению В.В. Кондрашина, причинами были в том числе изъятие из деревни в годы нэпа оружия, ее зачистка от потенциальных лидеров крестьянского протеста, образование, хотя и немногочисленного, но весьма агрессивного и даже в значительной степени харизматичного слоя сельских активистов. Отмечу, что в деревне в 1920-е гг. появился и постоянно рос слой представителей государственной власти (коммунистов, комсомольцев и других). До революции этого практически не было.

Данный тезис на материалах Северо-Кавказского края, который был одним из лидеров колхозного движения, развил В.В. Наухацкий. Он показал хотя и медленный, но значимый процесс изменения традиционной структуры сельского социума, появление в нем новых акторов исторического процесса: формирование слоя партийно-советско-хозяйственных управленцев, появление новых сельских групп (комсомольцев, колхозников), начавшееся изменение гендерных ролей женщин.

В.В. Кондрашин также отметил изменение демографической структуры. По переписи 1926 г., 67 % сельских жителей были моложе 30 лет. То есть деревня была молодой. Первая мировая и Гражданская

войны, голод 1921–1922 гг. выбили старшие поколения, представлявшие наиболее консервативную часть общины. По его мнению, многие представители деревенской молодежи, особенно из бедняцких семей, связали свою жизненную карьеру с сельским комсомолом, советами, сельской ячейкой большевистской партии. Они отказывались от сохи ради «портфеля». Я полагаю, что портфели прельщали далеко не всех, некоторые селяне просто жаждали новой жизни, хотели вырваться из рутинного круга крестьянской жизни, стать колхозниками, рабочими совхозов, работать на технике, тракторах, иных машинах. Работать по 7–8 часов как городские рабочие и получать не одну зарплату (урожай), а двенадцать.

Изменилась и социальная структура села. Оно нивелировалось на более низком имущественном уровне, обеднялось. В «Уральском историческом вестнике» мной была опубликована статья «Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х – 1920-е гг.» [14], в которой осуществлена попытка доказать, что на протяжении всего нэпа, в том числе и в конце 1920-х гг., абсолютно преобладающей группой российского крестьянства была беднота. В данную группу сельского населения включены дворы без рабочего скота, которые можно отнести к батракам и пауперам, и дворы с одной головой рабочего скота, принадлежащие маломощным крестьянам. Удельный вес данной группы в общем числе крестьянских дворов в 1926 г. составлял почти 87 %, т.е. абсолютное большинство. В конце 1920-х гг. ситуация качественным образом не изменилась. К весне 1929 г., по нашей оценке, доля данной группы составляла около 80 %.

Таким образом, новая экономическая политика действенных механизмов для преодоления деревенской бедности не создала. На основе «мелкого и мельчайшего» крестьянского хозяйства с соответствующим уровнем товарности или ее фактическим отсутствием модернизация страны была невозможна. На мой взгляд, был невозможен и кооперативный («чаяновский») вариант модернизации. Товарная (реальная) сельскохозяйственная кооперация должна опираться на более состоятельные многолошадные и многокоровные хозяйства.

В.В. Кондрашин. Нэп будет изучаться еще долгие годы, а региональный подход – это самое оптимальное направление его исследований. Региональное измерение истории России – то, что позволит скорректировать и уточнить многие важные выводы по рассматриваемой проблеме. «Средняя температура по больнице» нередко приводит к скоропалительным и неубедительным выводам. Пример на эту тему – дискуссия об уровне жизни и «голодном экспорте» в дореволюционной России, когда известными всем авторами была определена их «средняя темпера-

тура» и выдан результат, что в Российской империи проблем и противоречий развития не было. Но затем произошла Великая российская революция.

Именно поэтому нужен региональный подход, и то, что сказал В.М. Рынков в своем выступлении, – это «момент истины» конференции: необходимо более активно изучать нэп на региональном уровне, выявлять его региональную специфику, общее и особенное, поскольку в разных регионах ситуация различалась. Например, региональную специфику имеет такой аспект нэпа, как землеустройство, которое не было завершено в годы Гражданской войны. В период нэпа оно было продолжено. Землеустраивались крестьянские общины, крестьянские хозяйства. При этом в ряде случаев, как правило в автономных и многонациональных республиках, происходила самая настоящая «поножовщина», т.е. конфликты возникали из-за земли, а ситуация с землеустройством в разных регионах была разной.

В настоящее время Центр экономической истории Института российской истории РАН и Федеральное архивное агентство готовят сборник документов совместно с казахстанскими коллегами о голоде начала 1930-х гг. в Казахстане и России. Его предыстория в Казахстане начинается с 1927 г., с так называемого «Малого Октября», которая ярко демонстрирует региональную специфику. Таким образом, первый мой тезис – региональное измерение нэпа является важнейшим направлением дальнейшей исследовательской работы.

Второй тезис. В данной дискуссии участвует член-корреспондент РАН Л.И. Бородкин. На недавнем мероприятии (телепередача «Гамбургский счет» (ОРТ) к 100-летию нэпа), в котором я также участвовал, он в качестве аргумента, опровергавшего бесперспективность нэпа, привел пример Китая. В этом же ключе размышляет и профессор Принстонского университета США Стивен Коткин, предложивший своему докторанту тему диссертации «Сравнительный анализ нэпа в советской деревне и Уйгур-Синцзянском районе КНР». Речь идет о сравнительном анализе того, что происходило в 1920-е гг. в советской деревне, и в китайской при Дэн Сяопине – после отказа китайского руководства от политики «большого скачка». При этом известно, что Китай по уровню своего развития заметно уступал советской России. Тем не менее, пойдя по пути реформ, напоминавших советский нэп, он в очень короткое время за счет внутренних ресурсов и внешних источников сумел превратиться в супердержаву.

Рассуждая о потенциале нэпа, следует задаться вопросом, а кто был «носителем» альтернативы сталинской «революции сверху»? На «высшем политическом уровне» все более или менее понятно: это Н.И. Бухарин и правая оппозиция. На эту тему нема-

ло публикаций исследователей (вспомним труды В.П. Данилова, С.А. Есикова и других авторов). Но кто стоял за «правыми» и за Бухариным? В частности, насколько перспективны в плане экономического роста были имеющиеся в стране «крестьянские силы»? Мы знаем, и об этом говорилось в выступлении В.А. Ильиных, что крестьяне были беднее, чем до революции. Но тем не менее была же политика «Лицом к деревне», ставка на крестьянина – культурного хозяйственника. И как бы эти крестьяне повели себя в хозяйственном отношении, если бы им дали больше денег, а власть «сбавила бы обороты» по части темпов индустриализации, не прекращая ее в принципе? Если бы были отрегулированы цены («ножницы цен») и сталинское руководство не пошло бы на поводу у искаженной статистики, обосновавшей в угоду ему огромные крестьянские запасы товарного хлеба, которых в действительности не было? Ведь именно на основании этого мифа была устроена «чрезвычайщина» во время кризиса хлебозаготовок: у кулака есть хлеб, и его нужно забрать силой. Но хлеба не было в том количестве, о котором заявлялось «прогнута властью» статистикой. И в этом смысле потенциал нэпа – это потенциал передовых крестьянских хозяйств, который, на наш взгляд, еще не изучен в должной мере, в том числе на региональном уровне. На эту тему мною организован проект при поддержке РФФИ, который ставит своей целью проследить «цепочку» государственного финансирования крестьянских хозяйств в годы нэпа. И если бы финансирование наращивалось, то каков бы мог быть результат развития крестьянских семейно-трудовых хозяйств? Здесь уместна некая математическая модель, аналогичная той, что в свое время предложили Хантер и Ширмер о развитии экономики СССР без насильственной коллективизации. Как бы развивались крестьянские хозяйства, если бы становилось больше передовых хозяйств? Конечно, при условии другой государственной политики выхода из кризиса хлебозаготовок – не на основе «чрезвычайщины», а с помощью мер преодоления данного кризиса, более «мягких» по форме. На эту тему стоит подумать.

Л.И. Бородкин. Коллеги, я хотел бы сказать, что подходы к исследованию эволюции нэпа, конечно, и сами эволюционируют: я, например, сторонник более оптимистичного взгляда на нэп и его возможные перспективы во второй половине – конце 1920-х гг. Давайте вспомним, в какое время началось строительство Днепрогэса и ряда других электростанций, Сталинградского тракторного завода, Туркестано-Сибирской железной дороги? Во второй половине 1920-х гг., в основном в 1926–1927 гг. Тему развития промышленности в годы нэпа разрабатывает в своих публикациях Ю.М. Голанд [15]. Он, в частности, отмечает, что уже в 1924/25 г. объем инвестиций в ос-

новые фонды впервые превысил амортизационные отчисления, а за три последующих года основной капитал в промышленности вырос на 20 %. В структуре капитальных затрат в промышленности на долю строительства новых предприятий в 1927/28 г. приходилось 27,5 %, прирост валовой продукции промышленности в 1926/27 г. составил 17 %, при этом финансирование капитального строительства за счет внутривенных средств составляло, по данным Голанда, для предприятий группы «А» – 50 %, а группы «Б» – более 80 %. Разумеется, были и проблемы: например, недостаток квалифицированных кадров, ограниченность источников финансирования капитальных работ и др. В связи с этим сельское хозяйство по-прежнему рассматривалось как главный источник средств для предстоявшего индустриального рывка.

Два слова об аграрной политике. Понятно, что проблемы в аграрной сфере в годы нэпа во многом связаны с проводившейся государством политикой, основанной на ножницах цен и низких закупочных ценах, диктовавшихся государством. И поездка Сталина в Сибирь в 1928 г. также имеет понятный контекст. Добавим давление власти на зажиточных крестьян, дававших до революции до половины товарного хлеба. Стоит ли удивляться «кризисам нэпа» в этих обстоятельствах? Поэтому дискуссии об «исчерпанности нэпа», отсутствии перспектив его развития должны вестись в контексте вектора государственной политики 1920-х гг.

Несколько слов о социальной динамике нэповской деревни. Один из тезисов, который озвучивался на партийных форумах того времени (и вызывал дискуссию), был напрямую связан с вопросом о том, в какой мере социальные процессы в деревне приобретают опасный характер. Все чаще высказывалось мнение о том, что в деревне идет расслоение, поляризация, нарастает напряжение между бедным и зажиточным крестьянством, что приведет к социальному взрыву в нэповской деревне. Так ли это было на самом деле?

Здесь мне хотелось бы привести пример моделирования альтернативных вариантов развития, обратившись к социальной динамике крестьянства второй половины периода нэпа. Мы обратились к источникам, которые содержали сведения о социальной мобильности крестьянства – это динамические переписи, которые проводились ЦСУ СССР с середины 1920-х гг. ежегодно по одним и тем же «гнездам» и охватывали свыше 600 тыс. хозяйств. Это наиболее массовое из выборочных обследований доколхозной деревни. Имея данные о распределении крестьянских хозяйств по имущественным группам и количестве хозяйств, которые за год перешли из одной группы в другую, можно с помощью математической модели

дать ретропрогноз социальной структуры с горизонтом в несколько лет. Параметры предложенной нами имитационной модели настраивались по данным источника середины 1920-х гг., а затем год за годом модель вычисляла динамику численности групп (бедняцкие, середняцкие, зажиточные хозяйства), «не зная» при этом, что в 1929 г. произошел «великий перелом». Таким образом мы можем оценить, какой была бы социальная структура доколхозного крестьянства к 1932 г. (конец первой пятилетки) в предположении, что ее эволюция со второй половины 1920-х гг. продолжалась бы в той же тенденции.

Анализ данных динамических переписей показал, что во второй половине 1920-х гг. на территории страны не было ни одного региона, в котором шел бы процесс дифференциации крестьянства в направлении образования полярных групп. В соответствии с моделью сохранение в течение нескольких лет после «великого перелома» условий хозяйственной деятельности, характерных для второй половины 1920-х гг., не привело бы к существенному расслоению деревни, напротив, увеличивалась бы доля середняков за счет уменьшения доли бедняцких дворов при незначительном росте зажиточной группы. Как показывает имитационная модель, продолжение политики нэпа не привело бы ни к существенному росту аграрной экономики, как утверждают одни, ни к хозяйственному хаосу и социальным катаклизмам в деревне, как считают другие. Таким образом, выдвигавшийся аргумент о том, что нэповская деревня в конце 1920-х гг. шла к социальной войне, не получил подтверждения в разработанной модели альтернативного развития.

В.И. Клисторин. Я не историк, а экономист, и нэп – не предмет моей специализации. Но у меня данная проблема вызывает интерес, потому что, обращаясь к истории, опыту других стран, мы думаем о текущем развитии нашей страны. Я склоняюсь к тому, что решение о введении нэпа и последующем его свертывании, которое началось уже в 1925 г., это результат политических решений. Поэтому чисто экономический подход к анализу нэпа не годится. Достаточно быстро менялись условия хозяйствования и соответственно стимулы к тому или иному варианту экономического поведения. Конечно, для меня было очень интересно услышать о региональной специфике. В нашей секции особенно много говорили об информации, ее источниках и качестве. Например, обсуждались вопросы, связанные с теневой экономикой, торговлей, контрабандой, имевшие большое значение с учетом оценки итоговых результатов. В свое время Г.И. Ханин в статье «Лукавая цифра» [16] утверждал, что если советская статистика показывала рост национального дохода за почти 70 лет в 90 раз, то реально экономика страны, которая, безус-

ловно, росла очень быстро, фактически увеличилась примерно в 6 раз. Качество информации – это важнейшая проблема, в том числе проблема досчета теплового сектора экономики.

Сейчас идет процесс переосмысления не только периода нэпа, но и довоенного развития, послевоенного развития, последних тридцати лет. Возможно, опыт реконструкции экономического развития отдаленных периодов может пригодиться для того, чтобы лучше понять современный этап развития страны и общества.

И.В. Побережников. Уважаемые коллеги! Есть такая научная классификация, предполагающая существование двух типов познания и двух типов ученых – унификаторов и диверсификаторов. Унификаторы, согласно данной классификации, стараются выявлять общие тенденции и закономерности, а диверсификаторы стремятся акцентировать внимание на деталях, отдельных сегментах и феноменах. Вероятно, В.М. Рынков в своем выступлении имел в виду, что уже пройдены определенные этапы в изучении нэпа, достигнуты определенные успехи. И именно унификаторы часть своей работы уже выполнили, настала пора диверсификаторов, которые обратились к отдельным аспектам, отдельным регионам. В этом контексте мне показалась очень интересной постановка проблемы в его докладе на секции о территориальных окраинах и периферийных отраслях экономики. Очень важно, изучая экономическую историю России, обращаться к регионам, районам, к региональным моделям. С одной стороны, есть общие тенденции, общие закономерности, но их действие не всегда прослеживается на конкретном локальном материале, где могут быть свои логики развития. Поэтому и надо изучать отдельные уклады, отдельные отрасли, отдельные районы, но при этом все-таки постоянно помнить и о перспективе, о долгосрочных тенденциях, пытаться сопоставлять или соотносить процессы и механизмы, которые относятся к пространствам разного уровня или масштаба.

Кстати, многоукладность или, как еще ее определяют А.Д. Богатуров и А.В. Виноградов, – конгломератно-анклавный тип общности [17], полезная, как мне кажется, категория, которая может быть эффективно применена при изучении нэпа. В некоторых докладах на конференции, например у А.П. Килина, речь шла о многоукладной экономике. Но при этом нужно понимать, что обращаясь к разным уровням анализа, мы получаем несопоставимые и несводимые друг к другу результаты.

Мне кажется, возможны два подхода к изучению нэпа. Один – это отношение к нэпу как к самодостаточному историческому феномену, как к своеобразному социальному и экономическому эксперименту, где были разные акторы, разные уклады, разные ре-

гиональные варианты, своя внутренняя логика. При этом можно как бы отрешиться от исторического контекста, в частности, от того, к чему нэп пришел. А пришел он к своему финалу не вследствие экономической заданности, а вследствие, как уже подчеркивалось на заседании круглого стола, политики и волевых усилий. Здесь уместна реконструкция политической, социологии, политологии нэпа и т.п. Данный подход, когда мы пытаемся понять явление, объект из его внутренней логики (центр тяжести в нем самом), интересен и увлекателен. Однако, он всего объяснить не может. Как писал известный русский/советский литературовед, фольклорист А.П. Скафтымов, «из желудка не поймем дуба, из динамомашин и проводов не увидим электрического тока» [18, с. 23].

Второй подход – исторический, контекстуальный, предполагающий рассмотрение объекта в широком историческом контексте. И в этом случае историк обнаруживает, что нэп был вынужденной уступкой большевистского правительства, и понимает, что это была временная политика, временный интервал исторического процесса, который, несомненно, должен был быть отменен. В данном случае правомерно рассуждение о потенциале нэпа. Я вижу, что у участников сегодняшних обсуждений сложились разные представления по этому поводу. Есть более пессимистичные и более оптимистичные оценки. Здесь возникает вопрос о возможности проведения политики индустриализации. Возможно, сохранение нэпа не позволило бы, по крайней мере в таких масштабах, эту политику (индустриализации) проводить. С другой стороны, возможно, прав тот, кто считает, что продолжение нэповской политики позволило бы добиться неплохих результатов, но при этом избежать трагических издержек и эксцессов «массированной индустриализации». Тем более потенциал нэпа не был раскрыт в полной мере, поскольку большевистское руководство постоянно ограничивало действие товарно-денежных механизмов, не давая развернуть производство и допустить рост социальной дифференциации. Но это вопросы дискуссионные, они нуждаются в дальнейшем углубленном изучении и обсуждении.

В.П. Зиновьев. Уважаемые коллеги! Я хотел бы сказать несколько слов о сути нэпа. Вопрос о нэпе – это вопрос не столько о крестьянстве, сколько о путях развития страны в целом, о месте рынка в развитии экономики страны. Либо обмен с деревней на основе рыночных принципов и государственного регулирования экономики, либо продолжение мобилизационных мер, выросших из опыта Первой мировой войны. Времени на размышления особенно много не было. Большого выбора у большевиков тоже не было: либо принуждение, либо убеждение. Все было возможно. В силу внешних и внутренних обстоятельств победи-

ли сторонники мобилизационного варианта развития, вариант рыночного государственного капитализма не был реализован, хотя он был предложен. Поэтому я должен сказать, что китайский путь развития экономики – на самом деле это русский (советский) путь.

В.В. Кондрашин. Я попросил уточнить, считают ли китайцы свой путь «русским». Коллеги знают, что в Китае в настоящее время опубликованы на китайском языке труды представителей организационно-производственного направления (школы). Китайцы считают их «учебником», рассказывающим о том, как нужно развивать сельское хозяйство на основе крестьянских семейно-трудовых хозяйств. Поэтому, когда мы говорим об альтернативах и потенциале нэпа, то должны помнить, что за этими альтернативами стояли мощные научные силы, составлявшие золотой фонд российской экономической науки (А.В. Чаянов и др.). Разработка русскими экономистами теории крестьянского хозяйства, не российско-го, не китайского, а универсального, в условиях перехода государств от аграрных обществ к индустриальному – это всемирное научное достижение. Данная проблема волновала тогда лучшие умы России, поскольку страна в годы нэпа все еще оставалась крестьянской страной. Нельзя было не учитывать это обстоятельство и не решать крестьянский вопрос. И когда мы ведем дискуссию об альтернативах и потенциале нэпа, следует помнить, что в ней «заочно», «посмертно» участвуют выдающиеся ученые организационно-производственной школы, видевшие потенциал крестьянских хозяйств при условии их государственной поддержки и кооперирования.

В данном контексте следует напомнить, что сделавший доклад на конференции А.М. Никулин из Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ ответил на мой вопрос о том, насколько в современных условиях, учитывая мировой опыт, можно всерьез рассуждать об альтернативах слому нэпа. Он привел примеры того, как развивалось сельское хозяйство с опорой на крестьянское хозяйство и кооперацию при несталинских авторитарных режимах (в Италии, японский режим в Маньчжурии). Выяснилось, что и в авторитарной системе были механизмы сохранения крестьянской экономики и ее приспособления к задачам индустриализации и подготовки к войне.

В.И. Клисторин. Однажды В.Г. Венжер говорил о том, что его работы, а также труды Н.И. Бухарина были опубликованы в Китае и использовались в ходе реформ. После провала «большого скачка» было еще фактическое поражение Китая в войне с Вьетнамом. И после этого начались серьезные реформы, прежде всего резкое сокращение военных расходов, изменение политики по отношению к крестьянству, ликвидация народных коммун, разрешение частной торгов-

ли и т.д. Это все очень напоминает нэп. Опыт Китая и Вьетнама показывает, что даже в таких условиях можно двигаться по пути открытости экономики и экономического взаимодействия с недавними противниками. Опыт названных стран показывает, что подобный вариант развития не является фатальным для монополии одной партии в среднесрочной перспективе.

Л.И. Бородин. Я полагаю, что сравнения нэпа и экономических реформ в Китае, Вьетнаме и других странах достаточно условны. Конкретно-исторические ситуации в различных странах в момент подобных «развилочек» различались. Так, следует учитывать, что нэп начался в обстановке, когда только что закончилась кровавая Гражданская война. Победившая сторона в таких условиях взвешивать перспективы развития достаточно рационально не в состоянии. В конце 1990-х гг. в «Отечественной истории» была опубликована статья В.С. Тяжельникова «Самоубийства коммунистов в 1920-е гг.» [19], в которой содержалась информация о массовых случаях суицида членов РКП(б) в начале нэпа. Негативное отношение многих рядовых членов партии к нэпу, безусловно, оказывало влияние на политику руководства ВКП(б). В то же время успешное развитие экономики в последующие годы постепенно сглаживало подобное влияние. И если бы власть захотела, она могла бы преодолеть подобные настроения. Но в этом случае вставал вопрос: «Для чего мы делали революцию и победили в Гражданской войне? Чтобы вернуться к капиталистическому пути развития?».

Здесь логично обратиться к вопросу об альтернативах «великого перелома», о нереализованных возможностях развития на путях нэпа. Одним из первых историков, обратившихся к методологическим аспектам анализа альтернатив исторического развития России, был академик И.Д. Ковальченко, опубликовавший в 1986 г. статью «Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии» [20]. Автор рассматривал альтернативу как историческую реальность, определяя ее следующим образом: *«Альтернативной является такая историческая ситуация, которая характеризуется борьбой общественных сил за реализацию существенно различных возможностей общественного развития»*. Это определение открывает возможности моделирования альтернатив, «развилочек» исторического развития. Ковальченко отводил изучению альтернатив важное место, подчеркивая, что их игнорирование «обедняет представления об исторической реальности».

Очевидно, в конце 1920-х гг. имелась «развилочка». В руководстве ВКП(б) были сторонники продолжения нэпа (прежде всего Бухарин), эту линию поддерживали и определенные слои городского населения, и более успешная часть крестьянства. В 1928 г.

Бухарин выступил против планировавшейся форсированной коллективизации, отстаивая многоукладную экономику, сбалансированное развитие аграрного и индустриального секторов. Он возражал против «максимума годовой перекачки [средств] из крестьянского хозяйства в промышленность», ратуя за умеренные темпы индустриализации, без «чрезвычайщины». Это противоречило курсу Сталина на мобилизационную модель индустриализации.

Обычно «бухаринскую альтернативу» рассматривают как утопический, несостоятельный вариант развития, ссылаясь в основном на необходимость проведения быстрой «сталинской» индустриализации в связи с угрозой грядущей войны. В рамках нашего круглого стола нет возможности остановиться на этом вопросе. Отмечу лишь, что в определенной степени принятие решения в конце 1920-х гг. зависело от вектора внешней политики государства.

В связи с этим можно обратиться к развилке, к которой вышел на рубеже 1970-х – 1980-х гг. Китай. В середине 1980-х гг. Дэн Сяопин, поддерживая идеи Н.И. Бухарина, признавал, что наиболее правильной моделью социализма был советский нэп. Обеспечив сбалансированную внешнюю политику, избегая международных конфликтов, Китай под влиянием Дэн Сяопина осуществил экономические рыночные реформы, сочетавшие частное сельское хозяйство, смешанные формы предпринимательства и государственное регулирование. Эти реформы («китайский неонэп») привели к быстрому экономическому росту, подъему уровня жизни населения.

В.М. Рышков. Есть очень перспективное направление в исторических исследованиях: изучение влияния идентичности на экономику. То, о чем говорил Л.И. Бородин, связано с идентичностью коммунистов. Они понимали, что дальнейшее углубление рыночных реформ вступает в противоречие с политическими представлениями, ожиданиями, доктриной коммунистов, по существу, с идентичностью тогдашнего советского политического класса. В свое время известный американский экономист, обладатель Нобелевской премии по экономике Джордж Акерлоф показал, насколько идентичность влияет на поведение людей и на их представления о должном и допустимом в экономике. В 1920-е гг. в Советском государстве правящий класс целиком определял внутреннюю политику. И поэтому страна была обречена не на углубление рыночных реформ. Подобное углубление было возможно только в случае, если бы власть была другой. А при существующей власти свертыwanie реформ было неизбежно.

Г.Е. Корнилов. Новая экономическая политика Советского государства в 1921–1929 гг. представляла собой пример вынужденной и кратковременной прагматической экономики, свойственной развивающимся

странам и рассчитанной на быстрый оборот капитала и весомый доход.

Хотелось бы обратиться к проблеме, не получившей широкого отражения в историографии – к разработке и осуществлению административно-территориальной реформы в 1920-е гг. и ее результатам. При этом наиболее эффективным, на мой взгляд, является региональный срез. К примеру, эксперимент с созданием Уральской области с центром в Екатеринбурге/Свердловске в 1923–1934 гг.

Изучение административно-управленческого процесса (процесса организации и функционирования управленческих систем для мобилизации социальных групп, институциональных практик, технологий и ценностей ради достижения общественно значимых целей) относится к числу ключевых проблем отечественной историографии. Административно-управленческий фактор всегда играл существенную роль в процессах модернизации, поскольку он в определенном смысле затрагивает различные сферы жизни общества – экономическую, социально-политическую, демографическую, этническую, культурную и т.п.

В ходе этой реформы была поставлена задача экономического районирования как коренного изменения административно-территориального деления страны на основе создания крепких, хозяйственно самодостаточных административно-территориальных единиц. В декабре 1921 г. была создана Комиссия по районированию при Президиуме ВЦИК, к ее работе были привлечены административная комиссия ВЦИК, комиссия по районированию Наркомата земледелия и ЦСУ. В 1921 г. был разработан принципиальный проект нового районирования страны по схеме – район, округ, область (край). Новая схема районирования должна была усилить тенденции комплексного экономического развития отдельных крупных районов страны внушительными административными ресурсами. При проектировании областей и краев как относительно самодовлеющих в хозяйственном отношении образований главное внимание уделялось наличию топливно-энергетических ресурсов как базы развертывания производительных сил, формирования современной индустриальной структуры хозяйства, а также сокращению нерациональных транспортных перевозок, учитывался при этом и военно-стратегический аспект хозяйственного развития.

В соответствии с главными политическими и экономическими задачами нэпа новое внутриобластное (внутрирайонное) административно-территориальное устройство было также пронизано преимущественно социально-экономическими подходами. Замена прежнего административно-территориального деления (губерния – уезд – волость), в целом вооб-

ще слабо связанного с организацией экономики, новым представляла собой общее укрепление масштаба управления, стало непосредственно связываться, как показали дальнейшие события, с индустриальными перспективами развития общества и соответствующими им масштабами экономического взаимодействия.

В русле национальной политики в составе Уральской области в 1920-е гг. стали создаваться национальные районы и национальные сельсоветы. В 1928 г. в составе Уральской области насчитывалось 14 национальных районов, 1 национальный округ, 228 национальных сельсоветов с преобладающим нерусским населением и 226 – со смешанным, которые в совокупности охватывали 65 % национальных меньшинств, проживавших в сельской местности. В 1925 г. ВЦИК совместно с руководством Уральской области осуществили один из первых экспериментов по созданию национального автономного образования в составе области – Коми-Пермяцкого национального округа. В 1932 г. были созданы вместо Тобольского округа Остяко-Вогульский (Ханты-Мансийский) и Ямало-Ненецкий национальные округа. Направленность этих мер была очевидна: показать возможность удовлетворения национальных чаяний народов в составе более крупных промышленно-территориальных образований, выделяемых на экономической основе, вне полномасштабной национальной автономии. Считалось, что Уральский промышленный район мог способствовать более быстрому хозяйственному прогрессу и культурному просвещению коренных народов Севера.

Создание Уральской области (как первый в СССР опыт районирования крупной промышленной области) в дальнейшем послужило примерным образцом для территориально-административного оформления других областей и краев. Начавшийся с 1923 г. процесс районирования развивался по восходящей линии в основном до 1929 г., затем районирование, наоборот, в основном сопровождалось разукрупнением областей и краев. Новые областные и краевые объединения проектировались в соответствии с перспективами намечаемого масштабного индустриального развития. На общий сдвиг территории Уральской области в восточном направлении оказывали влияние перспективы создания индустриального Урало-Кузбасса. Присоединение к Уральской области обширного Тобольского Севера открывало перспективу вовлечения в оборот огромных лесных богатств и за счет этого возможность сохранения в регионе крупных мощностей древесно-угольной металлургии.

Положенный в основу районирования Уральской области принцип экономической целесообразности оказался в целом успешным. Он позволил реализо-

вать в условиях нэпа эффективную планово-рыночную модель регионального развития. Эффективность этой модели обеспечивалась тем, что руководящие органы области получили круг прав и полномочий в сфере хозяйственного управления. В ведении Уралоблисполкома и Уральского областного СНХ (как его хозяйственного отдела) находилась не только местная, но и вся государственная промышленность союзного и республиканского подчинения. Эта схема районирования была сориентирована на ускоренное движение промышленности к новым, перспективным районам сосредоточения сырья и на усиление влияния индустриальных центров на развитие аграрной периферии [21].

С ликвидацией нэпа уже в начале 1930-х гг. руководство страны поставило другую цель – усиление вертикальной системы управления экономикой, поскольку региональное звено управления препятствовало усилению безраздельной власти отраслевых наркоматов. Административно-территориальные изменения 1930-х гг. стали составной частью построения централизованной экономики мобилизационного типа, на пути к созданию более дробного и полностью подконтрольного центру административно-территориального деления.

А.А. Николаев. Современное поколение историков, родившихся в СССР и переживших попытки реформирования российской экономики, начиная с середины 1980-х гг., должно отчетливо осознавать, что период нэпа представляется весьма кратковременным хронологическим отрезком времени не более 7–8 лет, за который новая политическая элита успела сделать немало. Была восстановлена страна, разрушенная до основания в годы Гражданской войны, причем в условиях экономической блокады, не сопоставимых с современными санкционными со стороны Запада, которым противостоит отнюдь не ослабленная Россия. И этот макроэкономический срез должен четко учитываться в конкретно-исторических исследованиях.

Для современников слишком близки были события Первой мировой и Гражданской войны, и они вряд ли проводили жесткую грань по 1917 г. На примере сибирского маслоделия, приносившего в дореволюционный период значительные доходы в казну и бюджет местного крестьянства, видно, как отрасль в годы нэпа утрачивала позитивную динамику и товарность, в том числе за счет ограничения экспорта. Характерно, что некоторые местные сибирские руководители, находясь под свежим впечатлением (всего-то 8–10 лет назад) прорывного успеха молочного животноводства и маслоделия, не в полной мере владели объективной информацией об их состоянии и потенциале накопления для нужд индустриальной модернизации. Секретарь Сибкрайкома С.И. Сырцов в об-

разной форме предложил «въехать в Тельбесс на корове». Но в реальности от «дореволюционных» коров мало что осталось, а многие пошли под нож сначала в 1922 г. из-за засухи, а затем в начале массовой коллективизации. И основным источником финансирования строительства промышленных гигантов стало зерновое хозяйство.

Глубокий анализ экономического развития в 1920-е гг. невозможен без понимания основных тенденций, проявившихся в рамках более длительных экономических циклов, которые не совпадали с периодизацией политической истории. Интерпретация политических процессов на основе базисных экономических сдвигов представляется достаточно актуальной и востребованной не только для науки, но и для системы образования, должны быть предприняты усилия по подготовке учебных пособий и курсов по экономической истории.

А.П. Килин. Поскольку в сферу моих научных интересов входит процесс функционирования частной торговли в условиях многоукладной экономики нэпа, проблематика данного круглого стола представляется мне чрезвычайно актуальной.

Можно констатировать, что в ходе дискуссии выявились две позиции. Сторонники одной настаивают на возможности использовать рыночные механизмы в процессе дальнейшей модернизации страны, пусть более медленными темпами. Сторонники другой полагают, что потенциал смешанной экономики был исчерпан и для рывка, призванного продемонстрировать преимущество социализма, необходимо было перейти к мобилизационной модели.

Полагаю, что можно согласовать эти две позиции. Для меня нэп – это период, когда проводился эксперимент, в рамках которого советское правительство определяло, какие экономические законы и в каком объеме можно было нарушить или скорректировать, приспособить под реализацию собственной, по многим параметрам уникальной модели догоняющего развития, которая была названа «социализмом». Ставилась задача многоукладную экономику, органично присущую стране с ярко выраженной региональной социально-экономической асимметрией, унифицировать и трансформировать в «моноукладную», с абсолютным доминированием государственного уклада. При этом степень или глубина эксперимента определялась реальной или мнимой угрозой потери власти правящей элитой.

Кризисы нэпа были вызваны искусственно и спровоцированы попытками внедрить элементы централизованного планирования в многоукладное хозяйство страны. Это была своего рода серия инъекций для отслеживания реакции организма (отметим, не вполне здорового) на меры прямого директивного

планирования. По этой причине нэп вполне органично вписывается в систему построения мобилизационной экономики, которая виделась в качестве идеала и яркий и запоминающийся эскизный проект которой мы могли наблюдать в период военного коммунизма.

Это был переход к новому обществу, которое строилось с нуля, в виде эксперимента. Нэп в этой системе координат – это переходный период, который выполнял функцию шлюза, позволяющего сгладить перепады «уровня воды», т. е. различия в степени реализации экономических законов в рыночной и плановой (мобилизационной) экономике. Если продолжить это сравнение, то властям необходимо было переместить судно национальной экономики из открытого моря (рыночной стихии), через Беломорканал (ГУЛАГ), в искусственно созданный и отчасти изолированный «социалистический» бассейн, из которого вода выливается или вливается строго в соответствии с условиями задачи из школьного учебника.

В.И. Клисториным уже было сказано, что наше обращение к нэпу во многом обусловлено проблемами сегодняшнего дня. В этой связи возникает вопрос к историкам и экономистам: как они относятся к термину «неонэп» в условиях современной России, обратиться к которому призывают отдельные политологи и публицисты? Возможно, третья волна дискуссии о нэпе возникла в связи с тем, что мы находимся в переломной точке развития, точке бифуркации. Сегодня вновь возникают вопросы об источниках и направлениях модернизации, о децентрализации и подлинном федерализме в современной России. Вероятно, эти причины, помимо юбилейного года, пробудили интерес к нэпу именно сегодня?

В.И. Клисторин. Попытка воплощения идеи неонэпа была предпринята в 1980-х гг.: это кооперативы, совместные предприятия, свободное ценообразование на часть продукции и т.п. Мы знаем, к чему она привела в отличие от собственно нэпа. В другой демографической ситуации и социокультурной среде при наличии слоя людей, подмастерьев, приказчиков, которые копировали действия убежавших хозяев, можно было добиться частичных успехов. А из кого вышли современные предприниматели и какую культуру они вносили в бизнес? Это прежде всего умение выстраивания отношений с властями. Вообще вопросы культуры и общественных настроений чрезвычайно важны. Моя позиция такова, что сейчас неонэп невозможен ни по технологическим, ни по культурным, ни по демографическим параметрам.

В.С. Пушкарев. Очень важным показателем экономического развития в период нэпа было соотношение легального и нелегального рынка. Я занимаюсь историей «черного» рынка. Экономика нэпа напоминала «слоеный пирог», где пересекались товарно-де-

нежные потоки, легальные и нелегальные, и не просто пересекались, а превращались один в другой. И эта особенность сохранялась на протяжении всего советского периода. Поэтому один из основных вопросов нэпа заключался не в победе мобилизационного или рыночного пути развития, а в том, уйдет ли рыночный путь снова «в тень» или не уйдет. Он все время оставался составной частью советской экономики и победил в начале 1990-х гг.

Л.И. Бородин. Хотел бы прокомментировать мнение А.А. Николаева о необходимости рассматривать исторический процесс в более глубокой ретроспективе. Перед Первой мировой войной Российская империя имела первое место по темпам промышленного развития. Специалисты по экономической истории России (включая зарубежных коллег) признают это. Прирост составлял в среднем 6,5 % в год на протяжении четверти века до начала Первой мировой войны. Конечно, немалую роль здесь играла «низкая база», но и в сравнении со странами «второго эшелона» темпы промышленного роста России были самыми высокими. Важным фактором этого роста были иностранные инвестиции. На начальном этапе дореволюционной индустриализации Российской империи они составляли около 50 %. Перед Первой мировой войной доля иностранных инвестиций снизилась, по сегодняшним оценкам, примерно до 30 %, роль собственных капиталов в развитии промышленности заметно выросла.

Однако с отказом в 1918 г. правительства большевиков от всех иностранных долгов и финансовых обязательств Российской империи страна «выпала» из мировой финансовой системы. Зарубежные кредиты и инвестиции стали невозможны. Это значит, что только за золото и валюту можно было покупать заводы и оборудование на Западе. Основным источником для индустриализации 1930-х гг. стала деревня. За последние десятилетия историография сформировала большой массив сведений о «цене» форсированной трансформации советской экономики и общества в 1930-х гг. Однако выбор вариантов развития на «великом переломе» существовал.

В.М. Рынков. Время, отведенное для проведения круглого стола, исчерпано. Пора подводить итоги. Мы предполагали обсудить итоги и перспективы историографии новой экономической политики, но основное внимание уделили дискуссионным проблемам нэпа. При этом обозначились различные позиции по поводу его перспектив. Сегодняшний круглый стол показал, что подводить итоги изучения нэпа преждевременно и его историография находится на очередном этапе тематической и методологической бифуркации. Возможно, мы в начале нового историографического цикла. Ни на пленарном заседании, ни в работе секции «Нэп: грани изучения», ни в обсуж-

дении на круглом столе никто не говорил о том, что историки находятся на пути выработки новой, прорывной методологии, которая в своем развитии приведет к формированию принципиально нового видения нэпа. Отечественная история 1920-х гг. – это самый сложный период, но он феноменально обеспечен разными видами источников, и что особенно важно для изучения экономической сферы, – большим массивом статистических источников. Тем не менее всегда следует помнить, что статистические источники показывают только то, что посчитано. Иногда ценой немалых усилий нам удается реконструировать неподсчитанную статистику часть. Но чаще остается лишь догадываться, что кроется под статистически просчитанной вершиной айсберга экономического развития. Насколько коэффициенты и дифляторы позволяют корректно представить реальную динамику экономической ситуации – это большой вопрос. Понимание ограниченности своих возможностей, с одной стороны, позволяет критично оценить предшествующие научные результаты, а с другой – отточить аппарат работы с существующими источниками. Возможно, более совершенная методика работы с ними позволит выйти на новые рубежи изучения нэпа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ханин Г. Как и почему погиб НЭП // ЭКО. 1989. № 10. С. 66–83.
2. Бородин Л.И., Свищев М.А. Социальная мобильность в период нэпа. К вопросу о росте капитализма из мелкого производства в журнале // История СССР. 1990. № 5. С. 105–121.
3. Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. 240 с.
4. Последние из могикан: красные купцы эпохи нэпа. Материалы и документы об уральских коммерсантах, 1921–1928 / Сост. Р.А. Хазиев. Уфа: РИО Баш. гос. ун-та, 2003. 311 с.
5. Ильиных В.А. «Масляная война» 1923–1928 гг. в Сибири (государство, кооперация и частный капитал на заготовительном рынке в условиях нэпа). Новосибирск, 1996. 98 с.
6. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 284 с.
7. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / Ильиных В.А., Андреев С.Н., Рынков В.М. Новосибирск, 2012. 408 с.
8. Голодовки в истории России XVIII – XX вв.: сб. стат. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. 272 с.
9. Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 244 с.
10. Мухин М.Ю. Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? // Российская история. 2020. № 5. С. 3–14.
11. Кондрашин В.В. Отклик на статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» // Крестьяноведение. 2021. № 1. С. 180–184.
12. Кондрашин В.В. Крестьянская община и насильственная коллективизация: к вопросу о причинах успеха в советской деревне сталинской «революции сверху» // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019 год: Проблемы аграрного развития России XIV–XX вв. Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2020. С. 202–215.

13. Наухацкий В.В. Эволюция социальных структур села в период нэпа (на материалах Северо-Кавказского края) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019 год: Проблемы аграрного развития России XIV–XX вв. Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2020. С. 177–185.

14. Ильиных В.А. Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х – 1920-е гг.: критерии, тенденции, факторы // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. С. 128–134.

15. Голанд Ю.М. Опыт индустриализации при нэпе и его использование в современных условиях // Вопр. экономики. 2013. № 10. С. 109–135.

16. В. Селюнин, Г. Ханин. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 181–201.

17. Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток–Запад–Россия. М., 2002. С. 109–128.

18. Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. М.: Высш. шк., 2007.

19. Тяжелых В.С. Самоубийства коммунистов в 1920-е гг. // Отечественная история. 1998. № 6. С. 158–174.

20. Ковальченко И.Д. Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии // История СССР. 1986. № 4. С. 83–104.

21. Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: планирование и управление / ред. Г.Е. Корнилов. Екатеринбург: УрО РАН, 2018. 368 с.

REFERENCES

1. Khanin G. How and why NEP died. *ECO*, 1989, no. 10, pp. 66–83. (In Russ.)

2. Borodkin L.I., Svishchev M.A. Social mobility during the NEP period. On the growth of capitalism from small-scale production. *Istoriya SSSR*, 1990, no. 5, pp. 105–121. (In Russ.)

3. Demchik E.V. Private capital in the cities of Siberia in the 1920s: from revival to liquidation. Barnaul, Altay Univ Publ., 1998, 240 p. (In Russ.)

4. Khaziev R.A. (comp.) The last of the Mohicans: red merchants of the NEP era. Materials and documents on the Ural merchants, 1921–1928. Ufa, Bashkir Univ. Publ., 2003, 311 p. (In Russ.)

5. Ilinykh V.A. The Butter War of 1923–1928 in Siberia (state, cooperation and private capital in the procurement market under NEP conditions). Novosibirsk, 1996, 98 p. (In Russ.)

6. Ilinykh V.A. The state control of agricultural market in Siberia under the New Economic Policy conditions (1921–1928). Novosibirsk, SB RAS Publ., 2005, 284 p. (In Russ.)

7. Ilinykh V.A., Andreenkov S.N., Rynkov V.M. Agriculture of Siberia in the XX century: development problems and crises. Novosibirsk, 2012, 408 p. (In Russ.)

8. Kornilov G.E., Labuzov V.A. (eds.) Famines in the history of Russia in the XVIII–XX centuries: proceedings of the VIII Intern. sci. conf. Orenburg, OSPU Publ., 2013, 272 p. (In Russ.)

9. Esikov S.A. Russian village during NEP. On the issue of alternatives to Stalin's collectivization (based on materials of Central Black Earth Region). Moscow, ROSSPEN, 2010, 244 p. (In Russ.)

10. Mukhin M.Yu. One hundred years of NEP study. Time to take stock? *Rossiyskaya istoriya*, 2020, no. 5, pp. 3–14. (In Russ.)

11. Kondrashin V.V. Response to the article by M. Yu. Mukhin "One hundred years of NEP study. Time to take stock?" *Krest'yano-vedenie*, 2021, no. 1, pp. 180–184. (In Russ.)

12. Kondrashin V.V. Peasant community and forced collectivization: on the issue of reasons for success of Stalinist "revolution from above" in Soviet village. *Ezhгодnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2019: Problemy agrarnogo razvitiya Rossii XIV–XX vv.* Voronezh, 2020, pp. 202–215. (In Russ.)

13. Naukhatskiy V.V. Evolution of social structures of the village during the NEP period (based on materials from the North Caucasus Region). *Ezhгодnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2019: Problemy agrarnogo razvitiya Rossii XIV–XX vv.* Voronezh, 2020, pp. 177–185. (In Russ.)

14. Ilinykh V.A. Social mobility of Russian peasantry in the late 1910s–20s: criteria, trends, factors. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2018, no. 4, pp. 128–134. (In Russ.)

15. Goland Yu.M. The experience of industrialization during NEP and its use in modern conditions. *Voprosy ekonomiki*, 2013, no. 10, pp. 109–135. (In Russ.)

16. Selyunin V., Khanin G. Crafty figure. *Novyy mir*, 1987, no. 2, pp. 181–201. (In Russ.)

17. Bogaturov A.D., Vinogradov A.V. The enclave-conglomerate development type. The trans-system theory experience. *Vostok–Zapad–Rossiya*. Moscow, 2002, pp. 109–128. (In Russ.)

18. Skafymov A.P. Poetics of an art work. Moscow, Vischaya shkola, 2007. 534 p. (In Russ.)

19. Tyazhelnykh V.S. Suicides of communists in 1920s. *Otechestvennaya istoriya*, 1998, no. 6, pp. 158–174. (In Russ.)

20. Kovalchenko I.D. Possible and real and the problems of alternative historical development. *Istoriya SSSR*, 1986, no. 4, pp. 83–104. (In Russ.)

21. Kornilov G.E. (ed.) Economic development of the Urals and West Siberia in the XX century: planning and management. Ekaterinburg, UrB RAS, 2018, 368 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.11.2021

Дата рецензирования 15.11.2021

Статья принята к публикации 18.11.2021

ГОД НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

DOI: 10.15372/HSS20210402

УДК 050(571.1/.5)

Н.А. КУПЕРШТОХ

ГОД НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ: ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В Год науки и технологий были подведены итоги отражения проблем отечественной науки и образования на страницах журнала «Гуманитарные науки в Сибири». Проанализированы тематические блоки статей, рецензий, обзоров конференций, опубликованные в журнале за последние три года и посвященные различным проблемам истории науки, образования, просветительной и музейной деятельности. На страницах журнала представлены работы по истории экспедиционного изучения Сибири в XVIII в., просветительской деятельности и книжного дела в Сибири, различных научно-образовательных институций. Отражена история академической науки Сибири – научных центров, персонального вклада ученых-лидеров в изучение региона, роли их научного наследия. Статьи и сообщения по различным направлениям музейной деятельности раскрывают многообразие подходов музейного сообщества Сибири к изучению и сохранению научного и культурного наследия этого региона. В заключительной части обзора обозначены своеобразные «лакуны» в освещении проблем истории науки и образования на страницах журнала.

Ключевые слова: Год науки и технологий, журнал «Гуманитарные науки в Сибири», публикации.

N.A. KUPERSHTOKH

THE YEAR OF SCIENCE AND TECHNOLOGY IN THE PAGES OF THE JOURNAL “HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The Year of Science and Technology has summed up the original results of reflecting the problems of domestic science and education in the pages of the journal “Humanitarian Sciences in Siberia”. The author analyzes thematic blocks of articles, reviews, conference reviews published in the journal over the past three years. The study reveals that the publications are devoted to various problems of the history of science, education, educational and museum activities; they are distinguished by thematic variety. The journal presents works on the history of the expeditionary study of Siberia in the XVIII century, educational activities and book business in Siberia, various scientific and educational institutions. The papers present the history of the academic science in Siberia - scientific centers, personal stories of leading scientists and their scientific heritage. Articles and reports on various areas of museum activities reveal the diversity of approaches of the Siberian museum community to the study and preservation of the scientific and cultural heritage of the region. The final part of the review indicates peculiar “gaps” in covering the problems of science and education history in the journal’s pages.

Key words: Year of Science and Technology, Journal “Humanitarian Sciences in Siberia”, publications.

Наталья Александровна Куперштох – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: nataly.kuper@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1522-1837>.

Natalia A. Kupershtokh – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

ВВЕДЕНИЕ

2021-й год объявлен в Российской Федерации Годом науки и технологий. Реализация такого значимого проекта, как «Академгородок 2.0», программы стратегического академического лидерства («Приоритет–2030»), Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации вновь и вновь привлекают внимание социума к проблемам истории и современного состояния научно-образовательного потенциала России, способного ответить на вызовы эпохи. Журнал «Гуманитарные науки в Сибири» на протяжении всей истории существования (с 1994 г.) традиционно уделял и уделяет большое внимание публикации статей по проблемам ретроспективного анализа развития науки и образования в регионе в широком тематическом и хронологическом диапазоне. Объективно площадка журнала является междисциплинарной платформой для обсуждения актуальных проблем археологии и этнографии, отечественной истории, источниковедения и историографии. На страницах журнала публикуются статьи как теоретико-методологического плана, так и статьи, раскрывающие вклад конкретных ученых, педагогов, просветителей в развитие науки, культуры, образования. Территориальные рамки исследований публикуемых статей зачастую выходят за пределы Сибири и Российской Федерации. Опыт развития культурного и научно-образовательного потенциала в соседних регионах и сопредельных странах помогает лучше понять общие закономерности развития науки и образования в мире.

ОБЗОР ТЕМАТИЧЕСКИХ БЛОКОВ ПУБЛИКАЦИЙ

В публикациях журнала «Гуманитарные науки в Сибири» за последние три года (2018–2020 гг.) можно выделить несколько тематических блоков. В фокусе нашего внимания оказались не только статьи и сообщения по определенным исследовательским проблемам, но также рецензии на монографии, обзоры конференций, другие материалы, так или иначе связанные с освещением разнообразных вопросов истории развития науки и технологий.

Историкам хорошо известно, что первоначальное изучение и освоение Сибири осуществлялось усилиями первопроходцев-энтузиастов, а также участниками экспедиций Академии наук в XVIII столетии, которые составляли первые карты и атласы неизведанных ранее территорий, давали этнографическое описание живущих здесь народов и т.п. На страницах журнала можно прочесть статьи, посвященные вопросам изучения материалов Второй Камчатской экспедиции (А.Х. Элерт, 2020, № 4), анализу конкретного вклада участника этой экспедиции С.П. Крашенинникова (И.А. Шипилов, 2018, № 3). История про-

светительской деятельности и книжного дела в Сибири также насчитывает не одно столетие. Ряд статей отражает результаты изучения таких проблем, как эпистолярное наследие сибирского просветителя П.И. Макушина (С.Г. Петров, 2018, № 3), мемуарное наследие декабристов (Е.Н. Туманик, 2020, № 4), круг чтения сибиряков в конце XIX – начале XX вв. (Ю.В. Тимофеева, 2019, № 4), читательские практики старообрядцев (В.А. Есипова, 2018, № 1).

Организационные формы научной деятельности в Сибирском регионе эволюционировали от единичных комитетов и станций до создания первых вузов и НИИ. Опубликованные в журнале статьи повествуют о деятельности научно-образовательных учреждений на протяжении длительного хронологического периода. Интересными являются сюжеты о деятельности естественно-исторического отдела Института исследования Сибири в 1919–1920 гг. (В.В. Расколец, 2019, № 1), о первых станциях, обсерваториях и лабораториях Якутии (Е.П. Антонов, В.Н. Антонова, 2020, № 3), об истории Алтайского государственного педагогического университета (О.Н. Шелегина, О.Н. Труевцева, 2018, № 2).

Во второй половине XX в. в Сибирском регионе появились крупные междисциплинарные академические комплексы – научные центры. В составе Сибирского отделения РАН возникли десятки новых институтов, сформировались научные школы ярких ученых-лидеров, достигнуты результаты мирового уровня. Феномен сибирского кластера науки привлек внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. На страницах журнала получили освещение основные тенденции в истории науки в Сибири, отмечены достоинства и недостатки ряда работ историков-научковедов (И.А. Крайнева, О.А. Савелова, 2020, № 3). Нашла отражение международная деятельность СО РАН, в частности сотрудничество с Национальной академией наук Беларуси (Н.А. Куперштох, 2019, № 1), опубликован обзор проведенного в Институте истории СО РАН круглого стола с участием ученых Беларуси (О.Н. Шелегина, Г.М. Запорожченко, 2018, № 2). Проанализирована разработка стратегий социально-экономического развития Сибири учеными Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Н.А. Куперштох, 2020, № 1), опубликована персональная история академика М.Ф. Жукова (Н.А. Куперштох, 2018, № 1). Представлены результаты изучения деятельности Президиума СО РАН в области научного книгоиздания (А.М. Панченко, 2020, № 3).

Интерес к истории Новосибирского научного центра СО РАН и его научному наследию был в значительной степени актуализирован подготовкой и началом реализации проекта «Академгородок 2.0».

В социуме стали активно обсуждаться принципы, на которых создавался научный центр в Сибири в конце 1950-х гг. Так называемая триада одного из основателей СО АН СССР – академика М.А. Лаврентьева – единство науки, образования и инноваций – на десятилетия вперед определила стратегию развития междисциплинарного кластера в Сибирском регионе. Благодаря ученым-подвижникам в ННЦ организованы научно-исследовательские институты, которые достигли мировой известности. Именно научное наследие выдающихся ученых составляет базис новосибирского Академгородка как достопримечательного места (Г.М. Запорожченко, О.Н. Шелегина, 2018, № 4). На страницах журнала также дан подробный обзор книг, раскрывающих историко-культурные основания проекта «Академгородок 2.0». Опубликованы рецензии на книгу Н.Н. Покровского, Г.М. Запорожченко, О.Н. Шелегиной «Достопримечательное место “Новосибирский Академгородок”»: научное и культурно-историческое наследие». Новосибирск, 2018. (Н.А. Куперштох, 2019, № 2); рецензия на книгу И.А. Крайневой «Научное наследие советских ученых в электронных архивах СО РАН: Мастер. Проповедник. Лидер». Новосибирск, 2018. (Н.А. Куперштох, О.Н. Шелегина, 2019, № 2).

Важнейшая роль в сохранении культурного и научного наследия принадлежит музеям. На страницах журнала, особенно в последние два года, представлены статьи и сообщения по различным направлениям музейной деятельности. Рассматривались проблемы наследия и тенденции в развитии музеев и музееведения (Т.Н. Золотова, 2020, № 4), социокультурные практики международного и российского уровня в музейном мире Сибири (О.Н. Шелегина, 2020, № 1). Серия статей посвящена деятельности музеев в структуре Российской академии наук. Представлена функциональная типология музеев РАН (А.Е. Мурзинцева, 2020, № 4), показана роль Музея науки и техники СО РАН в социокультурном пространстве новосибирского Академгородка (Г.М. Запорожченко, Н.Н. Покровский, 2019, № 1), обозначены векторы развития Музея Бурятского научного центра СО РАН в контексте музейной деятельности Российской академии наук (С.В. Бураева, А.Е. Мурзинцева, 2019, № 3). Интерес вызывает опыт развития традиций российского музейного дела в проекте «Крымская музеологическая школа „Museum Studio“» (И.В. Чувилова, 2020, № 3), а также история формирования первых археологических коллекций Кяхтинского краеведческого музея (Я.В. Дикий, 2019, № 4).

В Сибирском отделении РАН ведутся исследования практически по всем направлениям науки. В современном обществе значительная роль отводится гуманитарному знанию как стратегической составля-

ющей фундаментальной науки в России. Цикл статей журнала посвящен общим проблемам гуманитарных наук, конкретным проблемам исторической науки, а также деятельности ученых-историков. В этом цикле программной является статья о приоритетных направлениях гуманитарной науки в современном обществе (В.И. Молодин, 2019, № 4). Роль историка в фокусе культурологической парадигмы рассмотрена в рецензии на книгу Л.А. Сидоровой «Советские историки: духовный и научный облик». М., 2017. (В.П. Корзун, В.Г. Рыженко, 2018, № 1).

Как и в других областях науки, научные направления в изучении истории России и Сибири зарождались благодаря талантливым ученым-историкам. Чрезвычайно интересны впечатления академика В.В. Адоратского о поездке на Международный конгресс историков в Осло в 1928 г. (С.Г. Петров, 2019, № 3). Серия статей посвящена изучению научного вклада в историю Сибири и Урала ученых-историков, которые работали в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР. Новые научные направления формировались под руководством д-ра ист. наук Дмитрия Яковлевича Резуна (Ю.М. Гончаров, О.Г. Климова, 2018, № 3), д-ра ист. наук Николая Яковлевича Гущина (Н.Г. Кедров, 2018, № 4), академика Вениамина Васильевича Алексеева, который использовал сибирский опыт для организации нового института в Екатеринбурге (И.В. Побережников, В.Н. Кузнецов, 2019, № 2). На страницах журнала представлен обзор мероприятий, посвященных памяти и 90-летию со дня рождения академика Николая Николаевича Покровского: археографического семинара (Л.В. Титова, 2019, № 4) и IV Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии» (Л.И. Журова, И.А. Шипилов, 2020, № 4).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как член редколлегии журнала «Гуманитарные науки в Сибири», вижу определенные пробелы в тематике журнала по проблемам истории науки и образования. В современных условиях, когда курс на интеграцию научных учреждений и вузов становится определяющим трендом научной политики, необходимо привлекать авторов, которые бы раскрывали особенности этого процесса на различных исторических этапах. На страницах журнала, на мой взгляд, недостаточно представлена история конкретных научно-образовательных учреждений, особенно первых вузов Сибири – Томского и Иркутского университетов, их роль в формировании академических структур региона. Интересной и пока совершенно не исследованной представляется проблема «научных десантов», когда научные коллективы институтов Си-

бирского отделения АН СССР делегировали группы сотрудников в вузы Омска, Красноярска, Улан-Удэ и других городов с целью появления там «точек роста» – организации новых кафедр и специальностей. Больше внимания на страницах журнала следовало

бы уделить биографиям ученых РАН, персональным историям ректоров вузов, руководителей крупных научно-производственных объединений. Именно их усилиями в первую очередь создавался научно-технологический потенциал России.

Статья поступила в редакцию 01.04.2021

Дата рецензирования 05.07.2021

Статья принята к публикации 05.10.2021

DOI 10.15372/HSS20210403

УДК 94:656(571.1/.5)"19"

В.М. РЫНКОВ**ТРАНСПОРТНОЕ И ПРОМЫШЛЕННОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ В XX в.
В ИССЛЕДОВАНИЯХ В.А. ЛАМИНА**Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассмотрено исследование проблем промышленного и транспортного освоения северных и восточных рубежей России известным историком Владимиром Александровичем Ламиным. Раскрыта оригинальность его подходов к изучению хозяйственной подсистемы общества, отмечено постепенное расширение исследовательского поля за счет интереса к социальным и демографическим проблемам, тесного взаимодействия с экономистами, показано творческое и организационное влияние В.А. Ламина на становление историко-экономических исследований в Институте истории СО РАН.

Ключевые слова: экономическая история, Сибирь, Дальний Восток, Арктика, транспорт, проекты.

V.M. RYNKOV**TRANSPORT AND INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF SIBERIA IN THE XX CENTURY
IN THE STUDIES OF V.A. LAMIN**Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

A significant historiographical problem is the historical and economic research formation in the Novosibirsk Scientific Center. The article shows the effect of Vladimir Alexandrovich Lamin's works on studying the economic history.

V. A. Lamin devoted several decades to a key scientific problem of the development and implementation of transport development projects in the northern and eastern regions of Russia. The article analyzes in detail the development of research approaches due to the original source base, appeal to the historical geography tools for the historical material analysis, intention to study key historical sources in a wide chronological and thematic context including cross-country comparisons. The important element of V.A. Lamin's style is the aspiration to consider transport different types in their relationship, to indicate the influence of technological breakthroughs on the construction pace of new communication lines, organization of cargo flows, and the transport industry economy in general. Tracing the problem field expansion of V. A. Lamin's studies of the economic history of Siberia, the author notes that, without leaving an increasingly detailed research of transport projects, he turned to a retrospective analysis of the most important resource sectors of the economy of the eastern borders – gold mining (for the XIX and early XX centuries), and oil and gas production – for the second half of the XX century.

The article describes the results of joint research projects carried out by historians and economists with V. A. Lamin's participation. The last thirty years, V. A. Lamin aimed his fellow historians at expanding the problem field of studying projects for the natural resources and industrial development, their practical implementation including social and demographic consequences. As a result of scientific and organizational efforts by V. A. Lamin, the historians have comprehended a huge amount of factual materials, formed a major scientific direction, and created fundamental collective works of an interdisciplinary nature.

Key words: economic history, Siberia, Far East, Arctic, transport, projects.

Вадим Маркович Рынков – д-р ист. наук, директор Института истории СО РАН, e-mail: vadvet@list.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3284-549X>.

Vadim M. Rynkov – Doctor of Historical Sciences, Director of Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

14 мая 2021 г. научный руководитель Института истории СО РАН, член-корреспондент, доктор исторических наук Владимир Александрович Ламин отпраздновал свой юбилей – 85-й день рождения. Большой и важный этап в жизни юбиляра связан с его работой на посту директора Института, который он возглавлял с 1998 по 2019 г., чуть более двадцати лет. За это время качества ученого и организатора тесно переплелись, а его научное творчество пополнилось новыми гранями. Можно отдельно рассказать об организации исследований истории Сибирского отделения РАН, итогом которых стало издание нескольких фундаментальных научных и научно-справочных работ, о крупных проектах, посвященных истории Новосибирска, о фундаментальном энциклопедическом издании «Сибирской исторической энциклопедии», об активной деятельности по развитию музеев Сибирского отделения и музейного дела Сибири. Но целесообразно остановиться подробнее на главном направлении научных исследований В.А. Ламина, сформировавшемся задолго до его прихода на пост директора. Речь пойдет об исследовании проектов освоения и развития российской Арктики, Сибири и Дальнего Востока, истории их разработки и практической реализации. Как исследователь этих научных проблем Владимир Александрович получил широкую известность, объединил коллег, занимающихся близкой тематикой, сформировал научную школу, отчасти даже переориентировал Институт истории СО РАН на разработку данной тематики в качестве приоритетной.

Данная статья посвящена анализу проблематики научных исследований В.А. Ламина на разных этапах его творчества, полученных им результатов, их воздействию на развитие историко-экономических исследований в Сибири.

Владимир Александрович пришел в профессиональную историческую науку, имея за плечами немалый жизненный опыт: учеба в речном училище и много лет спустя в Свердловском юридическом институте, рабочий в академическом институте, народный судья и председатель народного суда, профсоюзная работа в СО АН СССР. В Институте истории, филологии и философии СО РАН он начинал как историк с изучения связей науки и производства. В центре его внимания оказались рабочие и инженеры в научных коллективах, те, кто осуществляет внедрение передовых разработок ученых, т.е. анализ путей от фундаментальной науки к наукоемкому производству. Для советской исторической науки это вполне устоявшаяся тема, но Владимир Александрович нашел здесь и поднял архивную целину, открыв перспективы огромных масштабов.

В ПОИСКАХ МАГИСТРАЛЬНОЙ ТЕМЫ

Основной научный интерес В.А. Ламина, устойчиво сохранившийся поныне, – история промышленного и транспортного освоения дальних рубежей Родины: от научно-производственных разработок до промышленного производства. В Сибири на неосвоенных территориях предстояло наладить крупное промышленное производство, проложить коммуникации. Здесь ученые шли впереди практиков, оценивали принципиальные возможности и перспективы освоения новых территорий, намечали места размещения поселений, способы эксплуатации природных богатств, а затем и объемы необходимого строительства индустриальных объектов, возможные траектории их взаимодействия с «большой землей». Романтика неизведанного, воспетая В.А. Обручевым и И.А. Ефремовым, привлекала ученого, ищущего в ней логического завершения в виде проектов с четкими выкладками и экономическими обоснованиями.

Владимир Александрович показал яркий пример, как работа над реализацией конкретного научного проекта используется в виде трамплина для полета научной мысли и более полного видения перспектив. В те годы развернулось строительство Байкало-Амурской магистрали. В институте готовили большой коллективный труд по истории рабочего класса Сибири и изучали историю БАМа как одну из приоритетных тем. Владимир Александрович, анализируя кадры рабочих и научные проекты индустриального развития, особое внимание уделял прорывным технологиям. Работа с широчайшим кругом источников (многие из которых и привлекались ранее, но не прочитывались с достаточным вниманием), обращение к трудам географов и экономистов, поиск междисциплинарных контактов, – все это было вполне в тренде института, его готовности к интеграции.

Как писал в своем предисловии к монографии «Ключи от двух океанов» академик А.П. Окладников, «автор поднял пласты научной целины и его труд в равной мере актуален и общественно необходим» [1, с. 9.]. Работа над первой монографией в равной мере обозначила и круг научных интересов ученого, и круг опорных источников. Технологии ускоряют бег истории, а скелетом, связывающим воедино пространство, являются путями сообщения. Что касается сооружения новых транспортных линий, то советские географы умели анализировать множество факторов: предельная пропускная способность, зона экономического притяжения, оснащенность подвижным составом. Владимир Александрович не раз писал о людях, с которыми ему довелось работать, о реализованных научных проектах. А судя по его книгам, он в 1970-е гг. провел практически полную «инвентаризацию» проектов индустриального развития восточных

регионов. Он анализировал и сопоставлял отчеты геологических экспедиций, экономические данные и транспортные проекты, которые приходилось разыскивать по разным библиотечным и архивным хранилищам.

Опираясь на работы экономистов, Владимир Александрович проанализировал огромное количество публикаций, содержащих многочисленные проекты, с их экономическими обоснованиями, статистическими выкладками, сметами, сведениями об инженерных коммуникациях и т.п. Изучались в архивах плановых и проектных организаций и неопубликованные проекты, сопроводительная техническая документация. Он решал непростую научную задачу – осуществил анализ всех выявленных проектов строительства транспортных коммуникаций в Арктической зоне (европейской части России, в Сибири и на Дальнем Востоке), уделив внимание и Сибирско-Аляскаинской магистрали, и Волжско-Обскому каналу. Многочисленные проекты были просеяны как через сито, большинство из них не было реализовано. Но исследователем были показаны технические и экономические перспективы каждого из них, изучены причины отклонения одних и принятия других проектов, мотивы принятия решений, прослежено влияние некоторых разработок на последующее пространственное размещение экономики. Достроенная вскоре после выхода книги Байкало-Амурская магистраль оказалась укоренена в почти вековой проектировке разных вариаций. Но чтобы докопаться до корней этой истории, пришлось вести поиск, начиная с сибирских первопроходцев, подсказавших, вероятно, широтные рамки исследования.

БАМ Владимиру Александровичу удалось встроить в цепочку разных по масштабу и географии проектов, он стал не конечной точкой исследования, а важным звеном в поиске и создании еще не построенной сверхмагистрали, которая призвана была пересечь евразийский континент, соединить морские берега. Ключи оказались со множеством секретов, соединив научную мысль и житейскую мудрость. Например, при прокладке железнодорожной магистрали через необжитую тайгу не следовало искать способы спрямления пути ради сокращения издержек. Напротив, более извилистый путь позволял вовлекать в товарный оборот максимальное число населенных пунктов и будущих добывающих и перерабатывающих предприятий, которые уже проектировались. Только так, увеличивая капиталовложения, можно было получить эффект в развитии огромной таежной зоны, оправдать сооружение дорогой магистрали.

Изучению БАМа предшествовал анализ таких проектов, как Северный морской путь, проект соединения сибирских рек, сооружение в таежных просторах каналов и шлюзов для соединения Волги с Ени-

сеем. Затем поиски выбора оптимального пути сначала для первой железнодорожной магистрали, потом для второй, анализ экономических и военно-стратегических аргументов, оценка достигнутых рубежей.

Исследование темы продолжилось в монографии В.А. Ламина, написанной в соавторстве с М.Р. Сигаловым. Союз историка и географа дал развитие новым темам в изучении влияния транспорта на темпы и качество освоения и сибирских, и дальневосточных просторов, что позволило рассмотреть и арктический, и южный земледельско-колониационный векторы развития Транссиба. Получили детализацию и выдвигавшиеся с конца XIX в. проекты строительства второго выхода к российскому тихоокеанскому побережью. Дискуссия велась между представителями городских центров Сибири особенно активно по поводу места проведения магистрали, что в конечном счете означало выбор между зонами приоритетного развития. В книге о транспортном строительстве в большей степени учтены экономические факторы, касающиеся прокладки новых магистралей. При этом авторы указали на неправомерность подхода к оценке хозяйственной деятельности дорог в Азиатской России с тем же мериллом, что и для остальной территории страны. В этом случае они всегда будут обречены проектироваться как заведомо убыточные. Но даже если учесть активизацию связанных с Транссибом грузопотоков на европейской части России, то убыточность азиатских магистралей будет выглядеть не столь существенной. Необходимо также учесть рост экономической активности большой примамгистральной зоны, которая не всегда ведет к пропорциональному росту железнодорожных грузопотоков.

Авторы отмечали два подхода к проектированию – пионерный, нацеленный на создание условий для промышленного освоения пустынных территорий с помощью прокладки транспортных магистралей, и подход, связанный с прокладкой магистралей к уже существующим промышленным объектам. Очевидно, что в первом случае капиталоемким становится создание условий для доступности неосвоенной территории, что снижает издержки вовлечения новых территорий в хозяйственную жизнь, а во втором – рентабельность сооружаемых транспортных коммуникаций достигается быстрее, но ценой огромных издержек на создание «островных» промышленных объектов. Авторы основной акцент сделали на анализ возможностей промышленного строительства в зоне сооружения магистралей, показав значение пионерной железной дороги как локомотива хозяйственного освоения.

Символична последняя глава первой монографии. В ней описано, как в конце 1930-х – начале 1950-х гг. разрабатывали и даже строили Полярную магистраль от Воркуты до Норильска. Но, не достро-

ив, бросили, полагая, что затраты труда и материалов не соответствуют ожидаемой экономической отдаче. И вот открыты в Северном Приобье огромные запасы нефти и газа. Выходит, Полярная магистраль просто опережала свое время на полтора десятка лет. Железная дорога Тюмень – Новый Уренгой вступила в эксплуатацию за год до выхода монографии. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс развивался бы иначе, с меньшими издержками, если бы до начала его разработки тундру пересекала стальная нить, связав Северное Приобье с европейской частью России. Еще более четко обоснован этот же вопрос в следующей монографии В.А. Ламина, написанной им совместно с М.Р. Сигаловым [2, с. 96].

НОВЫЕ ОТРАСЛЕВЫЕ РАКУРСЫ

Завершение научной книги постановкой новых вопросов стало логичной ступенью к новой монографии, написанной совместно с Вениамином Васильевичем Алексеевым [3]. Будущий становой хребет сибирской экономики, как и всей страны, формировала добыча и продажа на мировом рынке углеводородов. И вновь историки идут за буровиками и прокладчиками трубопроводов, но при этом ставят проблему шире, стремясь показать поле использованных и упущенных возможностей, вписать сибирскую нефтедобычу в мировой исторический опыт добычи, переработки и продажи нефти.

Рассказывая о том, как в поисках нефти в Восточной Сибири принимали за углеводородные сокровища протечки мазута из цистерн – хранилищ, экскременты змей, цветом напоминавшие нефтепроявления на почве, окись железа на горной породе, авторы воссоздают трудный путь геологической науки по отделению подобных плевел. Но столкнувшись с описанными «фальшстартами», геологи долго с недоверием проходили мимо признаков нефтеносности недр Северо-Западной Сибири.

Рассматривая весь исторический путь становления углеводородной экономики, прослеживая все циклы добычи, переработки, транспортировки и потребления продуктов «черного золота», освещая историю открытий и разработок в основных нефтедобывающих районах страны, авторы подводят читателя к пониманию значения этих арктических запасов для отечественной и мировой экономики. Показывая роль научных школ в изучении природы нефти, достижения советской геологоразведки, обеспечившей поступательное развитие нефтяной отрасли и ее выход на мировой уровень, исследователи анализируют и различные аспекты дискуссий по фундаментальным научным проблемам.

Поразительно емкий по информационной насыщенности текст написан тем живым языком, который одинаково понятен и академическим ученым, и ши-

рокой читательской аудитории. Сибирская нефтеразведка до Великой Отечественной войны обходилась десятикратно дороже, чем в умеренных и южных широтах европейской части СССР. Технологический прорыв глубокого бурения существенно сократил разрыв, но не ликвидировал его. Таково ресурсное проклятие Сибири, помноженное на титанические трудовые усилия, недооцененные в силу жесткой мировой экономической конкуренции.

Следующая монография Владимира Александровича посвящена благородному металлу – золоту. Автор погружает читателя в повседневный мир уральских заводчиков, золотоискателей, сибирских купцов, богатевших на золотодобыче – сверхэксплуатации рабочих, старателей, приисковых рабочих, чьи нечастые протесты против произвола хозяев приисков выражались в уходе на свободный промысел золота в необжитую тайгу. Колоритно описано начало планомерной научной разведки золота, когда объявление в 1923 г. государственной монополии на золотоносном ручье Ортосале в Якутии вместо организации государственной добычи и надзора вызвало наплыв частных старателей и спекулянтов, легко сбывавших золото китайским перекупщикам в обход государственного надзора. По традиции Владимир Александрович излагает историю сибирского золота в теснейшей связи с уральским, при этом анализирует российскую и сибирскую золотодобычу на фоне общемировой, сравнивая правовую и организационную стороны функционирования отрасли в разных странах, роль запасов драгоценных металлов в государственной и частной экономике основных мировых держав.

Как верно подмечено в книге, только в России открытие золота не сопровождалось «золотой лихорадкой». Тонкие мировые сопоставления привели исследователя к интересной мысли о тотальной порочности государственной монополии на золото. Если в США, Канаде, Австралии и Южной Африке золото как самая твердая валюта при обмене на товары не теряло своей ценности и с каждым оборотом раскручивало маховик национальной экономики, создавая новые ценности, то в России оно спускалось старателями по дешевке и быстро оседало в кладовых Государственного банка. Как ни парадоксально, происходило ровно то же, что и двумя веками ранее, когда государство монополизировав торговлю пушниной, сдерживало товарооборот богатейшей страны [4, с. 8].

НА ПУТИ

К МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМУ СИНТЕЗУ

Умение вписать историю транспортного освоения российских просторов (чаще всего дальних и малозаселенных) в глобальную историю транспорта страны, сопоставить национальные модели развития

путей сообщения – все это отличает следующую монографию, созданную в соавторстве с экономистами [5].

Тема транспорта интересует В.А. Ламину во многих его исследованиях, прежде всего в коллективных монографиях, подготовленных экономистами и историками Уральского и Сибирского отделений РАН. На первый взгляд, тексты проникнуты в какой-то мере пессимизмом оценок, критичным отношением к советской историографии. Владимир Александрович справедливо критикует тех, кто поддерживает миф о превосходстве советской транспортной системы, исходя только из сопоставления протяженности железных дорог Европы, США и России/СССР. Но при этом не учитывается, что пропускная способность и оснащенность транспорта в СССР значительно ниже. Когда эти показатели постепенно стали сближаться – к середине XX в., то в Америке и Европе железнодорожный транспорт уже уступил лидерство автомобильным перевозкам.

Выходя немного за пределы восточных территорий Российского государства, авторский коллектив предпринял попытку анализа транспортного строительства на Кавказе. Труднодоступный, хотя относительно плотно заселенный, Кавказ стал важным звеном в цепи сравнений. Здесь в тесной связке рассмотрено строительство шоссейных и железных дорог. В истории каждого вида транспорта были свои «закопанные в землю» деньги – вследствие инженернотупиковых проектов и огромных расходов на содержание проблемных коммуникаций. Примером является Военно-грузинская дорога, которая сковывала во второй половине XIX в. до 40 тыс. военнослужащих, занятых ее обслуживанием во время боевых действий. Один важный урок – пробуксовка государственно-частного партнерства: правительство не спешило выдавать финансовые гарантии под проекты постройки дорог через Кавказский хребет, так как их коммерческая выгода была не очевидна, а частный капитал опасался вкладываться при отсутствии государственных гарантий в такое строительство.

Мирный этап советского транспортного строительства унаследовал дореволюционные перспективные схемы, благо те разрабатывались на три пятилетки вперед. Сооружение советских магистралей шло как бы против мировых экономических трендов, не ускоряло общее развитие народного хозяйства, а напротив, не успевало реализоваться в плановых темпах. Железнодорожный транспорт «не расширял» узкие места экономики, а напротив, сковывался ими – не хватало металлов, оборудования, кадров. Передовые страны мира демонтировали старые дороги, переходили на автомобильный транспорт, советская стальная империя крепла, протягивая новые линии,

модернизируя старые. Под ее темпы роста подстраивалась вся остальная экономика.

В других книгах в соавторстве с уральскими историками и экономистами разделы, написанные Владимиром Александровичем, рисуют и еще более яркие примеры, ставящие большой знак вопроса на советском этапе модернизации. Чего стоят попытки сибирских экономистов реанимировать петровскую идею магистрализации водных путей, предложенную некогда для европейской части России. На этот раз предлагали соединить каналами великие сибирские реки, спаяв из них водную магистраль от Волги до Байкала. Состояние транспортной отрасли в послевоенное время и до современности, анализ в ней структуры грузо- и пассажироперевозок, соотношения реконструкции и нового строительства и многие другие факторы легли в основу таких осторожных, но весьма критичных по отношению к советскому прошлому оценок.

Важный вывод, многократно подтвержденный фактическим материалом, связан с главным объяснением перманентной недоосвоенности восточных регионов. Причина заключалась в моноцентрической радиальной транспортной системе, в которую управленцы, принимающие политические решения, и вслед за ними работники плановых органов упорно пытались и пытаются встроить огромные восточные просторы. Мировой опыт освоения больших пространств давно отверг подобные транспортные схемы. В России же она воспроизводится в каждом поколении транспортных технологий. При всей ее порочности она все же позволяет решать задачи эксплуатации Центром природных ресурсов окраин. Такова рентная плата сибирского и дальневосточного населения.

Новый век позволил реализовать новые замыслы в составе больших междисциплинарных коллективов историков и экономистов, руководителем или соруководителем которых стал Владимир Александрович [6, с. 54–108; 7, с. 26–30, 33–43; 8, с. 14–39, 48–84, 94–130; 9, с. 83–87, 102–121; 10, с. 81–143]. Принадлежащие перу Владимира Александровича разделы написаны образно и ярко на стыке науки и публицистики. Особенно волнует автора судьба Северо-Востока и Дальнего Востока страны. Когда-то при освоении Русской Америки частные владельцы богатели, а государство так и не позаботилось о том, чтобы приблизить новую часть России транспортным коридором, обрекая родину на потерю богатейшей земли. А сегодня угроза утратить дальневосточные территории под натиском экономически более активных южных соседей с годами только обостряется.

Как и раньше, интересы Владимира Александровича смещены в сторону Арктики. Ему принадлежат

замечательные нарративы из сибирской истории – от первых попыток новгородцев присоединить Югорию (преимущественно номинально) до современного анализа ситуации на Дальнем Востоке. Поражает его интерес к самым первым научным описаниям Сибири, к анализу исторического опыта освоения Сибири, к различным сюжетам исторической географии, геополитике. Автор подчеркивает, что концентрация ресурсов освоения в руках государства позволяла с начала колонизации Сибири русскому населению решать масштабные задачи, непосильные ни для вольной народной колонизации, ни для частной инициативы. Государство всегда достигало целей, минимизируя издержки. Однако экономия на человеческом комфорте приводила к формированию сверхмобильных, но весьма ненадежных кадров. Вольнопромышленное население времен ранней колонизации сменяли сезонные артельщики раннекапиталистической эпохи. Им на смену пришли советские работяги, кочевавшие в поисках «длинного рубля». В результате при ухудшении экономической конъюнктуры в сибирской Арктике множились индустриальные «Мангазеи» – брошенные рабочие поселки.

Конечно, Владимир Александрович не мог пройти мимо новейших проектов развития транспортных коммуникаций Сибири, за альтернативными вариантами которых, как и прежде, прослеживается борьба ведомственных и корпоративных интересов, различных внешнеполитических ориентаций в правящей элите. Но стремление к комплексному осмыслению вывело его на проблемы исторической демографии, анализ населения с его естественным и механическим приростом, характеристику миграционного движения и выяснение его роли в освоении указанного пространства.

В постсоветское время восточный ресурсный котел России стал заметно терять население. Выход транспортных технологий на новый виток развития усилил вахтовый принцип освоения поверхности и недр. Господство российских и международных корпораций в последние годы диктует приоритет сиюминутных интересов, возможности получать прибыль за счет дешевой и варварской эксплуатации ископаемых и поверхностных богатств. Восточные территории теряют свое постоянное население. И это в условиях, когда ресурсы Азиатской России по-прежнему обеспечивают подъем российской экономики и определяют ее относительную устойчивость при неблагоприятной мировой конъюнктуре, когда экономическое и демографическое давление пробудившихся «азиатских тигров» ставит под вопрос возможность обеспечивать российский экономический суверенитет в обозримом будущем [7, с. 39–42].

В современной ситуации господства экологических принципов и расширении возможностей быто-

вого обустройства новых пространств только государство способно обеспечить возвращение и закрепление России на северных и восточных просторах. Но в последние десятилетия все программы восстановления демографического потенциала азиатской части России остаются эмитативными. Исторический опыт многому способен научить. Один из уроков состоит в том, что империи ослабевают, когда во властной элите длительное время над общенациональными интересами верх берет сиюминутная корысть, притупляющая чувство самосохранения.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПРИОРИТЕТОВ СИБИРСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Владимир Александрович приложил немало усилий, чтобы объединить и приумножить потенциал коллектива историков возглавляемого им института, направить его прежде всего на изучение опыта освоения Сибири. Начиналось все как один из совместных проектов с коллегами из Института экономики и организации промышленного производства. Л.М. Горюшкин (в то время – директор Института истории СО РАН) анонсировал подготовленный авторским коллективом сборник как попытку проанализировать около 50 крупных проектов освоения сибирских территорий и развития ее производительных сил [11, с. 5]. Это была середина 1990-х гг. – время стремительного научного поиска, открытия новых тем, кардинальной смены научных подходов. Наряду с унаследованной от советской эпохи, но звучавшей по-новому проблематикой транспортных проектов, формирования территориально-производственных комплексов, участия науки в проектировании индустриального развития удалось сформулировать круг новых научных проблем, связанных с демографическими процессами на территориях нового освоения, экологическими последствиями промышленного строительства, социальными аспектами ускоренного индустриального развития. Именно тогда в структуру проблематики освоенческих проектов вошла аграрная тематика, со временем приобретающая все более и более самостоятельное звучание.

Нужно отметить, что начиная с 2000-х гг. в разрабатываемой институтом аграрном направлении наряду с традиционными темами, связанными с анализом динамики объемов и структуры сельскохозяйственного производства, социальных и организационно-производственных перемен в сельском социуме, заметное место стало занимать изучение проектов аграрного развития Сибири и сопредельных территорий [31, 32, 33, 34, 35].

Замысел В.А. Ламина по изучению проектов освоения Сибири получил воплощение в виде нескольких сборников статей [12, 13, 14, 15, 16, 17] прежде

чем вылился в фундаментальную коллективную монографию. В рамках коллективного труда Владимир Александрович наметил себе новые тематические разделы. В демографическом проблемном блоке им рассмотрен вопрос о китайской трудовой миграции со всем комплексом сопутствующих взаимных адаптационных процессов в социально-трудовой и социокультурной сферах [18, 19, 20]. Внимание к проблемам практического воплощения в производственной практике научных достижений трансформировалось в интерес к научной организации исследований в Сибири [21, 22]. Много усилий исследователь затратил на освещение геополитических аспектов освоения пространства [23, 24, 25]. В изучении указанного круга проблем активно участвуют ведущие ученые Института истории СО РАН. Новые ракурсы появились в освещении проектов освоения Сибири в XX в. Так, А.И. Тимошенко, А.А. Долголюк и В.И. Исаев предприняли комплексный анализ проектов промышленного строительства [26, 27, 28, 29, 30] с углубленным изучением проектов первых пятилеток, разработок сибирских-территориально-производственных комплексов и особенностей западно-сибирской нефтегазодобычи, причем с включением в исследовательское поле социальных аспектов.

Над изучением проектов освоения и развития Сибири и результатами их практического воплощения в разных отраслях экономики работала большая группа исследователей из возглавляемого В.А. Ламиным Института истории СО РАН.

Самостоятельную роль получила и история исследований и хозяйственного освоения арктических пространств России. На ее приоритетное исследование В.А. Ламину удалось нацелить большую группу сотрудников из разных научных подразделений, что обеспечило гораздо большую фундированность избранных сюжетов.

ВЫВОДЫ

Отечественная историография усилиями Владимира Александровича Ламина обогатилась сразу в нескольких отношениях. Прежде всего, собран значительный фактический материал о проектах освоения обширных азиатских пространств России и о роли сибирских и дальневосточных недр в экономике страны на разных этапах ее развития. В совокупности опубликованного проблема сибирских ресурсных запасов, способов их добычи и доставки до потребителя представлена в широком тематическом контексте, включающем разработки научных проектов экономического развития азиатских регионов России и их внедрение в практику, сравнение российского опыта промышленного и транспортного строительства с практикой других государств по использо-

ванию транспорта для вовлечения в хозяйственный оборот обширных пространств. Феномен извечной недоосвоенности азиатских регионов России, их перманентного отставания в социальном развитии получил свое историческое объяснение.

Не менее ценным следует признать форму решения научных проблем. Повествовательность научных произведений Владимира Александровича делает его объемное наследие доступным и увлекательным. Им созданы яркие и запоминающиеся образы исследователей и инженеров, администраторов, предпринимателей и общественных деятелей, сыгравших выдающуюся роль в экономическом развитии Российской Арктики, Сибири и Дальнего Востока. Ученым создана своеобразная междисциплинарная амальгама, в которой история обогащена сюжетами из политэкономии и геополитики, экскурсами в новые технологии на предприятиях транспорта и добывающей промышленности.

Наконец, важна роль Владимира Александровича как координатора исследовательских усилий большого коллектива историков. Под его руководством проблема освоения территорий превратилась в ключевую для Института истории СО РАН, в ее исследование оказались вовлечены представители различных научных направлений исторической науки: историки демографы, историки промышленности, аграрии, науковеды. Особенность созданной В.А. Ламиным научной школы состоит в том, что в основном она формировалась из сложившихся ученых, которые подключились к изучению фундаментальной научной проблемы. Научное лидерство Владимира Александровича, его организаторский талант вывели в 1990-е и 2000-е гг. Институт истории СО РАН в число академических учреждений с активно развивающимися историко-экономическими исследованиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Окладников А.П. Яростное преодоление пространства // Ламин В.А. Ключи к двум океанам. Хабаровск, 1981. С. 9–13.
2. Сигалов М.Р., Ламин В.А. Железнодорожное строительство в практике хозяйственного освоения Сибири. Новосибирск, 1988. 130 с.
3. Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометеи сибирской нефти. Свердловск: Средн-Уральское книжное изд-во, 1989. 288 с.
4. Ламин В.А. Золотой след Сибири. Изд. 2 е. Новосибирск, 2002. 141 с.
5. Ламин В., Пленкин В., Ткаченко В. Глобальный трек. Развитие транспортной системы на востоке страны. Екатеринбург, 1999. 197 с.
6. Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002. С. 54–108;
7. Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных регионов страны. Новосибирск, 2008. С. 26–30, 33–43;
8. Ламин В.А. Траектории проектов в высоких широтах. Новосибирск, 2011. 440 с.

9. Ламин В.А. Азиатская часть России: Моделирование экономического развития в контексте опыта истории. Новосибирск, 2012. (Интеграционные проекты СО РАН. 2012. Вып. 34. 462 с.)

10. Российская Арктика: современная парадигма развития: кол. моногр. СПб., 2014. 843 с.

11. Горюшкин Л.М. О концепции тома «Сибирь – проекты XX века. Новосибирск, 1996. С. 5–14.

12. Сибирь: проекты XX века: сб. науч. ст. / под ред. Л.М. Горюшкина, В.А. Ламина. Новосибирск: ИИ СО РАН, 1996. 156 с.;

13. Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность): материалы к монографии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 97 с.

14. Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность): материалы к монографии. Новосибирск, [Б.и.], 2000. Вып. II. 102 с.

15. Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность): материалы к монографии. Новосибирск, 2000. Вып. III. 76 с.

16. Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность): материалы к монографии. Новосибирск, 2000. Вып. IV. 100 с.

17. Долголюк А.А., Ильиных В.А., Ламин В.А., Пленкин В.Ю., Тимошенко А.И. Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность): [монография] / отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: НГУ, 2002. 302 с.

18. Ламин В.А. «Желтые в Сибири» грозная неизбежность или осознанная необходимость? // «Мост через Амур»: Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке.: сб. науч. ст. М.; Иркутск, 2004. С. 85–108;

19. Ламин В.А. Искушение дешевой китайской рабочей силой // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: этнические миграции на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2006. Вып. 7. С. 81–102.

20. Базаров Б.В., Ефимкин М.М., Ламин В.М. Ретроспектива и современность желтой миграции // Вестн. аналитики. 2006. № 3. С. 162–176; № 4 (26). С. 168–187.

21. Куперитох Н.А., Ламин В.А. История первого академического центра Западной Сибири // Философия науки. 2004. № 2(21). С. 69–84.

22. Водичев В.Г., Куперитох Н.А., Ламин В.А. Якутская экспедиция АН и СССР и исследование производительных сил на Северо-Востоке России // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2. С. 63–67;

23. Ламин В.А. Геополитические факторы социально-политического развития Сибири // Сибирь: политика, экономика, управление. 1992. № 1. С. 25–38.

24. Ламин В.А. Исторические реалии замыслов и практики регионализации // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург, 1995; С. 121–125;

25. Ламин В.А., Базаров Б.А. Глобализация и проблема рубежных геополитических регионов // Республике Бурятия 80 лет: Материалы региональной научной конференции. Улан-Удэ, 2003. С. 20–30.

26. Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX веке: концепции и решения Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. 287 с.

27. Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во. 2009. 173 с.

28. Азиатская часть России: моделирование исторического развития в контексте опыта истории: кол. моногр. Новосибирск: Изд-во «Сибпринт». 2012. 452 с.

29. Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы в Сибири в XX – начале XXI вв.: кол. моногр. / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 255 с.

30. Россия в Арктике: государственная политика и проблемы освоения: кол. моногр. Новосибирск: изд-во «Параллель», 2017. 497 с.

31. Ильиных В.А. «Зерновой проект» 1954 г. в контексте аграрной истории Сибири // Сибирь: проекты XX века. Новосибирск, 1996. С. 132–154;

32. Ильиных В.А. Проект аграрного освоения Сибири 1926 г. // Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность): сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. Вып. I. С. 51–72;

33. Ильиных В.А. Аграрная и транспортная составляющая Генерального плана развития народного хозяйства Сибири 1930 г. // Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность): материалы к монографии. Новосибирск, 2000. Вып. II. С. 24–46;

34. Ильиных В.А. Столыпинская программа модернизации аграрной экономики Сибири // Модернизация Сибири в человеческом измерении: опыт XX столетия: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во «Манускрипт», 2014. С. 7–27;

35. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации: кол. моногр. / отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с.

REFERENCES

1. Okladnikov A.P. Furious overcoming of space. Lamin V.A. *Klyuchi k dvum okeanam*. Khabarovsk, 1981, pp. 9–13. (in Russ.)

2. Sigalov M.R., Lamin V.A. Railway construction in the practice of economic development of Siberia. Novosibirsk, 1988, 130 p. (In Russ.)

3. Lamin V.A., Alekseev V.V. Prometheus of Siberian oil. Sverdlovsk, Mid-Ural Publ., 1989, 288 p. (In Russ.)

4. Lamin V.A. The Golden trail of Siberia. 2nd ed. Novosibirsk, 2002, 141 p. (In Russ.)

5. Lamin V., Plenkin V., Tkachenko V. Global track. Development of the transport system in the east of the country. Ekaterinburg, 1999, 197 p. (In Russ.)

6. Alekseev V.V., Bandman M.K., Kuleshov V.V. (eds.) Problematic resource-type regions: economic integration of the European North-East, the Urals and Siberia. Novosibirsk, 2002. pp. 54–108 (in Russ.);

7. Kuleshov V.V. (ed.) Asian part of Russia: a new stage of development of the northern and eastern regions of the country. Novosibirsk, IEOIP SB RAS 2008, 427 p. (In Russ.)

8. Lamin V.A. “Project trajectories in high latitudes”. Novosibirsk, 2011, 440 p. (In Russ.)

9. Lamin V.A., Malov V.Yu. (eds.) The Asian part of Russia: modeling of economic development in the context of historical experience. Novosibirsk, 2012, 462 p. (Integration projects of SB RAS; iss. 34). (In Russ.)

10. Tatarkin A.I. (ed.) The Russian Arctic: a modern paradigm of development. Saint Petersburg, Nestor-History, 2014, 843 p. (In Russ.)

11. Goryushkin L.M. On the concept of the volume “Siberia - projects of the XX century (selected documents and comments). *Sibir’: proekty XX veka*. Novosibirsk, 1996, pp. 5–14. (In Russ.)

12. Goryushkin L.M., Lamin V.A. (eds.) Siberia: projects of the XX century: collection of scientific articles. Novosibirsk, IИ SB RAS, 1996, 156 p. (In Russ.)

13. Siberia: projects of the XX century (initiatives and reality): materials for the monograph. Novosibirsk, SB RAS Publ., 1998, 97 p. (In Russ.)

14. Siberia: projects of the XX century (initiatives and reality): materials for the monograph. Iss. 2. Novosibirsk, 2000, 102 p. (In Russ.)

15. Siberia: projects of the XX century (initiatives and reality): materials for the monograph. Iss. 3. Novosibirsk, 2000, 76 p. (In Russ.)

16. Siberia: projects of the XX century (initiatives and reality): materials for the monograph. Iss. 4. Novosibirsk, 2000, 100 p. (In Russ.)

17. Dolgolyuk A.A., Il'inykh V.A., Lamin V.A., Plenkin V.Yu., Timoshenko A.I., Lamin V.A. (ed.) Siberia: projects of the XX century (initiatives and reality). Novosibirsk, NSU, 2002, 302 p. (In Russ.)

18. Lamin V.A. "Yellow in Siberia" a terrible inevitability or a conscious necessity? «Most cherez Amur»: vneshniye migratsii i migranty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. Moscow, Irkutsk, 2004, pp. 85–108. (In Russ.)

19. Lamin V.A. The temptation of cheap Chinese labor force. *Rossiia i Kitay na Dal'nevostochnykh rubezhakh: etnicheskiye migratsii na Dal'nem Vostoke*. Blagoveshchensk, 2006, iss. 7, pp. 81–102. (In Russ.)

20. Bazarov B.V., Efimkin M.M., Lamin V.M. Retrospect and modernity of yellow migration. *Vestnik analitiki*, 2006, no. 3, pp. 162–176; no. 4, pp. 168–187. (In Russ.)

21. Kuperstokh N.A., Lamin V.A. History of the first Academic Center in West Siberia. *Philosophiya nauki*, 2004, no. 2, pp. 69–84. (In Russ.)

22. Vodichev V.G., Kuperstokh N.A., Lamin V.A. Yakut expedition of the USSR Academy of Sciences and studying productive forces in the North-East Russia. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 2005, no. 2, pp. 63–67. (In Russ.)

23. Lamin V.A. Geopolitical factors of socio-political development of Siberia. *Sibir: politika, ekonomika, upravlenie*, 1992, no. 1, pp. 25–38. (In Russ.)

24. Lamin V.A. Historical realities of the regionalization plans and practices. *Regional'naya struktura Rossii v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike*. Ekaterinburg, 1995, pp. 121–125. (In Russ.)

25. Lamin V.A., Bazarov B.A. Globalization and the problem of frontier geopolitical regions. *Respublike Buryatiya 80 let: materialy regional'noy nauchnoy konferentsii*. Ulan-Ude, 2003, pp. 20–30. (In Russ.)

26. Timoshenko A.I. Projects of socio-economic development of Siberia in the XX century: concepts and solutions. Novosibirsk, Siber. Sci. Publ. House, 2007, 287 p. (In Russ.)

27. Timoshenko A.I. The state policy of the population formation and consolidation in areas of new industrial development of Siberia in the 1950s–80s: plans and reality. Novosibirsk, Siber. Sci. Publ. House, 2009, 173 p. (In Russ.)

28. Lamin V.A. (ed.) Economic development and socio-demographic processes in Siberia in the XX–early XXI centuries. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2012, 255 p. (In Russ.)

29. Timoshenko A.I., Elert A.Kh. (eds.) Russia in the Arctic: state policy and problems of development. Novosibirsk, Parallel', 2017, 497 p. (In Russ.)

30. Il'yinykh V.A. Stolypin's program of the agrarian economy modernization in Siberia. *Modernizatsiya Sibiri v chelovecheskom izmerenii: opyt XX stoletiya*. Novosibirsk, 2014, pp. 7–27. (In Russ.)

31. Nikolaev A.A. (ed.) Projects of the agrarian system transformation in Siberia in the XX century: the choice of ways and methods of modernization/ Novosibirsk, Sibprint, 2015, 298 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.06.2021

Дата рецензирования 12.07.2021

Статья принята к публикации 27.09.2021

DOI: 10.15372/HSS20210404

УДК 069 (091)

О.Н. ШЕЛЕГИНА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА СИБИРИ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье впервые рассматривается в исторической динамике музейное пространство Сибири в контексте взаимодействия государства и общества. Государственное руководство музеями – одна из ключевых проблем музейного дела, но до настоящего времени она не получила должного освещения как на российском, так и региональном уровне исследований. Дается анализ традиций формирования государственной культурной политики и стратегий развития музейного пространства Сибири, выделяются направления взаимодействия государства и общества в современный период. Статья носит постановочный характер, автор обозначает проблемные зоны и перспективы изучения темы на новом исследовательском уровне.

Ключевые слова: государственная политика, региональная культурная политика, общество, музейное пространство Сибири.

O.N. SHELEGINA

INTERACTION OF STATE AND SOCIETY IN THE PROCESS OF DEVELOPMENT OF THE MUSEUM SPACE IN SIBERIA

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The museum space of Siberia is analyzed in the context of state and society integration for the first time in the historical dynamics. The state museum management, a key problem of museum activity, has not received proper development both at nationwide and regional levels of research. The author's approach to study the problem in the museum space context is highlighted as relevant. The article determines foundations of the museum network formation in the late XVIII – early XX centuries: effective state and society interaction, active position of patrons, intelligentsia representatives, and population in Siberia. In the 1930s-1940s priorities in the state museum policy were: creating museums of a historical and revolutionary profile and industrial character, reflecting the socialism achievements, involving the educated public in ideological and educational work with the population. The author presents the leading trends of the museum sphere development in the 1960s-1980s: interdependence between ideological demand and funding, organization of museums of different departmental affiliation, social needs to preserve and reproduce historical and cultural values. The cultural policy and development strategies of the regional museum space in the first decade of the XXI century are associated with multichannel financing, fundraising technologies, adaptation of museums to the market economy, implementation of targeted programs and national projects. The model of the state and society interaction based on enhancing the potential of each region in the historical and cultural heritage development field under the interaction of federal and local authorities, as well as inclusion of museums in the areas of branding territories, publishing, and Internet space are relevant and promising.

Key words: state cultural policy, regional cultural policy, society, museum space in Siberia, interaction processes.

ВВЕДЕНИЕ

Результаты многолетних исследований истории и практики музейного дела в Сибири нашли отражение в новых изданиях обобщающего характера: трудах Н.А. Томилова [1], сборнике статей «Музееведческие исследования в Томском государственном уни-

верситете» [2]. В монографических и диссертационных работах сибирских ученых в первое десятилетие XXI в. преобладает тематика, связанная с историей музеев краев и областей, музеефикацией наследия. Пространственный подход к изучению музейного дела находится в стадии развития и является

Ольга Николаевна Шелегина – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН; e-mail: oshelegina@yandex.ru;
O.N. Shelegina – Doctor of History Sciences, Leading Researcher Institute of History SB RAS, <https://orcid.org/0000-0003-3715-4380>.

актуальным применительно к региональным музейным пространствам [3, с. 10–11, 16, 209–228].

Государственное руководство музеями – одна из ключевых проблем истории музейного дела, но до настоящего времени она не получила должного освещения как на российском, так и на региональном уровне исследований. Вместе с тем эта проблема имеет важное политическое и социокультурное значение: от руководящих установок и созданных государством условий для организации работы, музеев зависит эффективность их деятельности, вклад в культурное и общественное развитие и региона, и страны в целом.

Как первый и успешный опыт подхода к этой проблематике в конце XX в. следует отметить сборник трудов «Музеи и власть» Научно-исследовательского института культуры. В его первой части ставится задача осмысления государственной политики в области музейного дела почти за 300-летний период – от эпохи Петра Великого до 1990-х гг., вторую часть планировалось посвятить теме «Музеи и общественность» [4, с. 5–7], однако эта идея не была реализована.

В настоящее время на Международной научной конференции «Музеи и власть» (Санкт-Петербург, 9–14 сентября 2014 г.) ставились и обсуждались (без публикации материалов) возможности государства и музеев в решении культурных и социальных проблем, включая наследиеведческие.

На основе историко-статистического анализа эволюции музейной сети России в XX – начале XXI в. Л.Н. Мазур выделяет тенденции в развитии музеев в XVIII–XXI вв. Она отмечает происходящую с XX в. трансформацию музеев от научно-исследовательского и просветительского учреждения в информационный центр, обслуживающий социальный заказ (в качестве примера приводится исторический парк «Россия – моя история») [5, с. 86]. Эта позиция представляется нам достаточно жестко детерминированной, так как оценка места и роли музеев в жизни общества на локальном и глобальном уровнях выполнялась только на основе системных характеристик музейной сети. Считаем актуальным и целесообразным изучение в исторической динамике развития музейного пространства Сибири в контексте взаимодействия государства и общества, что позволяет выявить традиционные и новационные черты, определяющие значение музеев в современном мире.

Музейное пространство Сибири мы соотносим с разрабатываемым нами концептом «музейный мир», интегрирующим такие процессы, как:

- создание, развитие, адаптация музейной сети к социокультурной динамике;
- освоение наследия как основы развития музейного пространства;

– сотрудничество государственных музейных, образовательных учреждений, общественных организаций в сфере музейной деятельности.

При этом следует подчеркнуть, что музейное пространство является органической частью социокультурного пространства региона, на которое распространяются общие закономерности его развития с учетом специфических особенностей деятельности этого института.

Роль государства, реализующаяся посредством государственной политики, определяется программными и идеологическими установками – законодательством, организацией системы государственного управления, планирования, материально-технического обеспечения, формирования кадров, а также работой представителей руководящих органов и музейных деятелей. В современный период особое значение имеет региональная политика в сфере культуры, включая музейную, как форма реализации государственного планирования и управления.

Общество – многозначное понятие, применительно к поставленной проблеме оно может рассматриваться как совокупность общественных организаций разного уровня, представителей научной и культурной общественности, краеведов, в целом населения, принимающих активное участие в развитии музеев и музейного пространства.

Данная статья носит постановочный характер, позволяющий выявить имеющиеся результаты и эмпирические материалы с учетом того, что государственная политика в области музейного дела в разные периоды имела свои особенности. Предстоит определить проблемные зоны и направления для изучения данной многогранной темы на новом междисциплинарном исследовательском уровне.

Научная новизна анализа взаимодействия государства и общества имеет особую значимость применительно к развитию музейного пространства Сибири – региона, обладающего общероссийскими и специфическими локальными чертами в социокультурной сфере. Выявление традиций и эффективных и результативных направлений в этом процессе даст основания для более полного отражения инфраструктурной роли музеев в обобщающих трудах по истории Сибири, а также для совершенствования региональной культурной политики.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СИБИРИ

Как известно, формирование музейного пространства Сибири началось в конце XVIII в. и было связано с государственной политикой по освоению азиатской территории государства. «Иркутский музей» (1782 г.) считается первым провинциальным му-

зею России, созданным по проекту губернатора Ф.Н. Клички, учитывавшего интересы власти и общества по обеспечению доступности культурных ценностей широким кругам населения.

При поддержке местной администрации первые общественные музеи организовывались в центрах горных округов, городах с профессиональными учебными заведениями – Нерчинске (20-е гг. XIX в.) и Барнауле (1823 г.). Через них проходили маршруты экспедиций, изучавших сибирскую территорию, музеи выполняли роль своеобразных научных пунктов. Статус государственного самостоятельного учреждения, действующего на основе утвержденного Устава под руководством общества, имел Тобольский губернский музей (1889), на общественные средства к 300-летию г. Тобольска для него было построено специальное здание. Классическим образцом общественного музея местного края второй половины XIX в., имевшего государственную поддержку, считается Минусинский музей, носящий в настоящее время имя его основателя Н.М. Мартынова. Одним из ярких примеров успешного взаимодействия государства и инициатив научной общественности, подвижничества сибирской интеллигенции является создание в качестве подразделения Русского географического общества краеведческого музея в Чите (1894 г.). Он стал особым общественным институтом со своими специфическими функциями, оставшимися неизменными, несмотря на влияние сменявшихся политических и общественно-экономических условий [6, с. 3].

В целом результатом успешного взаимодействия государства и общества при активной позиции меценатов, представителей интеллигенции, населения Сибири стало создание представительного музейного пространства. При этом 16 публичных музеев распределялись следующим образом: 4 – в Енисейской губернии, по 2 – в Иркутской, Тобольской и Забайкальской области, Степном крае, по 1 – в Томской губернии, Якутии, Алтайском и Нерчинском горных округах. Эффективной на этом этапе являлась интеграция создаваемых музеев в уже действующие региональные и местные структуры: городские самоуправления (5), отделы Русского географического общества (4), статистические комитеты (2), учебные заведения [7, с. 153–154].

В периоды бифуркационного развития российского общества (революционные и военные события) сибирские музеи использовали защитные формы адаптации (консервация фондов, закрытие экспозиций, ограничение доступа посетителей). Во второй половине 1920-х гг. они превращаются в важные ячейки городской культурной среды, действуют в рамках обществ краеведения. Анализ развития му-

зейного пространства Сибири в довоенный период достаточно четко отражает государственную политику по организации музеев соответствующих профилей (историко-революционных, производственных), ориентированных на отражение достижений социализма, идейно-просветительную работу с привлечением общественности.

В 1960–1980-е гг. основными направлениями, приоритетами российской государственной музейной политики и ведущими тенденциями являлись:

- рост музейной сети, обеспечивающийся на основе планомерной деятельности государственного аппарата в соответствии с постановлением ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» (12 мая 1964 г.) и согласно специальному указанию Министерства культуры РСФСР «О порядке открытия новых государственных музеев и филиалов» (1977 г.);

- организация музеев в городах – крупных народнохозяйственных стройках. В Сибири это музеи на трассе БАМ, в г. Братске;

- создание резерва и системы перехода лучших общественных музеев, получивших статус «народных», в государственные структуры;

- дальнейшее развитие на основе государственного регулирования музеев-заповедников, обусловленное интересом к историко-культурному наследию и развитию туристско-экскурсионного дела. Как один из наиболее успешных проектов называется музей-заповедник «Сибирская ссылка В.И. Ленина» [4, с. 266–269].

Достижения и проблемы, характерные для музейного развития Сибири во второй половине XX в., представлены в глубоко фундированном, весьма актуальном монографическом исследовании О.Н. Труевцевой. Среди наиболее значимых для постановки и исследования обозначенной проблемы выделим следующие аспекты:

- взаимозависимость между идеологической востребованностью и финансированием, организацией ведомственных, городских, районных, заводских, колхозных, школьных музеев;

- общественные потребности в сохранении и воспроизводстве историко-культурных ценностей;

- перспективность распространения лучшего отечественного музейного опыта [8, с. 257–259].

В современных стратегиях региональной культурной политики повышение качества всех форм музейной деятельности в социокультурных пространствах территорий связывается с наращиванием ресурсных возможностей и достижением гармоничного сочетания опыта, традиций и новаций [9, с. 23], способствующих интеграции исторических и современных реалий.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI В.

В 2000-е гг. региональная культурная политика была связана с интенсификацией развития российских территорий, поиском вариантов, обеспечивающих модернизационные преобразования. Внедрялись новые правовые и организационно-экономические механизмы в сфере культуры, формировались новационные подходы к культуре как ресурсу социального и экономического развития. Расширялись формы включенности населения, в том числе и при участии музеев, в процессы социокультурного развития территорий [9, с. 11].

Анализ совокупности приведенных в «Исторической энциклопедии Сибири» [10] территориально-ориентированных показателей (по республикам, краям, областям, автономным округам) культурной инфраструктуры (включающей музеи и объекты наследия) позволяет утверждать, что в начале XXI в. происходит стабилизация и начинается динамичное развитие культурных процессов. Принимается Федеральный закон № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г., на основании которого стали выделяться объекты наследия федерального, регионального и муниципального уровней. Государство стало больше внимания уделять развитию культуры, что имело положительные последствия – субсидирование культурной сферы, актуализация историко-культурного и природного наследия.

Существенную роль в изучении процессов взаимодействия государства и общества, в стратегиях региональной культурной политики в музейной сфере сыграл открытый партнерский проект «Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство» [3, с. 114–125].

По результатам его реализации О.Н. Астафьевой были выделены основные стратегии культурной политики и отмечено их влияние на региональную музейную деятельность: 1) стратегия синтеза с использованием технологий «уплотнения музейной среды и диверсификации культурного предложения»; 2) стратегия «культурной экспансии» территории за счет расширения внешних границ музейного пространства и наращивания разнообразия культурных предложений. В первом случае имеет значение позиция музея в культурной инфраструктуре территории с определенными традициями: сохранение им исторического права структурообразующего ядра либо конкуренция за определенный сегмент пространства и посетителя. Во втором случае – это усложнение ядра и концентрация вокруг музея, работающего длитель-

ное время, традиционных (библиотеки) и новационных (информационные центры, театры, арт-галереи) учреждений культуры. С государственных позиций, музей должен обеспечить «воспроизводство актуальных форм культурной активности в пределах ведомственных компетенций, финансовых средств, кадров, инструментария и технологий в соответствии со стратегией внебюджетного, многоканального финансирования и технологии фандрайзинга»¹ [9, с. 20–23].

Как показали исследования Ю.С. Ключевой, средние показатели многоканального финансирования по Западной Сибири (бюджет – 76, 7 %, доходы от платных услуг – 9, 7, спонсорская поддержка – 3, 7 %) характеризуют частичную адаптацию краеведческих музеев к рыночной экономике [11, с. 21].

Министерством культуры Новосибирской области реализовывалась ведомственная целевая программа «Модернизация деятельности государственных музеев Новосибирской области в 2012–2014 гг.» с общим объемом финансирования из областного бюджета – 255 278 тыс. руб. По этой программе предусматривалось оснащение музеев специальным фондовым, технологическим и экспедиционным оборудованием, повышение квалификации реставраторов и хранителей фондов, приобретение музейных предметов и коллекций. Предполагалось, что к 2015 г. внутренние адаптивные ресурсы музеев будут увеличены до 76 %, обновление фондов и экспозиций достигнет 65 % что позволит расширить коммуникационное пространство музеев (организация 10 новых выставок, увеличение музейной аудитории на 1,5 тыс. чел.)². Привлекательным для оптимизации музейных стратегий применительно к г. Новосибирску, по данным социологических исследований, выглядело более активное внедрение проектных форм финансирования музейной деятельности (53,8 % респондентов); необходимость развития системы научных и социальных грантов (46,2 %) [9, с. 22].

В выступлении на IV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» (г. Новосибирск, октябрь 2020 г.) и в интервью газете «Советская Сибирь» министром культуры Новосибирской области Н.В. Ярославцевой³ были приведены выросшие по ряду показателей основные количественные и качественные характе-

¹ Процесс привлечения внешних, сторонних для компании ресурсов, необходимых для реализации какой-либо задачи, выполнения проекта.

² Электронный ресурс Министерства культуры Новосибирской области. URL: <http://mk.nso.ru/Pages/default.aspx> (дата обращения: 30.09.2012).

³ Будущее музеев. Какое оно? // Советская Сибирь. 2020. 4 нояб. С. 10–11.

ристики музейной сети Новосибирской области. Музейное пространство расширилось в 2016 г. за счет музейного комплекса «Сузун-завод. Монетный двор» (филиал Новосибирского государственного краеведческого музея), что являлось примером комплексного освоения историко-культурного и индустриального наследия. Мультимедийный исторический парк «Россия – моя история» (2017 г.), созданный в Новосибирске, как и ряде других крупных городов страны, рассматривается нами как новационная структура коммуникационно-информационного социокультурного пространства.

Национальный проект «Культура» и региональная составляющая федерального проекта «Творческие люди» стали основой для взаимодействия государства и общества в приобщении населения к выставкам собраний ведущих федеральных и региональных музеев страны. В рамках федерального проекта «Цифровая культура» создаются новационные музейные продукты: мультимедийные гиды дополненной реальности, виртуальные выставки, расширяющие сферу влияния музейного пространства Сибири. Новосибирский областной государственный краеведческий музей является региональным лидером в воплощении стратегии открытости и новых форматов работы с обществом, таких как Международный фестиваль музейного маркетинга и гостеприимства «Музей для людей», стационарные (около 100) и передвижные выставки (50), при стабильном росте числа посетителей. Н.В. Ярославцевой выделены «белые пятна» в музейном пространстве Новосибирской области: отсутствие музеев в Искитимском, Кыштовском, Новосибирском, Северном, Тогучинском, Усть-Таркском и Чулымском районах, г. Оби и наукограде Кольцово, недостаточное число частных галерей.

Мы присоединяемся к мнению О.Н. Астафьевой и считаем, что перспективной для развития музейного пространства Сибири может стать модель взаимодействия государства и общества, основанная на активизации потенциала каждого региона в том числе в сфере освоения историко-культурного наследия и взаимодействия федеральных и местных властей [9, с. 23]. Современные музеи оказываются более активно включенными в сферы брендинга, издательскую деятельность, интернет-пространство; таким образом, «взаимодействие в музейной сфере превращается в точку пересечения различных языков культуры» [10, с. 95].

Сибирь представляет собой полиэтничный российский регион. В его музейном пространстве этнокультурная составляющая является одной из доминант в диапазоне от крупных музеев-заповедников до музеефикации особо значимых объектов наследия коренного населения края, широкого спектра выставок. В Омском государственном историко-краеведче-

ском музее в 2019 г. был успешно выполнен крупный экспозиционный проект «Этническая панорама Сибири» (20 этнических культур, 700 предметов). Его реализация оказалась возможной благодаря плодотворному сотрудничеству музея с омским Домом дружбы и шестью национально-культурными объединениями Омской области. При поддержке Министерства культуры Омской области в 2020 г. был издан альбом-путеводитель по упомянутой выставке. Он, по мнению министра культуры Омской области Ю.В. Трофимова, рассчитан «не только на профессионалов-этнографов, музейных работников, но и на широкий круг читателей разных национальностей, равнодушных к наследию своих предков, способствует сохранению политической и социально-экономической стабильности в регионе» [13, с. 95]. В 2021 г. эта книга стала финалистом Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина».

Актуальным и перспективным представляется стратегическое направление сотрудничества музеев на государственном и межгосударственном уровнях, расширяющего влияние музейного пространства Сибири. Омский государственный историко-краеведческий музей, например, проводит государственную политику сотрудничества с Республикой Крым (проекты «Азиатская Россия», «Музейный диалог», 2015–2016 гг.), развивает административные и культурные контакты с представителями Республики Казахстан («В объективе – Павлодарское Прииртышье», 2017 г.) [13, с. 13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в исторической динамике анализ взаимодействия государства и общества в процессе развития музейного пространства Сибири показывает многоуровневость и многогранность этой сложной актуальной и перспективной научно-исследовательской проблемы, которая до настоящего времени не стала предметом монографического изучения. Она требует системного междисциплинарного (исторического, культурологического, музееведческого, социологического, информационного) подхода, основой которого должно быть отношение к музею как к исторически сложившемуся и развивающемуся в пространстве социокультурному институту с высоким синергетическим (интеграция ресурсов государства, общества, наследия) потенциалом, который способен не только обеспечить реализацию современной региональной культурной политики, но и определить ее перспективы. В качестве новационного подхода может быть апробировано использование геокультурной матрицы, представляющей собой систему материальных носителей коллективной исторической па-

мости, которая может быть полезна для моделирования процессов интеграции музейного пространства, его историко-культурных ценностей со сферой образования, воспитания, туризма и другими социально и экономически значимыми сферами [14, с. 346]. Это требует дальнейшего взаимодействия представителей науки, образования, культуры, результаты которого могут найти отражение на страницах журнала «Гуманитарные науки в Сибири».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Томилов Н.А. Музееведение и музеи России: Избр. науч. работы: в 2 ч. / П.П. Вибе (отв. ред.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016–2018. Ч.1: Музееведение (музеология): теоретические и историографические аспекты. Омск, 2016. 368 с.; Ч.2: История музеев. Омск, 2018. 440 с.
2. Музееведческие исследования в Томском государственном университете: к 80-летию профессора Э.И. Черняка / науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021. 408 с.
3. Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири в первые десятилетия XXI века. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 230 с.
4. Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.): сб. науч. тр. / отв. ред. С.А. Каспаринская. М.: НИИ культуры, 1991. 323 с.
5. Мазур Л.Н. Эволюция музейной сети России в XX – начале XXI в.: историко-статистический анализ // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: сб. науч. тр.: в 2 ч. / отв. ред. М.Л. Бережнова, А.А. Ильина, С.Н. Корусенко. Омск: Изд. дом «Наука», 2021. Ч. 2. С. 80–87.
6. Константинова Н.Н. Краеведческий музей в Чите: история (1894–1970-е годы) / отв. ред. С.Г. Васильев. Чита: ЗабГУ; Улан-Удэ: Респ. тип., 2020. 208 с.
7. Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития / отв. ред. В.А. Ламин, М.В. Шиловский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 396 с.
8. Труевцева О.Н. Музеи Сибири во второй половине XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 336 с.
9. Астафьева О.Н. Региональная культурная политика // Новации в музейном мире. Музей как коммуникационный протокол: сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. Новосибирск, 2013. С. 11–23.
10. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2010.
11. Ключева Ю.С. Краеведческие музеи Западной Сибири в современных условиях: автореф. дис. канд. культурологии. Кемерово, 2006. 24 с.
12. Рыжова О.А. Место музея в социокультурном диалоге // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: сб. науч. тр.: в 2 ч. / отв. ред. М.Л. Бережнова, А.А. Ильина, С.Н. Корусенко. Омск: Изд. дом «Наука», 2021. Ч. 2. С. 94–99.
13. Вибе П.П., Блинова О.В. Деятельность Омского государственного историко-краеведческого музея по изучению и репрезентации этнографических коллекций // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процес-

сах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: сб. науч. тр.: в 2 ч. / отв. ред. М.Л. Бережнова, А.А. Ильина, С.Н. Корусенко. Омск: Изд. дом «Наука», 2021. Ч. 2. С. 11–19.

14. Путрик Ю.С. Модель геокультурной матрицы как инструмент интеграции культурного наследия в социально-экономические процессы // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: сб. науч. тр.: в 2 ч. / отв. ред. М.Л. Бережнова, А.А. Ильина, С.Н. Корусенко. Омск: Изд. дом «Наука». 2021. Ч.1. С. 343–347.

REFERENCES

1. Tomilov N.A. Museology and museums in Russia: selected scientific works. Omsk, Omsk Univ. Publ., 2016–2018. Museology: theoretical and historiographic aspects. Pt. 1, 2016. 368 p.; Pt. 2. History of museums. 2018, 440 p. (In Russ.)
2. Dmitrienko N.M. (ed.) Museum studies at Tomsk State University: the 80th anniversary of Professor E. I. Chernyak. Tomsk, Tomsk Univ. Publ. 2021, 408 p. (In Russ.)
3. Shelegina O.N. Museum world of Siberia in the first decades of the XXI century. Novosibirsk, Novosibirsk Univ. Publ., 2019, 230 p. (In Russ.)
4. Kasparinskaya S.A. (ed.) Museum and government. State policy in the field of museum business (the XVIII–XX centuries. Moscow, 1991, 323 p. (In Russ.)
5. Mazur L.N. The museum network evolution in Russia in the XX – early XXI centuries: historical and statistical analysis. *Kul'tura i vzaimodeystvie narodov v muzeynykh, nauchnykh i obrazovatel'nykh protsessakh – vazhneyshie faktory stabil'nogo razvitiya stran Evrazii*. Omsk, 2021, pt. 2, pp. 80–87. (In Russ.)
6. Konstantinova N.N. Local history museum in Chita: history (1894–1970s). Chita, ZabGU, Ulan-Ude: Republican Print. House, 2020, 208 p. (In Russ.)
7. Shelegina O.N. The museum world of Siberia: history and modern development trends. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2014, 396 p. (In Russ.)
8. Truevtseva O.N. Siberian museums in the second half of the XX century. Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 2000, 336 p. (In Russ.)
9. Astafieva O.N. Regional cultural policy. *Novatsii v muzeynom mire. Muzei kak kommunikatsionnyy protokol*. Novosibirsk, 2013, pp. 11–23. (In Russ.)
10. Historical encyclopedia of Siberia. In 3 vols. Novosibirsk, 2010. (In Russ.)
11. Klyueva Yu.S. Local history museums in West Siberia under modern conditions: diss. abstr. Kemerovo, 2006, 24 p. (In Russ.)
12. Ryzhova O.A. The museum place in a sociocultural dialogue. *Kul'tura i vzaimodeystvie narodov v muzeynykh, nauchnykh i obrazovatel'nykh protsessakh – vazhneyshie faktory stabil'nogo razvitiya stran Evrazii*. Omsk, 2021, pt. 2, pp. 94–99. (In Russ.)
13. Vibe P.P., Blinova O.V. Activities of Omsk State Museum of History and Local Lore to study and represent ethnographic collections. *Kul'tura i vzaimodeystvie narodov v muzeynykh, nauchnykh i obrazovatel'nykh protsessakh – vazhneyshie faktory stabil'nogo razvitiya stran Evrazii*. Omsk, 2021, pt. 2, pp. 11–19. (In Russ.)
14. Putrik Yu.S. Geocultural matrix model as a tool to integrate the cultural heritage into socio-economic progress. *Kul'tura i vzaimodeystvie narodov v muzeynykh, nauchnykh i obrazovatel'nykh protsessakh – vazhneyshie faktory stabil'nogo razvitiya stran Evrazii*. Omsk, 2021, pt. 2, pp. 343–347. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.10.2021

Дата рецензирования 17.10.2021

Статья принята к публикации 20.10.2021

DOI: 10.15372/HSS20210405

УДК 37(47)"20"

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Автором освещена деятельность Международной научно-практической конференции с элементами научной школы «Историческая наука и образование в XXI веке» (Новосибирск, 23–27 марта 2021 г.). В центре внимания ее участников – обсуждение современных трансформаций, произошедших в сфере исторического образования всех уровней под влиянием социально-экономических и политических факторов, глобального процесса цифровизации. Выступления и дискуссии касались вопросов использования исторических источников в научных исследованиях, новых интерпретаций сюжетов прошлого, методик преподавания истории в России и за рубежом. Были предложены практические рекомендации по адаптации исторического образования к вызовам современности.

Ключевые слова: историческая наука, историческое образование, международная научно-практическая конференция, Новосибирский государственный педагогический университет, Институт истории СО РАН.

G.M. ZAPOROZHCHENKO

SCIENCE AND EDUCATION AS A FACTOR OF SOCIAL DEVELOPMENT

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The paper highlights the activities of the International Scientific and Practical Conference with elements of the scientific school «Historical science and education in the XXI century» (Novosibirsk, March 23–27, 2021). Scientists and teachers discussed the modern transformations that occurred in the field of historical education at all levels under the influence of socio-economic and political factors, the global process of digitalization; developed practical recommendations for its adaptation to the new challenges of modernity. Speeches and discussions concerned the use of historical sources in research, school and higher school education, new interpretations of plots in the past, methods of teaching history in Russia and abroad.

Key words: historical science, historical education, international scientific and practical conference, Novosibirsk State Pedagogical University, Institute of History SB RAS.

ИНТЕГРАЦИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

В текущем году, объявленном в России Годом науки и технологий, процессы и результаты взаимодействия науки и образования находятся в центре внимания многих научных мероприятий гуманитариев. Одним из них стала Международная научно-практическая конференция с элементами научной школы «Историческая наука и образование в XXI веке», проведенная 23–27 марта 2021 г. в г. Новосибирске кафедрой отечественной и всеобщей истории Институ-

та истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета совместно с Институтом стратегии развития образования Российской академии образования, Институтом археологии и этнографии СО РАН, Институтом истории СО РАН¹.

¹ Программа и ссылки на трансляцию на YouTube-канале размещены на сайте конференции. URL: <https://nspu2020.nspu.ru/lp/conferenceIIGSONSPU/> (дата обращения: 18.12.2021).

Галина Михайловна Запорожченко – д-р ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: galinakoop@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1237-0792>.

Galina M. Zaporozhchenko – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

Конференция ставила целью теоретический анализ современных трансформаций, произошедших в сфере исторического образования всех уровней под влиянием социально-экономических и политических факторов, глобального процесса цифровизации, а также разработку практических рекомендаций по адаптации этой сферы к новым вызовам современности. Поскольку современный учитель истории не может быть профессионально успешен без понимания методологии истории, источниковедения, историографии, без соответствующего опыта исследовательской работы, к участию в конференции были приглашены ведущие академические и университетские историки, филологи, философы, археологи, музеологи. Среди спикеров были также известные специалисты в области педагогики, психологии, методики обучения истории с учетом возрастных особенностей детей, их личностных психологических характеристик, традиционных и новых способов организации учебного диалога о прошлом.

Формат конференции с элементами научной школы подразумевал в качестве основных адресатов преподавателей, аспирантов и студентов педагогических университетов, школьных учителей. В условиях эпидемии конференция была организована в режиме ZOOM с одновременной трансляцией на YouTube-канале НГПУ.

Новационный научно-практический характер конференции был обоснован в приветственных словах ректора Новосибирского государственного педагогического университета А.Д. Герасева, директора Института истории, гуманитарного и социального образования НГПУ О.Н. Катионова, заведующей кафедрой отечественной и всеобщей истории НГПУ О.М. Хлытиной, профессора кафедры отечественной и всеобщей истории НГПУ Н.Н. Родигиной, заместителя директора Института истории, гуманитарного и социального образования НГПУ О.Н. Сидорчук.

На конференции представлено 94 доклада исследователей из России, Беларуси, Грузии, Казахстана, Узбекистана, Австрии, Польши, США, Швейцарии, Китая, 12 городов нашей страны (Новосибирска, Санкт-Петербурга, Калининграда, Екатеринбурга, Оренбурга, Омска, Улан-Удэ, Челябинска и др.). Среди спикеров – 1 академик и 1 член-корреспондент Российской академии наук, 28 докторов наук, 47 кандидатов наук, 2 докладчика со степенью PhD.

ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ ИДЕЙ И ПРАКТИК

В течение пяти дней на конференции обсуждались следующие темы:

– особенности работы с историческими источниками: историки vs методисты;

– научное и учебное историческое познание: теория и практика;

– история в школе / вузе и «public history»;

– за страницами учебника: новые интерпретации сюжетов прошлого;

– использование археологических материалов в школьном и вузовском образовании;

– региональная история и историческое образование в школе и вузе;

– преподавание истории России в зарубежных странах.

В рамках тематических треков доклады специалистов сопровождались конструктивными заинтересованными дискуссиями. Одним из центральных являлся вопрос об источниковом обеспечении исторических исследований и преподавания истории. Источниковый потенциал и исследовательские стратегии работы с эго-документами раскрыли в своих выступлениях М.К. Чуркин – на примере использования эго-источников в конструировании образа российского переселенческого чиновничества второй половины XIX – начала XX в.; Н.Г. Суворова, осветившая проблемы прочтения, хранения и использования текстов колониционных экспертов XIX – первой трети XX в.; А.А. Кузьменко, давшая общую характеристику корпуса эго-документов русских журналисток второй половины XIX – начала XX в. Издания Сибирских отделов Русского географического общества как источник изучения русского населения Сибири во второй половине XIX в.–1920-х гг. охарактеризовала Т.А. Кебак.

Версии использования источников в обучении истории, проблемы их отбора и классификации всесторонне рассмотрели Л.Н. Мазур, В.М. Рынков, Т.Т. Далаева, О.Н. Сидорчук, М.А. Сидоренко, Ю.В. Орешина. А.А. Тесля проанализировал гендерный аспект теоретических построений А.И. Герцена и место в них «женского» / «семейного» вопроса. Ряд участников обозначили новые подходы к изучению и интерпретации периодической печати. Д.Н. Шевелёв показал, как сибирская пресса в годы Гражданской войны генерировала и дополняла социальную реальность, конструируя на своих страницах «воображаемое сообщество». Матильда Матрас (Университет Женевы) определила влияние политических ссыльных на содержание журнала «Восточное обозрение» в Иркутске в конце 1880-х гг.

Обсуждение роли исторической науки, школы, вуза, университетских преподавателей и школьных учителей в формировании коллективных исторических представлений выявило спектр новых исторических сюжетов, интересных современным историкам и находящихся за страницами учебников. З.П. Горьковская, опираясь на эпистолярные источники, рас-

смотрела эмоциональные практики династического брака Марии Павловны и Александра Павловича Романовых. Е.М. Болтунова представила в качестве политической стратегии начала XIX в. феномен забвения. Т.Г. Недзелюк исследовала реальные возможности смены вероисповедания в Российской империи. Н.Н. Родигина выяснила, что «предвестия» оттепели, проявившиеся в последние годы позднего сталинизма, не получили развития в публичных выступлениях представителей литературной и педагогической общественности в 1950-е гг. о задачах и перспективах детской литературы.

Проблема национальных интерпретаций историографических нарративов обусловила расширение географического пространства конференции в исследовании вопроса о месте истории России в зарубежных концепциях всеобщей истории. Т.А. Сабурова (Индианский университет в Блумингтоне, США) в широкой исторической перспективе проанализировала движение революционного народничества как мировоззрение, образ жизни и идеологию. М.Г. Цыренова (Монголия) и О.П. Кобзева (Узбекистан) рассказали о том, как изучают историю России в вузах Монголии и Казахстана. Д.А. Ананьев обозначил проблемы и перспективы исследований дореволюционной истории Сибири и Дальнего Востока в современной англоязычной историографии. Д.В. Карнаухов обосновал вывод о наличии тенденции к политизации «прочтения» истории России в зарубежных историографических нарративах. А.А. Корзюк рассмотрел цели школьного исторического образования в США в контексте социокультурной трансформации американского общества на рубеже XX–XXI вв.

Возможности и ловушки digital-источников обсуждались применительно к практике использования интернет-библиотек и просветительских проектов в социальных сетях в процессе преподавания истории в школе и вузе. Е.Е. Дутчак выясняла пределы дефляции исторического знания при опоре на исторический источник online и риски превращения школьного обучения истории в «игру в науку». Ю.Л. Троицкий представил новые технологии подготовки школьников на уроках истории в информационную эпоху. А.К. Кириллов показал возможности использования в учебном процессе интернет-коллекции документов о сибирском переселении «Старожил и новосел». Г.Ш. Файзуллина обозначила перспективы и особенности коллаборации с социальными сетями в образовательном процессе. Б.В. Яблоков осветил проблемы использования интернет-библиотеки научной периодики в образовательной деятельности.

Вопросам интеграции археологических и исторических знаний в учебном процессе посвящали доклады И.А. Дураков, Т.В. Мжельская, Е.Ю. Захарова. О новейших археологических открытиях Института

археологии и этнографии СО РАН в изучении древней истории Сибири рассказал академик РАН В.И. Молодин.

З.А. Чеканцева, С.В. Любичанковский, А.Б. Соколов, Н.Н. Бессонова задали тон дискуссии о новых методологических трендах в историческом познании, проанализировали методологические альтернативы в исследованиях по отечественной и зарубежной истории. И.В. Кукулин рассмотрел современное содержание методологического дискурса «Апология истории» с целью выяснения, какой должна быть подготовка выпускников школы/вуза, школьных учителей в области методологии исторического познания. М.Л. Майофис изложила свое понимание известной оппозиции лексем «изучать» и «проходить» по отношению к школьному и университетскому курсу истории советского периода.

Современные методы и подходы к изучению региональной истории, применению их в школьном историческом образовании и профессиональной подготовке учителей истории представили К. Нендза-Щикониовска (Польша) с обоснованием важности места в исследовании регионов темы ландшафта; А.Г. Петрович и Ж.В. Яковлева с размышлениями о «пазлах» региональных исторических нарративов, роли в них исторического источника и соотношении «общего» и «частного» контента; А. Коробейников с якутским региональным сюжетом; О.Н. Катионов с анализом тематической картографии Сибири в XVIII – первой трети XX в.

Процесс формирования механизмов культурного наследования, связанный с популяризацией исторического знания, коммуникацией «public history» и культурных институций социума обсуждали Т.В. Чапля Н.М. Селиверстова, В.Н. Сорокин, Е.Е. Тихомирова, А.Н. Чистякова, Р.Р. Ибрагимова, Е.В. Макарова, Аюн, Син Хуэйбин. Они исследовали феномены архитектурного пространства, музеев, вещей в аспекте эволюции их социализирующих функций, смыслов, идей, роли в диалоге культур на примере «Музея разбитых сердец» (Загреб), музеев Китая, новосибирского районного музея «Заельцовка», музеев малых городов России.

Соотношение истории как науки и как учебного предмета в школе и в вузе выясняли в выступлениях и последующей дискуссии О.С. Нагорная, Л.Н. Алексашкина, Н.Н. Лазукова, Д.В. Кузин. С.В. Токмянина и Н.В. Гришина инициировали дискуссию о смысле и предназначении научно-исследовательской работы в профессиональной подготовке студентов-историков. М.В. Шиловский отметил, что курс отечественной истории для студентов не историков не должен «разбавляться» всеобщей историей, культурологией и политологией, как и не должен дублировать школьную программу. Он призван решать триединую задачу.

Во-первых, научить студентов выявлять причинно-следственные связи на примере наиболее важных событий прошлого. Во-вторых, ознакомить с основными приемами критики источников. В-третьих, способствовать обретению гражданственно-политического самоопределения, выработке индивидуального взгляда на отечественную историю. Профессиональный критический анализ учебной литературы по истории для школ и вузов прозвучал в выступлениях В.А. Зверева, А.Е. Демидчика, Р.Г. Гагкуева, В.М. Кузнецова, А.А. Николаева, С.Н. Андриенкова, С.В. Панова, В.А. Спесивцевой, Е.А. Полиновской.

Признание того факта, что современные дети плохо знают отечественную историю, побудило ряд спикеров проанализировать различные аспекты методического мастерства современного учителя истории. А.Н. Иоффе раскрыл методику формирования мотивации учащихся в историческом познании. Н.И. Девятайкина, Ю.Л. Троицкий, О.С. Уколова, О.М. Хлытина сосредоточили внимание на принципах и методических приемах воспитания «школьника-исследователя», методике «погружения в прошлое», обучения учащихся отбору и критическому анализу источников. Авторскими версиями использования визуальных источников в обучении истории поделились И.В. Крутова, О.В. Иванов, Е.В. Бехтенова, Ю.В. Дружинина, Е.А. Клыченко, О.А. Волгин, А.Г. Музюкин. Аксиологические и акмеологические аспекты школьного исторического образования нашли отражение в докладах О.Н. Журавлевой, О.Д. Федорова, Р.В. Пазина.

Обсуждение проблем исторической науки и образования полемично перекликалось с широкими общениями о «духе времени», в котором мы живем, в выступлении О.И. Ивониной, раскрывшей историческую семантику понятия современности. Дискуссию о трансформации образования в контексте глобальных трендов общественного развития поддержали в своих докладах Г.М. Запороженко, Л.В. Искровская, И.В. Адоньева, В.Е. Малюгина, Е.Б. Дьякова, Д.Б. Косякова. Представления о традициях и новациях в историческом образовании, обусловленных вызовами XXI в., дискутировались в выступлениях М.В. Кларина, О.Ю. Стреловой, Е.Е. Вяземского, Д.В. Фомина-Нилова, Ю.Л. Троицкого.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Историко-педагогический синтез идей и практик, успешно апробированный на конференции, крайне востребован со стороны научного и педагогического сообществ, о чем свидетельствовали более 3 тыс. подключений к трансляции выступлений на YouTube-канале НГПУ. Спикеры конференции подчеркнули важность интеграции науки и образования в осмыслении структурных сдвигов во всех институциональных подразделениях социума. Движение человечества к управляемой социоприродной эволюции ставит проблему развития общественного интеллекта, человеческого капитала. Релевантным этим процессам переход от традиционного воспроизводства «человек – средство, рабочая сила» к новому типу общественного воспроизводства «человек – цель» реализуется, прежде всего, через общественные педагогические системы и социальный институт образования. Совместные усилия ученых и педагогов, разработки стратегий и методик получения нового исторического знания, освоения наследия, обучения истории призваны способствовать переориентации шаблонного сознания, в известной степени свойственного сегодняшним школьникам и студентам, в сторону глубокого осмысления фундаментальных, социально-экономических, политических и культурологических проблем социума, формированию навыков оригинального самовыражения и генерирования нестандартных подходов к решению актуальных проблем развития страны. Современное историческое образование должно нацеливать молодые поколения выпускников школ и вузов не на монотонную рутинную работу и бездумное потребление стандартного набора продуктов и услуг, а на яркую созидательную деятельность.

Участники конференции отметили актуальность заявленных тем, плодотворность дискуссий и выразили уверенность в необходимости продолжать проведение интегрированных форумов с элементами научной школы в сфере науки и образования в формате, сочетающем реальное и виртуальное пространство, что позволяет не только расширять аудиторию, но и формировать доступный для пользователей интернет-ресурс на основе записей выступлений и дискуссий.

Статья поступила в редакцию 07.10.2021

Дата рецензирования 11.10.2021

Статья принята к публикации 14.10.2021

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20210406
УДК 930(985)"18/19"

Д.А. АНАНЬЕВ

ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ В ТРУДАХ ТЕРЕНСА АРМСТРОНГА*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируются работы по истории освоения российской Арктики, опубликованные британским исследователем, сотрудником Института полярных исследований им. Скотта (Кембриджский университет) Теренсом Армстронгом (1920–1996). Дается общая оценка вклада исследователя в изучение проблем Арктической зоны России. Установлено, что Т. Армстронг одним из первых в западной историографии осветил широкий круг вопросов, связанных с указанной темой (освоение Северного морского пути, политика в отношении коренного населения, развитие нефтегазовой отрасли, охрана окружающей среды и др.). Высоко оценивая результаты советской арктической политики, Т. Армстронг указывает на необходимость расширения международного сотрудничества в процессе дальнейшего развития региона и решения его проблем. Научное наследие британского ученого, без сомнения, не утратило своей актуальности и заслуживает самого внимательного изучения отечественными специалистами.

Ключевые слова: Теренс Армстронг, Институт полярных исследований им. Скотта, российская Арктика, советская Арктика, Северный морской путь, нефтегазовая отрасль, аборигенная политика.

D.A. ANAN'EV

THE HISTORY OF THE RUSSIAN ARCTIC DEVELOPMENT IN TERENCE ARMSTRONG'S WORKS

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Terence Edward Armstrong (1920–1996) was a British linguist, geographer, economist, historian, who had worked at the Scott Polar Research Institute (Cambridge) for many years and been recognized widely as a leading researcher of the Arctic. Despite the high appreciation of his scientific achievements by Soviet and Russian experts, T. Armstrong's works were not given due attention in the Russian historiography. The paper objective is to fill this gap. It's proven that T. Armstrong made a significant contribution to the Arctic studies in the UK. While focusing on the Soviet North problems, he actively promoted the scientific cooperation between Western and Soviet scholars, implementation of international research projects, development of educational programs and training specialists in the field of polar research at western universities.

* Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ 19-09-00041 «Экономическое и социально-демографическое развитие арктических территорий СССР (1920–1980-е годы)».

Денис Анатольевич Ананьев – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: denis.ananyev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9448-8454>.

Denis A. Anan'ev – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

T. Armstrong was among the first Western researchers who studied a wide range of issues related to the Russian Arctic (the Northern Sea Route development, the forced labor use, the indigenous people policy, oil and gas production, urbanization problems, environmental protection etc.). Comparing the tsarist and Soviet policies in the Arctic he came to conclusion that changes occurring in the North after 1917 were so striking and profound that the whole pre-revolutionary era could be considered as a prequel to the Soviet period. Giving a high assessment of the Soviet Arctic policy results, T. Armstrong pointed the need to widen the international cooperation in the region further developing and solving its problems. Being an adherent of the ideas of "environmentalism" (the theory considering the environment's decisive role in human evolution), he perceived the Arctic as a unique habitat with a fragile ecosystem that must be preserved for future generations. The scientific heritage of the British researcher is still relevant and deserves to be thoroughly studied by the Russian specialists.

Key words: Terence Armstrong, Scott Polar Research Institute, Russian Arctic, Soviet Arctic, Northern Sea Route, oil and gas industry, aboriginal policy.

ВВЕДЕНИЕ

Теренс Эдвард Армстронг (1920–1996) – британский лингвист, географ, экономист, историк – на протяжении многих лет являлся сотрудником Института полярных исследований им. Скотта (Кембриджский университет), получил широкое признание как один из крупнейших исследователей Арктики. Несмотря на высокую оценку его научных достижений советскими и российскими специалистами¹, трудам Т. Армстронга не уделялось должного внимания в отечественной историографии. Цель настоящей статьи – отчасти восполнить указанный историографический пробел, обозначив основные вехи биографии британского исследователя, представив обзор его основных публикаций и определив круг интересовавших его научных проблем, а также дав общую оценку его вклада в изучение истории освоения российской Арктики.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ Т. АРМСТРОНГА

По признанию самого Т. Армстронга, в юности он не мечтал быть полярным исследователем и в конце жизни свою научную карьеру охарактеризовал во многом как результат стечения случайных обстоятельств [3]. Будущий ученый родился 7 апреля 1920 г. в Окстед (пригороде Лондона), в семье бывших фермеров – выходцев из Северной Англии. В 1937 г., во время учебы в Винчестерском колледже, он посещал лекции известного английского историка Б. Пэrsa, основателя и директора Школы славянских и восточноевропейских исследований, который обратился к ученикам с призывом изучать русский язык. Последовав данному призыву и в короткий срок добившись заметных успехов, Т. Армстронг в 1938 г. поступил на филологический факультет Колледжа Магдалены в Кембриджском университете, где на него обратила внимание известная лингвист Элизабет Хилл (1900–1996). Зная о его хорошей языковой подготовке, Э. Хилл убедила подающего надежды студента

перейти на небольшое отделение славистики, чтобы учиться под ее руководством².

Обучение в университете прервалось из-за начавшейся войны, во время которой Т. Армстронг служил в Корпусе разведки сухопутных войск, участвовал в операциях в Северной Африке, Италии, Норвегии, Голландии, получил ранение во время рейда в тылу противника. В 1946 г. он вернулся в Кембридж, где по совету Э. Хилл ходатайствовал о зачислении в штат Института полярных исследований им. Скотта, директор которого Г. Робин объявил о наборе специалистов со знанием русского языка. До своей отставки в 1983 г. Т. Армстронг (последовательно занимавший должности научного сотрудника, заместителя директора по науке, доцента, и.о. директора) входил в группу исследователей (наряду с Г. Кингом, Б. Робертсом и Г. Робинсом), которые, по выражению П. Спика, создали Институту «репутацию превосходного научного центра».

В 1951 г. молодой специалист получил ученую степень доктора философии, защитив диссертацию по истории освоения Северного морского пути (далее – СМП). Диссертация явилась первым научным исследованием по данной теме в британской историографии³, а ее материалы легли в основу первой монографии ученого, опубликованной в 1952 г.

В последующие годы при поддержке Программы научных исследований Военно-морских сил Великобритании Т. Армстронг занялся изучением проблемы влияния ледовой обстановки на судоходство, публиковал статьи о навигации по СМП в научном журнале Института им. Скотта «Polar Records», а в

¹ О научных исследованиях Т. Армстронга писали, в частности, Г.А. Агранат [1], Н.Б. Вахтин [2] и др.

² Об уровне филологической подготовки Т. Армстронга, в частности, свидетельствует его участие в качестве редактора в работе над сборником первоисточников по истории присоединения Сибири к России, изданном в 1974 г. Хаклитовским обществом под названием «Поход Ермака в Сибирь» [4]. Наряду с текстами царских указов и грамот 1558–1584 гг. составители сборника перевели на английский язык и опубликовали тексты сибирских летописей (Строгановской, Есиповской, Ремезовской), сопроводив их текстологическим комментарием. Примечательно, что одновременно в СССР готовилось издание сибирских летописей, увидевшее свет в рамках «Полного собрания русских летописей» в 1987 г. [5].

³ Об истории изучения проблем российской Арктики в Великобритании см., напр., работу Б.Н. Вахтина [2].

1958 г. составил и издал «Атлас по морскому льду к северу от СССР». Сотрудничество с Канадским советом обороны позволило британскому ученому в 1954 г. принять участие в знаменитом плавании ледокола «Лабрадор» по Северо-западному проходу⁴. О признании его научных достижений свидетельствовали награды Королевского географического общества: премия им. Катберта Пика (1954) и медаль Виктории (1978).

В 1950-х гг. Т. Армстронг обратил на себя внимание и советских исследователей, оказавшись в числе немногих западных специалистов, получивших возможность, начиная со второй половины десятилетия, регулярно посещать СССР [7]. Во время своих многочисленных поездок ученый активно содействовал международному научному обмену и установил дружеские связи со многими исследователями Арктики, в частности, с академиком А.Ф. Трешниковым (начальником одной из первых дрейфующих станций, а впоследствии – директором Арктического и Антарктического научно-исследовательского института в Ленинграде); известным географом Г.А. Агранатом; начальником Главсевморпути, контр-адмиралом В.Ф. Бурхановым; директорами Института географии СССР И.П. Герасимовым и В.М. Котляковым; выдающимся советским полярником, метеорологом Б.А. Кремером и др. По свидетельству П. Спика, все они очень высоко отзывались о британском коллеге, отмечая его стремление к научной объективности. Результаты своих исследований Т. Армстронг обобщил в монографиях «Русские в Арктике» и «Заселение русскими Севера», увидевших свет в конце 1950-х–1960-х гг. [8, 9].

В 1970-х гг. деятельность ученого была не менее плодотворной – прежде всего, в образовательной сфере. С 1970 г. он участвовал в программе «Человек и Арктика» Национального научного фонда США, организовав в Университете Аляски в Фэрбенксе семинар по проблемам системы образования коренных народов Севера (Аляски, Канады, Гренландии, Скандинавских стран). Одним из итогов этой работы явилась публикация коллективной монографии, написанной в соавторстве с Дж. Роджерсом и Г. Роули.

Не менее активно Т. Армстронг способствовал развитию образовательной программы Кембриджского университета. Благодаря его усилиям с 1975 г. студенты получили возможность прослушать годичный курс «Полярные исследования», по итогам которого получили дипломы специалистов; в 1980 г. в Институте им. Скотта появилась соответствующая маги-

стерская программа. В течение многих лет Т. Армстронг также вел семинары, посвященные проблемам российской Арктики.

В начале 1990-х гг. в условиях растущего интереса западных стран к возможностям использования СМП Т. Армстронг вошел в состав Международного консультативного комитета по СМП, где должен был содействовать сбору данных и организации научных исследований по данной проблеме. Безвременная кончина выдающегося ученого помешала осуществлению этих планов.

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

История освоения Северного морского пути – тема, вызывавшая повышенный интерес британского ученого на протяжении всей жизни. С точки зрения Т. Армстронга, осмысление исторического опыта позволяло объективнее судить о возможностях использования этой водной магистрали в современных условиях и в целом оценить перспективы российского присутствия в Арктике. В истории освоения СМП исследователь выделял четыре этапа, в зависимости от того, какие мотивы преобладали в деятельности первопроходцев и исследователей. Так, на раннем этапе освоения морской трассы ведущую роль, по его мнению, играли экономические интересы; до начала XX в. – научные; в годы Первой мировой войны – военно-стратегические, а с 1920-х гг. – снова научные [10].

Анализу ранних попыток европейцев освоить западный участок СМП посвящена статья Т. Армстронга, опубликованная в 1984 г. Первоисточниками по данной теме служили сборники документов, опубликованные Р. Хаклитом и С. Перчасом в конце XVI–XVII в. и содержащие сведения не только об участии англичан (Х. Уиллоуби, Р. Ченслера и др.) в Великих географических открытиях, но и ценные данные об активном использовании СМП русскими мореходами. Т. Армстронг показывает, что сообщения английских мореплавателей служат важным дополнением к картографическим материалам XVI–XVII в. (в их числе – карты А. Вида (1542, 1546), У. Барроу (1570, 1578), Г. Меркатора (1595), И. Массы (1611), П.И. Годунова (1667)), а также открытиям советских археологов, доказывавшим присутствие русских землепроходцев в арктических широтах в начале XVII в. Для Т. Армстронга несомненно, что отсутствие синхронных письменных источников не должно ставить под сомнение достижения русских⁵, чей вклад в исследование арктических широт значительно превосходил заслуги англичан или голландцев [11, р. 439].

⁴ Сквозное плавание из Атлантического океана в Тихий, совершенное в июле–сентябре 1954 г. канадским ледоколом «Лабрадор», в литературе называют «действительным завоеванием» Северо-Восточного прохода [6].

⁵ Об экспедициях, организованных русскими мореходами в Северном Ледовитом океане в XV – начале XVII в., см., напр.: [12].

Существенным препятствием для развития арктического судоходства явился запрет использования «Мангазейского морского хода» в соответствии с указом царя Михаила Федоровича, изданным в 1619 г. По определению Т. Армстронга, «второе открытие» юго-западного побережья Карского моря состоялось только в 1734–1740 гг., благодаря участникам Великой Северной экспедиции – колоссального по своим масштабам предприятия, итоги которого британский исследователь расценивал как «поразительно успешные» [10, р. 1].

Следующий этап в освоении СМП Т. Армстронг связывал с экспедициями, организованными в XIX в. Ф.П. Литке (в 1820-х гг.) и П.П. Крузенштерном (в 1860 и 1862 гг.). Столкнувшись в Арктике с огромными трудностями, участники экспедиций пришли к выводу о невозможности сквозной навигации по СМП. Тем не менее во второй половине столетия предпринимались новые попытки создания транспортного коридора в Арктике – как иностранцами (Дж. Виггинс (Уиггинс), А. Норденшельд и др.), так и российскими подданными, прежде всего сибирскими купцами М.К. Сидоровым и А.М. Сибиряковым, заинтересованными в развитии коммерческого судоходства.

Отвечая на вопрос о причинах активного участия иностранцев в освоении российской Арктики в позднеимперский период, Т. Армстронг напоминает, что это вполне соответствовало общему курсу экономической политики России конца XIX – начала XX вв., связанной с именами И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте. Привлечение иностранных инвестиций официально приветствовалось и рассматривалось как один из важнейших инструментов, необходимых для решения задач индустриализации страны. В свою очередь, противодействие данному курсу оказывали разного рода «националисты», отвергавшие саму идею участия иностранцев в освоении природных ресурсов страны, а также предпринимательские круги, не нуждавшиеся в появлении новых конкурентов.

По замечанию Т. Армстронга, до начала 1890-х гг. царское правительство не проявляло должного интереса к освоению Арктики, явно недооценивая экономические и военно-стратегические выгоды использования СМП. Постепенному изменению такого отношения способствовало начавшееся строительство Транссибирской магистрали и последовавшие за этим попытки наладить поставки строительных материалов морским путем⁶. В годы Русско-японской

войны, когда Транссиб использовался в первую очередь для перевозки военных грузов, правительство вновь обратило внимание на морские маршруты и организовало доставку продовольствия в Сибирь по Карскому морю. Вместе с тем все эти мероприятия носили эпизодический характер. По заключению исследователя, царское правительство всерьез обеспокоилось проблемами развития арктических территорий и обеспечения их безопасности лишь незадолго до начала Первой мировой войны.

Более целенаправленными выглядели усилия властей по освоению восточного сектора СМП. В 1908 г. была учреждена комиссия для исследования возможности морских плаваний из Тихого океана до устья Колымы и Лены. Организации регулярного судоходства предшествовала деятельность геологических, топографических и гидрографических экспедиций. В 1911 г. на Колыму были доставлены первые промышленные товары, отправленные на грузовых судах из Владивостока. В целом, в представлении Т. Армстронга, активность государства в этой части Арктики была во многом вынужденной из-за отсутствия достаточных экономических стимулов для частного капитала. [10, р. 23]

В истории освоения СМП основное внимание британский исследователь уделял советскому периоду. Несмотря на сложности, связанные с поиском необходимых источников (одна из проблем заключалась в почти полном отсутствии материалов по истории использования СМП во время Второй мировой войны и в послевоенные годы), в своей первой монографии Т. Армстронг осветил широкий круг вопросов, охарактеризовал систему управления арктическим регионом, деятельность «Комсеверпути» и Главного управления Севморпути (далее – ГУСМП), выделил основные этапы научного изучения региона и развития арктического судоходства, оценил экономическое и военно-стратегическое значение СМП.

Отличительной особенностью и преимуществом советской арктической политики (в противовес проводившейся до 1917 г.) Т. Армстронг называл тщательное планирование, способность мобилизовать огромные ресурсы и обеспечить массовую подготовку квалифицированных кадров (в чем, по его мнению, заключался также резкий контраст с арктической политикой в странах Запада). Впрочем, до начала 1930-х гг. успехи советских покорителей Арктики были не столь заметными. Регулярное торговое судоходство было налажено только в Карском море. Как и в дореволюционный период, отсутствовали экономические стимулы для развития восточного сектора Арктики, о чем, в частности, свидетельствовал тот факт, что первое грузовое судно прибыло в устье

⁶ Автор сообщает о контракте, заключенном в 1893 г. Комитетом Сибирской железной дороги с английской торгово-транспортной фирмой, в соответствии с которым капитан Дж. Виггинс обеспечил доставку 1600 т рельсов из Англии к устью Енисея. Впрочем, Т. Армстронг умалчивает о том, что, несмотря на усилия Дж. Виггинса, операция все же завершилась крахом, поскольку перегрузить рельсы на баржи не удалось, и в Красноярск доставили только десятую часть груза. – См.: [13].

Лены из Тихого океана только в 1927 г., а из Атлантического – в 1933 г.⁷

Поворотным моментом в истории советской Арктики британский исследователь называет учреждение в 1932 г. ГУСМП, что соответствовало целям новой программы, принятой в рамках второго пятилетнего плана и направленной на масштабное освоение северных территорий. По мнению ученого, создавая специальный орган для управления огромным регионом, советское правительство руководствовалось прежде всего экономическими соображениями – необходимостью обеспечить более жесткий контроль над выполнением плановых заданий пятилетки [10, р. 37].

В публикациях 1950-х гг. Т. Армстронг подробно осветил историю арктического судоходства, технические характеристики советского ледокольного флота (самого большого и мощного в мире), высказав предположение, что на смену ледоколам вскоре должны прийти более быстроходные суда с ледовыми подкреплениями. Исследователь подчеркивал, что освоение СМП и в целом Арктического региона не только способствовало развитию науки и народного хозяйства страны, но обеспечивало Советскому Союзу явные военно-стратегические преимущества.

В своих исследованиях Т. Армстронг применял комплексный подход, изучая развитие транспортной инфраструктуры в контексте **общего процесса заселения и социально-экономического развития северных территорий**, анализируя изменения **государственной политики в Арктике** и эволюцию **взаимоотношений прошлого и коренного населения**.

В представлении британского ученого, на начальном этапе главным стимулом для продвижения русских на Север являлся поиск пушнины; ведущую роль в этом процессе играли «промышленники» (промысловики), за которым следовало государство. Таким образом, присоединение новых земель было, в сущности, «побочным продуктом» промысловой деятельности, а утверждение суверенитета над этими территориями облегчалось отсутствием серьезных соперников в лице иностранных держав [9, 15].

После 1700 г. по мере истребления пушного зверя и смещения маршрутов колонизации на юг интерес официальных властей к Крайнему Северу постепенно ослабевал, но никогда не был полностью утрачен. В период Великой Северной экспедиции ар-

ктические территории вновь оказались в центре внимания правительства, однако результаты работы научных экспедиций не способствовали скорейшему заселению и освоению Севера. В отсутствие четко сформулированных целей государственной политики в Арктике все текущие вопросы фактически решались местной администрацией. Т. Армстронг присоединился к мнению, высказанному в работах дореволюционных и советских исследователей, о многочисленных недостатках, присущих системе управления северными территориями в XVIII – начала XX вв., нехватке честных и способных администраторов, медленном развитии сети образовательных и медицинских учреждений, плохой организации продовольственного снабжения [9, р. 102].

Сопоставляя арктическую политику царской и советской России, Т. Армстронг пришел к выводу, что изменения, происходившие на Севере после 1917 г., были настолько поразительными и масштабными, что всю дореволюционную эпоху можно считать лишь предысторией советского периода. По замечанию исследователя, для объективной оценки советского периода необходимо учитывать, что политическое руководство СССР стремилось в кратчайшие сроки сделать страну сильной и независимой вопреки противодействию со стороны враждебного окружения. Иными словами, определяющую роль в выборе политического курса играли внешние факторы. Поначалу такие опасения относительно внешнего мира выглядели не вполне обоснованными, хотя страны Антанты демонстрировали явную враждебность, но в дальнейшем Япония и Германия дали основания для более серьезного беспокойства [9, р. 127].

Высоко отзываясь о достижениях начального этапа освоения советской Арктики, Т. Армстронг затронул тему использования неквалифицированного принудительного труда (труда заключенных). Признавая распространенность данного явления, в публикациях 1950-х гг. исследователь призывал не считать его фактором, имевшим решающее значение (8, р. 174). В монографии 1965 г. автор согласился с теми, кто утверждал, что труд заключенных играл большую роль, но подчеркнул, что по мере освоения арктических территорий политика властей становилась менее жесткой⁸, о чем свидетельствовала реорганизация системы исполнения наказаний в 1950-х гг.

⁷ Современные отечественные исследователи в большей степени подчеркивают преемственность арктической политики государства в различные периоды, утверждая, что Советское правительство «унаследовало от предыдущей власти отношение к Арктике, как весьма значимому региону государства», а «Комсеверпуть» в 1920-е гг. создавал «основу для мощного экономического развития Арктики» в последующие десятилетия. – См.: [14, с. 12].

⁸ К аналогичному выводу приходят и современные отечественные исследователи, отмечающие, что с середины 1950-х гг. «в индустриальном строительстве по-прежнему применялись мобилизационные методы, но они уже не основывались на прямом принуждении. В привлечении людей в северные районы стали широко использоваться материальные и морально-психологические стимулы». – См.: [14. С. 273]

(создание Главного управления исправительно-трудовых колоний в 1956 г., а затем его преобразование в Главное управление мест заключения в 1959 г.) [9, р. 125–127].

Оценивая результаты социально-экономического развития советской Арктики в послевоенный период, Т. Армстронг указывал на необходимость использования советского опыта для освоения арктических зон других стран. Признавая, что такие попытки обмена опытом между западными и советскими учеными уже неоднократно предпринимались и не были очень успешными из-за препятствий бюрократического и политического характера, ученый все же настаивал на необходимости расширения международного сотрудничества, прежде всего, в области электроэнергетики, сельского хозяйства, а также в нефтегазовой сфере [16, р. 18, 35–36].

В работе, посвященной сопоставлению развития нефтегазовой отрасли на севере Сибири и на Аляске, британский исследователь сообщает о разработках газовых месторождений в низовьях Оби, нефтяных месторождений на Ямале, в бассейнах рек Пур и Таз; строительстве газопроводов Пунга–Серов и Мессояха–Норильск, нефтепроводов Шаим–Тюмень и Александровское–Анжеро-Судженск; анализирует планы советского правительства увеличить поставки газа из Северо-Западной Сибири в Европейскую Россию и далее – в страны Западной Европы [16, р. 15–19].

По заключению автора, методы освоения нефтяных месторождений на севере Сибири принципиально отличались от тех, что использовались в районе Норт-Слоуп. На Аляске после завершения этапа разработок освоение велось с использованием минимального количества рабочей силы. Производство автоматизировалось в той мере, насколько это было возможно, при этом не планировалось строительство крупных нефтеперерабатывающих или нефтехимических заводов. Учитывая, что освоение арктических территорий было обусловлено необходимостью добычи минеральных ресурсов, срок жизни поселений ограничивался временем разработки соответствующих месторождений.

В свою очередь, в Сибири планировалось создание крупных поселений и городов, а добыча нефти и газа воспринималась как способ привлечения как можно большего числа рабочих и увеличения численности населения, постоянно проживающего в регионе. Т. Армстронг утверждал, что «гигантизм» советской нефтегазовой отрасли лишь отчасти можно объяснить отсутствием трудосберегающих технологий. Главное отличие заключалось в самой философии заселения северных территорий. Для советского правительства ценность постоянных поселений определялась рядом неэкономических факторов: необходимостью утверждения суверенитета, «советизации»

северных народов, защиты территории в случае военного нападения иностранных государств и др.

Одним из главных факторов, препятствовавших притоку рабочей силы в районы Крайнего Севера, Т. Армстронг считал неудовлетворительную ситуацию с жильем. Значительную часть жилищного фонда составляли неблагоустроенные деревянные двухэтажные дома. Более комфортабельные (и дорогостоящие) типовые бетонные многоэтажки возводились в крупных населенных пунктах – например, в Норильске, который Т. Армстронг назвал «витриной» Советской Арктики. Советские специалисты, планировавшие строительство городов в субарктической зоне, стремились сделать застройку более компактной⁹, особенно в районах, расположенных на границе с зоной лесотундры, где более интенсивные осадки и сильные ветра создавали дополнительные проблемы [16, р. 27].

Рассматривая советскую политику в сфере труда и занятости населения, Т. Армстронг назвал главным инструментом привлечения и удержания трудовых ресурсов на Крайнем Севере разницу в прогрессивной оплате труда, известную как система «северных надбавок». Размер надбавки, как и предельный уровень заработной платы, зависел от степени удаленности региона. По замечанию исследователя, несмотря на централизованную систему управления экономикой, на местах сохранялась разница в оплате за одну и ту же выполняемую работу. Так, в Якутии строитель, нанятый столичной организацией, получал на 50 % больше, чем работники, нанятые якутскими учреждениями. Вместе с тем, сравнивая фактический уровень доходов работников строительной отрасли в Якутии и на Аляске, автор пришел к выводу, что советские рабочие все же оказывались в более выгодном положении.

Поощрительные вознаграждения в денежной и неденежной формах применялись с 1932 г.; их размеры неоднократно изменялись, расширяя перечень льгот и категорий населения, на которые они распространялись. Наряду с подвижной шкалой заработной платы притоку рабочей силы способствовала возможность получения субсидий, бесплатного проезда к новому месту жительства, более ранний срок выхода на пенсию, более продолжительный ежегодный отпуск, право на сохранение жилья в месте прежнего проживания. По заключению Т. Армстронга, во многом все эти меры должны были компенсировать суро-

⁹ В частности, британский исследователь упоминает о нереализованных проектах начала 1960-х гг., предполагавших создание городов с управляемым микроклиматом, жилыми 15-этажными блочными домами (круглыми или эллиптическими в плане, чтобы минимизировать давление ветра и потерю тепла), соединенными так, чтобы внутри них находились целые улицы и рекреационные зоны.

вость климата и более низкое качество жизни (нехватку комфортного жилья, свежих продуктов питания, немногочисленность учреждений культуры) [16, р. 24–26].

Изучая **проблемы русско-аборигенных отношений**, британский исследователь также противопоставлял дореволюционный и советский периоды. По его мнению, несмотря на довольно мягкое и гуманное отношение к коренным народам Севера со стороны царского правительства, аборигены часто страдали от бесконтрольных действий отдельных чиновников и «эксплуататоров» на местах. Присоединяя северные земли, русские нередко встречали сопротивление со стороны аборигенов. Так, в источниках зафиксированы случаи столкновений пришлых контингентов с ненцами, эвенками, якутами, кетами. Затем, как правило, наступал период мирного сосуществования пришлого и коренного населения (редким исключением из данного правила исследователь называет покорение Чукотки), поскольку русские, в сущности, ограничивались сбором ясака и не вмешивались в жизнь северных народов, сохранив у них самоуправление.

Т. Армстронг указывает и на некоторые положительные последствия русской колонизации для аборигенного населения. В частности, присутствие русских способствовало уменьшению количества межплеменных конфликтов, а также экономическому развитию территорий, их сельскохозяйственному освоению. В свою очередь, пришлое население перенимало у коренных жителей методы адаптации и выживания в экстремальных условиях Арктики. В целом, несмотря на свидетельства современников о распространении болезней и тяжелых условиях жизни «иностранцев», их эксплуатации русскими торговцами, утрате некоторыми народами (например, ительменами, камчадалами) признаков этнической группы, общая численность аборигенного населения Севера продолжала расти [9, р. 115–117].

После 1917 г. начался новый этап во взаимоотношениях пришлое и аборигенного населения Крайнего Севера. Т. Армстронг дает в целом положительную оценку политике, проводившейся советским государством, замечая, что, согласно данным переписей, численность коренного населения на Севере с 1926 по 1959 г. выросла на 8 % (хотя, по его мнению, данный показатель мог бы быть значительно выше, учитывая заметное улучшение качества медицинского обслуживания) [16, р. 31].

Исследователь также отмечает ряд негативных аспектов государственной политики, в том числе последствия коллективизации, проводившейся на рубеже 1920–1930-х гг. По мнению исследователя, тот факт, что, согласно официальным данным, количество оленей в итоге сократилось с 2 млн до 450 тыс.

голов, свидетельствовал о серьезных потрясениях в жизни оленеводов. [16, р. 30]. Впрочем, в последующие десятилетия власти прилагали большие усилия по сохранению традиционного уклада и промыслов у представителей малых народов, которым с 1960 г. начали также выплачивать северные надбавки. Т. Армстронг сравнил советское государство с «миссионером», открывшим для коренных народов Севера дорогу к просвещению и использовавшим для этого все доступные ресурсы [16, р. 29–33].

К положительным сторонам государственной политики на Крайнем Севере Т. Армстронг отнес развитие здравоохранения, улучшение жилищных условий, увеличение количества доступных потребительских товаров, внедрение передовых технологий, создание современной системы образования, в частности, подготовку национальных педагогических кадров (к концу 1960-х гг. не менее четверти всех учителей в «национальных» районах Севера составляли представители коренных народов). Благодаря советским ученым-лингвистам у ряда коренных народов появилась письменность.

Достижением советской политики Т. Армстронг считал создание «национальных» административно-территориальных единиц (областей и округов), «автономность» которых, конечно, не подразумевала, что их политика могла противоречить интересам Москвы, но означала, что представители национальных меньшинств действительно обладают правом голоса в решении местных вопросов. Многие ключевые должности в национальных автономиях занимали представители коренного населения.

Для Т. Армстронга несомненно, что наиболее многочисленные из северных народов создали жизнеспособные национальные образования, в которых сформировался слой интеллектуалов (представителей научной и творческой интеллигенции), способствующих сохранению национальной культуры и языков, в то время как малочисленные этносы рискуют их утратить и быть полностью ассимилированными пришедшим населением (следует заметить, что в 1960-х гг. на угрозу утраты родного языка малыми народами Севера указывали и советские ученые – В.А. Аврорин и др.). По мнению Т. Армстронга, для того чтобы лучше осознать нужды коренных народов, не следует воспринимать их исключительно глазами европейцев, необходимо понять их собственную систему ценностей, их культуру, традиционные представления об окружающем мире и способах взаимодействия с ним.

Сравнивая положение коренного населения в северных районах Сибири и на Аляске, Т. Армстронг считал советскую политику в этой сфере более успешной, хотя усматривал в ней ряд недостатков – например, отсутствие свободного обсуждения про-

блем малых народов в советской прессе. По мнению ученого, дискуссии в СМИ помогли бы проявиться «национальным лидерам», способным представлять интересы своих этносов и эффективно защищать их права там, где они, возможно, ущемлялись¹⁰.

Описывая изменения в образе жизни аборигенов населения, британский ученый также затрагивал (одним из первых в западной литературе) вопрос о последствиях советской индустриализации для природной среды Крайнего Севера. Он признавал, что в СССР (в отличие, например, от США) население было менее осведомлено об экологических проблемах. Меньшее значение придавалось созданию заповедников и национальных парков: в 1969 г. в регионах советской Арктики их было только 4 (в Мурманской обл., Коми АССР и на Камчатке), тогда как на Аляске – 11. По замечанию Т. Армстронга, создание заповедников в условиях Крайнего Севера мотивировалось научными и экономическими соображениями, а не стремлением развивать туризм и соответствующую инфраструктуру [16, р. 34–35].

Британский исследователь объяснял разницу в отношении к экологическим проблемам в СССР и США меньшим воздействием на окружающую среду в СССР, вдвое превышающим Соединенные Штаты по площади, при сопоставимой численности населения. К тому же дымящие фабричные трубы долгое время воспринимались, прежде всего, как символ индустриального прогресса, а не загрязнения. Вместе с тем Т. Армстронг предвидел, что в дальнейшем вопросам охраны природной среды на Крайнем Севере начнут уделять более пристальное внимание. Будучи приверженцем идей «энвайронментализма» (теории о решающей роли окружающей среды в формировании человека), он воспринимал Арктику как уникальную среду обитания, с хрупкой экосистемой, которую необходимо сохранить для будущих поколений [3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Т. Армстронг внес значительный вклад в развитие комплексных североведческих исследований в Великобритании. Уделяя основное внимание изучению северных территорий СССР, он активно содействовал расширению научных связей между западными и советскими учеными, реализации международных исследовательских проектов, разработке образовательных программ и подготовке специалистов-арктиковедов в западных университетах. Одним из первых в англоязычной историографии

он осветил широкий круг вопросов, связанных с историей советской Арктики (освоение Северного морского пути; политика в отношении коренных народов Севера; развитие нефтегазовой отрасли; проблемы урбанизации, экологии и др.). Необходимо отметить стремление британского исследователя к взвешенной и объективной оценке целей и итогов советской арктической политики. Давая весьма высокую оценку результатов освоения Арктики в советский период¹¹, Т. Армстронг указывал на необходимость расширения международного сотрудничества в процессе дальнейшего развития региона и в решении его проблем. Научное наследие британского ученого, без сомнения, не утратило своей актуальности и заслуживает самого внимательного изучения отечественными специалистами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агранат Г.А.* Коренное население Аляски и Канадского Севера: Современные социально-экономические и политические проблемы // Сов. этнография. 1982. № 6. С. 66–80.
2. *Вахтин Н.Б.* К истории изучения Сибири и Севера в социальном аспекте: материалы к учебнику. СПб.: АртЭкспресс, 2020. 68 с.
3. *Speak P.* Terence Edward Armstrong, 1920–1996 // *Geographers Biobibliographical Studies Volume 18.* Patrick H. Armstrong and Geoffrey J. Martin (eds). Mansell 1998. P.1–9.
4. *Armstrong T.* Yermak's Campaign in Siberia. A selection of documents translated from the Russian by T. Minorsky and D. Wileman. L.: Hakluyt Society, Second Series 146. 1974. 315 p.
5. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи / предисл. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской. 381 с.
6. *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. М., 1985. Т. 5: Новейшие географические открытия и исследования (1917–1985 гг.). 215 с.
7. Летопись Севера / отв. ред. А.В. Ефимов. М.: Географгиз, 1957. Т. 2. 280 с.
8. *Armstrong T.* The Russians in the Arctic. Aspects of Soviet Exploration and Exploitation of the Far North, 1937–1957. New Jersey: Fair Lawn, 1958. 182 p.
9. *Armstrong T.* Russian Settlement in the North. Cambridge: University Press, 1965. 224 p.
10. *Armstrong T.* The Northern Sea Route: Soviet Exploration of the North East Passage. Cambridge: Scott Polar Research Institute, 1952. 162 p.
11. *Armstrong T.* In Search of a Sea Route, 1553–1619 // *Arctic.* 1984 (December). Vol. 37, N 4. P. 429–440.
12. *Аганов М.Г.* Арктические миражи: Новая Земля как Tierra del Plata // Новое прошлое / The New Past. 2019. N 2. С. 52–69.
13. *Канн С.К.* Освоение Северного морского пути в практике Комитета Сибирской железной дороги // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2021. Иркутск: Изд-во БГУ, 2021. С. 319–329.
14. *Комлева Е.В., Куперитох Н.А., Ламин В.А., Матханова Н.П., Тимошенко А.И., Шиловский М.В., Элерт А.Х.* Россия в Арктике: государственная политика и проблемы освоения. Новосибирск: Изд-во «Параллель», Ин-т истории СО РАН, 2017. 494 с.

¹⁰ Для современной отечественной историографии характерны более резкие оценки итогов политики «советизации» и вывод о возобладании негативных тенденций, связанных с «явной и скрытой дискриминацией естественных и конституционных прав и свобод граждан СССР коренных национальностей». – См.: [17, с. 105–106].

¹¹ О беспрецедентных масштабах, темпах и результатах развития северных территорий в советский период, которых не знало ни одно из приарктических государств, пишут и современные отечественные авторы. – См.: [18, с. 4–5].

15. *Armstrong T., Rogers G., Rowley G.* The Circumpolar North. A Political and Economic Geography of the Arctic and Sub-Arctic. L., 1978. 303 p.

16. *Armstrong T.* Soviet Northern Development, with some Alaskan Parallels and Contrasts. ISEGR Occasional Papers. 1970. N 2 (October). 37 p.

17. *Еремеева О.И.* Культура и просвещение народов сибирского Севера в 1920-1930-е гг.: к историографии проблемы // Государственная политика России в Арктике: стратегия и практика освоения в XVIII–XXI вв.: сб. науч. тр. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2012. С. 104–109.

18. *Зубков К.И., Карпов В.П.* Развитие российской Арктики: Советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера, Урала и Западной Сибири). М.: Политическая энциклопедия, 2019. 367 с.

REFERENCES

1. *Agranat G.A.* Indigenous Population of Alaska and Canadian North. *Sovetskaya etnografiya*. 1982, no 6, pp. 66–80. (In Russ.)
2. *Vakhtin B.N.* To the History of the Study of Siberia and the North in the Social Aspect: Materials for a Textbook. SPb., ArtEkspress, 2020. 68 p. (In Russ.)
3. *Speak P.* Terence Edward Armstrong, 1920–1996. *Geographers Biobibliographical Studies Volume 18*. Patrick H. Armstrong and Geoffrey J. Martin (eds). Mansell, 1998, pp.1–9.
4. *Armstrong T.* Yermak's Campaign in Siberia. A selection of documents translated from the Russian by T. Minorsky and D. Wileman. London, Hakluyt Society, Second Series 146, 1974, 315 p.
5. Complete collection of the Russian Chronicles. Vol.36: Siberian chronicles: Group of the Yesipov Chronicle. Foreword by N.N. Pokrovskiy, Ye.K. Romodanovskaya. Moscow, Nauka, 1987, 381 p. (In Russ.)
6. *Magidovich I.P., Magidovich V.I.* Essays on the History of Geographical Discoveries. Vol.5. Recent Geographical Discoveries and Exploration (1917–1985). Moscow, 1985, 215 p. (In Russ.)

7. *Yefimov A.V.* (ed.) Chronicle of the North. Vol. 2. Moscow, Geografiz, 1957, 280 p. (In Russ.)

8. *Armstrong T.* The Russians in the Arctic. Aspects of Soviet exploration and exploitation of the Far North, 1937–1957. New Jersey, Fair Lawn, 1958, 182 p.

9. *Armstrong T.* Russian settlement in the North. Cambridge, Univ. Press, 1965, 224 p.

10. *Armstrong T.* The Northern Sea Route: Soviet exploration of the North East passage. Cambridge, Scott Polar Research Inst., 1952, 162 p.

11. *Armstrong T.* In search of a sea route, 1553–1619. *Arctic*, 1984, vol. 37, no. 4, pp. 429–440.

12. *Agapov M.G.* Arctic mirages: Novaya Zemlya as Tierra del Plata. *Novoye proshloye*, 2019, no. 2, pp. 52–59. (In Russ.)

13. *Kann S.K.* The Northern Sea Route Development in the practice of the Siberian Railroad Committee. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij yezhegodnik: 2021*. Irkutsk, 2021, pp. 319–329. (In Russ.)

14. *Komleva Ye.V., Kupershtokh N.A., Lamin V.A., Matkhanova N.P., Timoshenko A.I., Shilovskiy M.V., Elert A.Kh.* Russia in the Arctic: state policy and problems of development. Novosibirsk, Parallel, Inst. of History SB RAS, 2017, 494 p. (In Russ.)

15. *Armstrong T., Rogers G., Rowley G.* The Circumpolar North. A political and economic geography of the Arctic and Sub-Arctic. London, 1978, 303 p.

16. *Armstrong T.* Soviet northern development, with some Alaskan parallels and contrasts. Fairbanks, Univ. of Alaska, 1970, 37 p. (ISEGR Occasional Papers, no. 2).

17. *Yermeeva O.I.* Culture and education of the Siberian North peoples in the 1920s-1930s: on the historiography of the problem. *Gosudarstvennaya politika Rossii v Arktike: strategiya i praktika osvoeniya v XVIII – XXI vv.* Novosibirsk, 2021, pp. 104–109. (In Russ.)

18. *Zubkov K.I., Karpov V.P.* The Russian Arctic development: Soviet experience in the context of modern strategies (on the Far North, Ural and West Siberia materials). Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2019, 367 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.09.2021

Дата рецензирования 11.10.2021

Статья принята к публикации 01.11.2021

DOI: 10.15372/HSS20210407

УДК 94(470.54).072:35.072

А.А. БАКШАЕВ

ПРОБЛЕМЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ХОДЕ ПРИЕМКИ ВОЕННОЙ ПРОДУКЦИИ НА КАЗЕННЫХ ЗАВОДАХ УРАЛА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Уральский федеральный университет,
РФ, 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

В статье рассматриваются проблемы взаимодействия администрации казенных горных округов Урала с военными приемщиками в ходе выполнения военного заказа в первой четверти XIX в. Отмечается, что в ходе приемки военной продукции часто возникали противоречия между представителями горного и военного ведомств. Причинами разногласий были неудовлетворительное качество изделий горных заводов, а также нарушение сроков сдачи продукции. Несмотря на утверждение в 1804–1808 гг. правил приемки военных изделий, количество жалоб горной администрации на действия артиллерийских приемщиков увеличилось. В большинстве случаев конфликтные ситуации быстро разрешались. Противоречия обострились в начале 1820-х гг., когда в спор по поводу приемки снарядов и другой военной продукции вступили горный начальник Гороблагодатских заводов Н. Р. Мамышев и направленный на Урал из Омска главный приемщик Я. М. Бикбулатов. В 1825 г. после вмешательства руководства горного и артиллерийского департаментов конфликт удалось разрешить.

Ключевые слова: приемка продукции, Урал, военные наряды, военные приемщики, Военное ведомство, горная администрация, горные округа, Горный департамент, Я.М. Бикбулатов, Н.Р. Мамышев.

А.А. BAKSHAEV

PROBLEMS OF INTERAGENCY COOPERATION DURING ACCEPTANCE OF MILITARY PRODUCTS IN THE URALS STATE PLANTS IN THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY

Ural Federal University,
51, Lenin Ave., 620083, Yekaterinburg, Russian Federation

The article discusses the problems of interaction between the Military and Mining Departments during the military order implementation in the early XIX century. Applying the historical-genetic and problem-chronological methods the author identifies the causes of contradictions between the Ural enterprises leadership and military inspectors, who controlled the quality of military products at state plants and wharves of the Urals; shows the main stages of the conflict development. The author notes that contradictions between representatives of the Mining and Military departments during acceptance of military products arose early at the beginning of the XIX century. Military inspectors reported about the unsatisfactory quality of products of mining plants, as well as the violation of deadlines to deliver products. Mining officials, in turn, were dissatisfied with receivers' slow work and a large number of rejected products. As a result, to solve these problems, production acceptance rules were elaborated. They were approved in 1804 and supplemented in 1808. These documents established the technical requirements for military products and regulated the procedure of inspectors and mining administration interaction. However, in ten years since their adoption, the number of complaints on actions of artillery officials grew. It was caused by a significant increase of military order volumes, and the plants could not implement them. In most cases, conflicts between the mining administration and inspectors were quickly resolved. However, in the early 1820s these contradictions escalated, when N. R. Mamyshev, the head of Goroblagodatsky plants, and Y. M. Bikbulatov, the main receiver, entered into a dispute over accepting shells and other military products. The disagreement between them was caused by unsatisfactory quality of mining plant products (iron, shells, guns), as well as the working procedure of military inspectors. The great scale of disagreement forced the leadership of the Mining and Artillery Departments to intervene and send their representatives to the Urals. The conflict was to resolved after the arrival of the Mining Department commission, as well as I. A. Neratov, Orenburg artillery district head, to the Urals in 1825.

Key words: product acceptance, mining plants, the Urals, military orders, military receivers, Military Department, mining administration, Mining Department, Ya. M. Bikbulatov, N. R. Mamyshev.

Бакшаев Александр Алексеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет, e-mail: alexander.bakshaev@yandex.ru

Alexandr A. Bakshaev – PhD (History), Associate Professor, Chair of Document management, Archival science and History of public administration, Ural Federal university.

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшим направлением деятельности казенной горнозаводской промышленности Урала в первой четверти XIX в. было выполнение военного заказа. Предприятия региона изготавливали по нарядам предметы вооружения (артиллерийские орудия и снаряды), а также металлы для оружейных предприятий, которые перерабатывали его в военные изделия. В ходе выполнения военных нарядов администрация горных округов взаимодействовала с военными ведомствами, осуществлявшими контроль за качеством продукции через своих представителей на заводах и пристанях.

Проблемы межведомственного взаимодействия в ходе выполнения военного заказа в историографии практически не освещались. В частности, в работах, посвященных военному производству на горных заводах Урала в первой половине XIX в., деятельности артиллерийских приемщиков на предприятиях региона не уделялось достаточного внимания [1]. Лишь в работах И.А. Сергиевского, анализировавшего проблемы организации военной приемки на горных заводах России в первой половине XIX в., раскрываются некоторые стороны сотрудничества военных приемщиков и горной администрации [2, 3]. В настоящей статье на основе историко-генетического и проблемно-хронологического методов выявляются причины, зарождение и развитие конфликта между руководством горных заводов и артиллерийскими приемщиками, анализируется роль руководства военного и горного ведомств в разрешении межведомственных противоречий.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ВОЕННОЙ ПРИЕМКИ НА УРАЛЬСКИХ ЗАВОДАХ

Ужесточение требований к качеству военных изделий, отсутствие специальных правил их приемки в начале XIX в. часто приводило к разногласиям между горными заводами и представителями органов военного управления. Поэтому были разработаны нормативные акты, регулировавшие организацию приемки военной продукции с горных заводов. В частности, 22 июня 1804 г. императором было утверждено Положение для приема железа, якорей и артиллерийских снарядов. Порядок браковки орудий устанавливался в Правилах пробы и приема артиллерийских орудий, отливаемых для флота, принятых 31 марта 1804 г.¹ Новые требования к размерам и качеству артиллерийских орудий и снарядов были изложены в инструкциях от 30 апреля и 18 августа 1808 г.² Важ-

ное место в этих нормативных актах занимал вопрос о взаимодействии военных приемщиков с горнозаводской администрацией.

Для осуществления приемки военных изделий на казенные заводы региона были направлены артиллерийские офицеры. Так, в 1811 г. на Урал был командирован майор 10-й резервной артиллерийской бригады из Омска Яков Михайлович Бикбулатов с командой из 10 чел. нижних чинов. Артиллерийские приемщики размещались на Уткинской, Ослянской, Усть-Реченской и Лаишевской пристанях, Гороблагодатских, Екатеринбургских, Златоустовских и Камско-Воткинских заводах. Решением генерал-инспектора артиллерии П.И. Меллер-Закомельского в 1812 г. Я.М. Бикбулатову были подчинены все артиллерийские офицеры и нижние чины, находившиеся в Вятской, Пермской и Оренбургской губерниях [2, с. 130].

Личность главного приемщика, прослужившего в этой должности до начала 1830-х гг., вызывает интерес. Рожденный в обер-офицерской семье, он происходил, по некоторым сведениям, из татарского рода Бикбулатовых из с. Янагушево (современной Башкирии) [2, с. 133]. В 1797 г. окончил Артиллерийский и инженерный шляхетский кадетский корпус в чине подпоручика. Проходил службу во Втором артиллерийском полку в Омске, с 1806 г. переименованном в Сибирскую бригаду. К 1810 г. Я.М. Бикбулатов дослужился до майора, а в 1811 г. при отправлении на Уральские заводы получил чин подполковника. В 1815 г. вступил в брак с дочерью заводовладельца А.В. Зеленцова Апполиной Алексеевной³.

Главный приемщик взаимодействовал с местной горнозаводской администрацией на основании правил 1804–1808 гг. В частности, горное начальство должно было сообщать ему о готовности военных изделий. В ответ Я.М. Бикбулатов информировал горных начальников, кто из артиллерийских офицеров и когда прибудет на заводы для осуществления приемки. Кроме того, велась обширная переписка с горными округами и Пермским горным правлением по поводу отправки военной продукции в караванах и по другим вопросам. Главный приемщик уделял большое внимание не только самой приемке и браковке изделий, но и при посещении заводов лично наблюдал за процессом их изготовления⁴.

ЗАРОЖДЕНИЕ КОНФЛИКТА
МЕЖДУ ГОРНОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ
И ВОЕННЫМИ ПРИЕМЩИКАМИ

Конфликтные ситуации между приемщиками и местной горной администрацией возникали на

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗРИ). Собр. 1. СПб.: Типография II отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1830. Т. 28. № 21232, 21359.

² ПСЗРИ. Собр. 1, Т. 30, № 22986, 23233.

³ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 39. Оп. 1. Д. 5. Л. 147 об.–148.

⁴ ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

Уральских заводах еще в начале XIX в. В основном это были отдельные случаи обнаружения некачественных изделий, которые не приводили к большим разногласиям. Но с середины 1810-х гг. количество жалоб на действия артиллерийских приемщиков значительно увеличилось. В основном они поступали от Николая Родионовича Мамышева, занявшего в 1814 г. должность управителя Камско-Воткинского завода, а с 1820 по 1826 г. – горного начальника Гороблагодатских и Камских заводов. Окончив Горный кадетский корпус в 1795 г., он поступил на Уральские заводы и служил управителем Николае-Павдинского (с 1796 г.), Нижне-Исетского (1799), Пышминского (1800) и Каменского заводов (1802). Следует отметить, что Н.Р. Мамышев внес большой вклад в развитие производства Гороблагодатских заводов. В частности, по его инициативе был разработан проект переустройства всех предприятий округа, организован поиск месторождений золота и платины, проводились опыты в металлургическом производстве [4, с. 13; 5, с. 74].

После вступления в должность управляющего Камско-Воткинским заводом у него начался конфликт с главным приемщиком Я.М. Бикбулатовым. В частности, в мае 1816 г. Н.Р. Мамышев пожаловался в департамент горных и соляных дел на приемщика унтер-цейхквтера Полякова, который осматривал оковку очень медленно, не более четырех часов в день. В результате, по словам управляющего, мастера вынуждены были проживать на фабрике один-два дня в ожидании своей очереди. Управляющий просил повлиять на Полякова поручика Богданова – старшего приемщика на Камско-Воткинском заводе. В спор вмешался прибывший на завод Я.М. Бикбулатов. По словам Н.Р. Мамышева, Бикбулатов осмотрел всего лишь 30 или 40 шт. оковки, отметил их плохую отделку и запретил прием⁵.

В ответ на критику Н.Р. Мамышева главный приемщик докладывал в артиллерийский департамент, что ящичная оковка была им осмотрена и найдена не соответствующей образцам по размерам. Обнаружено, что при ее изготовлении использовались старые модели. В итоге он приказал изготовить новые на Гороблагодатских заводах. После этого оковка была вновь осмотрена поручиком Богдановым, но принята лишь частично. Я.М. Бикбулатов был также недоволен тем, что сдавали оковку не заводские смотрители или надзиратели, а мастера. Главный приемщик запретил принимать оковку без заводских чиновников, что вызвало недовольство управителя Н.Р. Мамышева. Количество сданной оковки, по сведениям Я.М. Бикбулатова, было завышено: контора называла

16 тыс. пуд. готовых изделий, главный приемщик сообщал, что было осмотрено около 10 тыс. пуд., из которых забраковано 9200⁶.

В итоге Н.Р. Мамышев заявил, что полностью прекращает изготовление оковки. Более того, он сообщил главному приемщику, что Камско-Воткинский завод больше не будет выпускать военную продукцию. Оставшаяся часть наряда в 1817 г. была передана на Гороблагодатские заводы. Обе части предписывалось объединить и отправить вместе в караване. Но Н.Р. Мамышев, по сообщению главного приемщика, уже доставил изготовленную на Камско-Воткинском заводе часть в караване 1819 г., не дожидаясь приготовления оставшейся на Гороблагодатских заводах⁷.

Управитель Камско-Воткинского завода был также недоволен отсутствием образцов и моделей военных изделий, в результате чего они изготавливались не соответствующими требованиям. Эти образцы находились у артиллерийских чиновников и использовались только при приемке изделий. На многократные требования Н.Р. Мамышева об их выдаче от главного приемщика следовал отказ. По мнению Я.М. Бикбулатова, образцы оковки у мастеров Камско-Воткинского завода от постоянного употребления пришли в негодность. Управитель обращался с жалобами в Пермское горное правление и департамент горных и соляных дел. В результате артиллерийский департамент предписал Санкт-Петербургскому арсеналу приготовить полный комплект оковки для Камско-Воткинского завода⁸.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРИЕМКИ ВОЕННОЙ ПРОДУКЦИИ НА ГОРОБЛАГОДАТСКИХ ЗАВОДАХ

После вступления в 1820 г. Н.Р. Мамышева в должность горного начальника Гороблагодатского округа здесь увеличилось количество забракованных снарядов. По данным горного начальника, количество брака достигало $\frac{1}{2}$ и даже $\frac{2}{3}$ от общего количества. Горная администрация и главный приемщик Я.М. Бикбулатов по-разному видели причины увеличения брака. По мнению горного начальника, отливка снарядов производилась «все успешнее». Но из-за медленной работы артиллерийских офицеров заводы не могли вовремя отправить продукцию по нарядам. Большое количество негодных снарядов он связывал в том числе и с неправильной браковкой их приемщиками. В частности, отмечалось, что одни приемщики бракуют снаряды, а другие после вторичного представления их принимают. Несколько экземпляров было отправлено в Санкт-Петербург, где осмотрено представителями горного и артиллерийского ве-

⁶ Там же. Ф. 39. Оп. 1. Д. 7. Л. 238 об.–239.

⁷ Там же. Д. 28. Л. 23–24 об.

⁸ Там же. Ф. 24. Оп. 33. Д. 627. Л. 85–85 об.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 627. Л. 3–10.

домств и многие из них признаны годными. Департамент горных и соляных дел поддержал горного начальника, сообщая в артиллерийский департамент, что кроме заказов для армии Гороблагодатские заводы выполняли большое количество нарядов для флота⁹.

В ответ на претензии горного начальника Гороблагодатских заводов Я.М. Бикбулатов информировал, что артиллерийские офицеры принимают снаряды ежедневно по 20–30 тыс. шт., что превышает установленные нормы. Главный приемщик также доносил, что Гороблагодатские заводы представили небольшое количество снарядов, и приемщики долгое время бездействовали. Медленная приемка происходила и из-за плохо очищенной поверхности снарядов, которые сдавались заводами. При посещении Верхне-Туринского завода Я.М. Бикбулатов обнаружил в приемной большое количество мастеровых, очищавших снаряды и мешавших приемке. Поэтому он потребовал предоставить для артиллерийских офицеров отдельное помещение¹⁰.

Серьезным нарушением, на которое обратил внимание главный приемщик, было вторичное предоставление артиллерийским офицерам ранее забракованной картечной дробы. Смешав ее с небольшим количеством вновь изготовленной дробы, заводское начальство предоставляло ее по нескольку раз. Сообщая, что одни военные чиновники принимали дробь, а другие ее же браковали, Н.Р. Мамышев тем самым ставил под сомнение качество их работы. Я.М. Бикбулатов вынужден был предписать усилить контроль за браковкой снарядов и задействовать в 2–3 раза больше приемщиков¹¹.

Главный приемщик обвинял Н.Р. Мамышева и в том, что из-за огромной переписки между горным и военными ведомствами по поводу выполнения нарядов они часто реализовывались с опозданием или вообще терялись и не были закончены Гороблагодатскими заводами. Кроме того, наряды по решению горного начальника неоднократно переводились с Гороблагодатских на Камско-Воткинский завод и обратно. Так произошло в 1820 г. с заказом на листовое железо, который был переведен с Камско-Воткинского на Гороблагодатские заводы якобы из-за невозможности выполнения этого заказа. Наряд впоследствии так и не был завершен¹².

Конфликт между горным начальником и главным приемщиком продолжился в ходе изготовления на Гороблагодатских заводах орудий. Этот заказ был

передан в 1818 г. с Каменского завода по причине его перестройки. В результате было приготовлено 60 орудий, 57 из них забраковали приемщики как из-за свойств металла (в виде мелкой сыпи и раковин), так и вследствие плохой обточкой в каналах и снаружи. После жалобы Н.Р. Мамышева было проведено переосвидетельствование орудий с участием главного приемщика, которое подтвердило их плохое качество. Но горный начальник также не был удовлетворен его результатами. Артиллерийский департамент предложил направить особых чиновников от военного и горного ведомств для осмотра орудий, но горный начальник отказался и вернул орудия на заводы для переплавки¹³.

Споры между артиллерийскими чиновниками и горным начальством возникали также по поводу выделения помещений для приемки военной продукции. Главный приемщик докладывал в артиллерийский департамент, что на Екатеринбургских заводах они получили удобные помещения. На Гороблагодатских заводах местное начальство, несмотря на неоднократные просьбы, выделило приемные «в худшем виде»: они были холодными и сырыми, что сказывалось на здоровье не только приемщиков, но и горных чиновников, вынужденных там находиться. В частности, в 1824 г. Н.Р. Мамышев жаловался, что находящийся у приема снарядов маркшейдер Иосса заболел так, что начались «ежедневные боли в голове и кровохаркание». Главный приемщик на это замечал, что горный начальник не заботится о здоровье не только артиллерийских приемщиков, но и своих подчиненных¹⁴.

Артиллерийские приемщики были недовольны также теснотой выделяемых помещений. В частности, для приема железа и лафетной оковки на Нижне-Туринском заводе приемные так и не были выделены. На Серебрянском заводе в помещении был установлен один стол на двух приемщиков, что позволяло осматривать железо только одному из них. Здесь также размещалась сверлильная мастерская. Из-за неимения стекол окна были заколочены, и поэтому артиллерийские офицеры не могли внимательно рассмотреть железо¹⁵.

В итоге в первой половине 1820-х гг. огромная переписка, которую вел горный начальник Н.Р. Мамышев по вопросу приемки снарядов на Гороблагодатских заводах, приняла такие масштабы, что департамент горных и соляных дел в январе 1822 г. вынужден был сделать ему внушение и приказал прекратить конфликты с артиллерийскими приемщиками

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 9. Д. 382. Л. 65–67, 112–113 об., 134–135; ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 16. Л. 68, 206–206 об., 432 об.

¹⁰ ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 16. Л. 474–474 об.; Д. 19. Л. 133–133 об.

¹¹ Там же. Д. 26. Л. 122–123, 299–300.

¹² Там же. Д. 20. Л. 38–42.

¹³ ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 25. Л. 46–47; РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 401. Л. 393–395.

¹⁴ Там же. Ф. 39. Оп. 1. Д. 20. Л. 44.

¹⁵ Там же. Д. 25. Л. 137 об.–138.

ми. В частности, отмечалось, что своей значительной перепиской горный начальник настраивает против себя приемщиков и «наводит затруднения для высшего начальства». Н.Р. Мамышеву было указано, что главная его обязанность – успешное выполнение нарядов¹⁶.

Несмотря на разногласия, полковник Я.М. Бикбулатов и горный начальник Н.Р. Мамышев весной 1822 г. были вызваны в Санкт-Петербург для работы в межведомственном комитете, состоящем из чиновников артиллерийского и горного департаментов для пересмотра инструкций о приеме и браковке военных изделий. На заседании комитета они вновь вступили в спор по вопросу браковки артиллерийской дроби на Гороблагодатских заводах. В ответ на жалобы Н.Р. Мамышева на действия военных приемщиков Я.М. Бикбулатов предложил провести расследование, для чего доставить образцы дроби в Санкт-Петербург. В конфликт вмешался и А.А. Аракчеев, занимавший должность председателя департамента военных дел Государственного совета, который предписал разрешать его на местах [2, с. 19].

РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТА ОРГАНАМИ ГОРНОГО И ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В 1825 г. разногласия между руководством Гороблагодатских заводов и артиллерийского ведомства должна была рассмотреть «Комиссия для обозрения заводов хребта Уральского». Направленные на Урал вице-директор Департамента горных и соляных дел Н.А. Шленев и начальник II отделения И.А. Кованько должны были изучить «причины затруднений при сдаче артиллерийских снарядов». Отмечалось, что на Гороблагодатских заводах долгое время происходят «несогласия» в ходе приемки снарядов между горным начальством и артиллерийскими приемщиками. Руководство Горного ведомства потребовало также прекратить огромную переписку, которая велась с 1820 г. по Гороблагодатским заводам и «обременительную для высшего начальства», а также «от укоризненных выражений, не относящихся к делу воздержаться»¹⁷.

При посещении заводов члены комиссии опросили как горных чиновников, так и приемщиков. На Нижне-Туринском заводе они отметили «доброе согласие», наступившее между военными и горными чиновниками. На вопрос членов комиссии о большом количестве брака железа, артиллерийский приемщик сообщил, что руководствуется инструкцией 1804 г. и, если железо соответствует требованиям инструкции,

оно будет принято. Горному начальнику Н.Р. Мамышеву члены комиссии рекомендовали не вступать в дальнейшие споры с приемщиками¹⁸.

В это же время Гороблагодатские заводы по поручению генерал-фельдцейхмейстера посетил начальник Оренбургского округа артиллерии генерал-майор И.А. Нератов, который также должен был изучить причины разногласий при приемке снарядов. Ему было предписано расследовать действия артиллерийских офицеров. Вместе с полковником Я.М. Бикбулатовым он осмотрел ядра, изготовленные на Кушвинском заводе, и разрешил принимать их с небольшими недостатками. Но снаряды с «большой кособокостью» и неравенством стенок не могли быть допущены в наряд. Генерал-майор И.А. Нератов встретился и с горным начальником Н.Р. Мамышевым, который сообщил о своих претензиях к приемщикам. В результате главному приемщику было приказано ответить на жалобы горной администрации¹⁹.

В «Записке о причинах медленной приемки снарядов» на имя начальника Оренбургского округа Я.М. Бикбулатов перечислил ранее отмеченные им недостатки при изготовлении и приемке снарядов и орудий на предприятиях Гороблагодатского округа. Он констатировал, что только на этих заводах возникает большое количество споров с момента вступления в должность Н.Р. Мамышева. На Екатеринбургских и Златоустовских заводах никаких противоречий между горной администрацией и приемщиками не возникало. Он также обвинил горного начальника в медленном выполнении нарядов из-за постоянных споров и большой переписки. Я.М. Бикбулатов отмечал: «Мамышев пытается заставить артиллерийских комиссионеров принимать то, что ему нравится, там, где угодно и так, как он думает». Он просил оградить приемщиков от «напрасных на них наветов»²⁰.

По окончании обследования Уральских заводов генерал-майор И.А. Нератов и представители горного департамента встретились в Златоустовских заводах для обсуждения спорных моментов при приемке военной продукции. Они составили специальную комиссию, которая разработала меры по совершенствованию отливки снарядов и прекращению конфликтов между военным и горным ведомствами. Отмечалось, что изготовление снарядов производится на Уральских заводах «со всей надлежащей рачительностью». Горным офицерам было предписано самим осматривать военные изделия перед их представлением артиллерийским приемщикам. Кроме того, на негодных снарядах должно было ставиться специальное клей-

¹⁶ ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 16. Л. 484.

¹⁷ Там же. Л. 37–37 об.

¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 1. Д. 67. Л. 41–42 об.

¹⁹ Там же. Л. 65–65 об.

²⁰ ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 20. Л. 99–104, 113–116 об.

мо, что не позволяло представлять их к приемке вторично. В итоге эти меры позволили прекратить споры и значительно сократить брак снарядов²¹.

Члены комиссии также отмечали, что качество чугуна позволяет отливать на Екатеринбургских заводах орудия и крупные снаряды, а на Гороблагодатских – только 6-фунтовые ядра и картечь. Но Екатеринбургские и Гороблагодатские заводы выполняли наряды как по крупным, так и мелким снарядам. В результате большое их количество было забраковано из-за неудовлетворительных качеств металла. Поэтому комиссия предложила прекратить отливку снарядов на Златоустовских заводах и усилить там производство железа. На Екатеринбургских заводах должны были изготавливаться только орудия и крупные снаряды, а на Гороблагодатских – снаряды мелких калибров²².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Споры по поводу изготовления военной продукции на Гороблагодатских заводах прекратились после 1825 г. Н.Р. Мамышев через год оставил должность горного начальника. Я.М. Бикбулатов продолжал исполнять обязанности главного приемщика, находясь на Урале около двух десятилетий и дослужившись до звания генерал-майора. Противоречия в процессе производства и приемки военной продукции между горным и военным ведомствами возникали и во второй четверти XIX в., вследствие, с одной стороны, значительного увеличения нарядов и неспособности горных заводов справиться с ними, а с другой – из-за нечетких требований к приемке продукции. Эти противоречия старались разрешить за счет совершенствования инструкций. В частности, новые правила приемки военных изделий с горных заводов были утверждены в 1831 г.²³

Таким образом, несмотря на утверждение в начале XIX в. правил приемки военной продукции с горных заводов Урала, установивших технические требования к военным изделиям и регламентировавших порядок взаимодействия приемщиков с горнозаводской администрацией, периодически возникали

конфликты между горными и военными чиновниками. Эти противоречия были вызваны неудовлетворительным качеством изделий, а также неспособностью горнозаводской промышленности выполнить военные наряды в срок. Самый крупный конфликт, возникший на Гороблагодатских заводах, был связан с тем, что среди казенных заводов они являлись основным поставщиком военной продукции. Только благодаря вмешательству вышестоящих органов военного и горного управления, установивших более четкие требования к военной приемке, конфликт удалось погасить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ляпин В.А. Военное производство на казенных горных заводах Урала в первой половине XIX в.: автореф. дис. канд. ист. наук. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1982. 14 с.
2. Сергиевский И.А. Зарождение отечественного института военной приемки на горных заводах России в начале XIX в. // Вестн. ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 3. С. 128–138.
3. Сергиевский И.А., Соклаков А.Ю. «Имея за успешным приемом снарядов и орудий строгое наблюдение». Создание органов военной приемки в России в первой трети XIX века // Военно-исторический журнал. 2019. № 12. С. 17–24.
4. Вострокнутов В.А. Краткий исторический обзор Гороблагодатского горного округа. Екатеринбург: Хромотиполитография К. К. Вурм, 1901. 72 с.
5. Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале XVII – начала XX вв.: Биограф. справочник. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1981. 224 с.

REFERENCES

1. Lyapin V.A. Military production at the Ural state mining plants in the first half of the XIX century: diss. abstr. Perm, 1983, 15 p. (In Russ.)
2. Sergievskiy I.A. The origin of the national institute of military acceptance at the mining plants of Russia in the early XIX century. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*, 2018, no. 3, pp. 128–138. (In Russ.)
3. Sergievskiy I.A., Soklakov A.Yu. «Having a strict observation of the successful acceptance of shells and guns». Creation of military acceptance bodies in Russia in the first third of the XIX century. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, 2019, vol. 12, pp. 17–24. (In Russ.)
4. Vostroknutov V.A. A brief historical overview of the Goroblagodatsky mining district. Ekaterinburg, 1901, 72 p. (In Russ.)
5. Kozlov A.G. Creators of science and technology in the Urals of the XVII – early XX centuries: a biographical guide. Sverdlovsk, 1981, 224 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.03.2020

Дата рецензирования 20.06.2020

Статья принята к публикации 11.10.2021

²¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 1. Д. 67. Л. 87–87 об.

²² Там же. Л. 88–89.

²³ ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: Типография II отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1832. Т. 6, № 4306.

DOI: 10.15372/HSS20210408
УДК 94:654.19(571.1/.5)"1941/1945"

В.В. МИРКИН

ЭЛЕКТРОСВЯЗЬ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
факультет исторических и политических наук РФ,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 34

В статье рассматриваются вопросы управления, организации и развития электросвязи Сибири в военный период. Ключевым направлением стратегического развития отрасли в это время являлись мобилизационные мероприятия, позволявшие, с одной стороны, обеспечить средствами электрической связи эвакуированные в Сибирь промышленные предприятия и население, а с другой – передать остро нуждавшейся армии и предприятиям связи освобожденных территорий европейской части страны резервное оборудование. Кадровые ресурсы, материально-технические средства и каналы связи подчинялись почти исключительно интересам армии и государства – потребности гражданского сектора учитывались в последнюю очередь. Лишь после перехода инициативы на фронте к Красной армии отрасль электросвязи начала постепенный возврат к прерванным с 1941 г. планам своего развития.

Ключевые слова: электросвязь, телеграф, телефон, радиосвязь, радиовещание, коммуникации, Великая Отечественная война, эвакуация, сибирский тыл, оборонная промышленность.

V.V. MIRKIN

SIBERIAN TELECOMMUNICATIONS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

National Research Tomsk State University,
Department of History and Documentation
34, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

Providing vast areas of the Siberian region with means of electrical communication has been an urgent task at all times. During the war years, this task acquired special significance. It became necessary to organize uninterrupted communications under conditions of an extremely increased load, determined by the needs of the front, on the one hand, and by the needs of the rear, which was being rebuilt in a war-like manner, on the other hand.

A main difficulty encountered by the Siberian telecommunications was the lack of spare communication centers, reserve capacities, which the front desperately needed. Another problem was the radial system of wire telecommunications, which did not allow most of the country's economic centers to connect with each other, bypassing Moscow.

The war period left its mark on the work essence of enterprises and telecommunication industries. The telegraph, long-distance telephone communications, as during the civil war, were almost entirely placed to serve the army and state. In this case, the population interests were, as a rule, infringed upon, limited, relegated to the background. The quality level of the telecommunication industry was low as well. Line-station facilities did not meet technical requirements; station facilities, as a rule, were not equipped with the necessary equipment. Single-wire networks were installed everywhere, there was no repair base for telecommunications. Only after transiting initiatives to the Red Army, the accents were again shifted to nationwide communications and establishing traditional operational communications enterprises. Thanks to the internal reserve mobilization and measures of an administrative-repressive nature, Siberian communications managed to strengthen its economic base during the war period. The Siberian industry strengthened significantly due to evacuation means. The region launched the production of telecommunication products (mainly radio products). The equipment of telecommunication enterprises improved greatly with the latest technology and trophy equipment, more advanced as a rule.

Key words: telecommunications, telegraph, telephone, radio, broadcasting, Great Patriotic War, evacuation, Siberian rear, defense industry.

Владимир Викторович Миркин – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и документоведения, факультет исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет, e-mail: www@lenta.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4340-6281>

Vladimir V. Mirkin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Documentation, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University.

ВВЕДЕНИЕ

Задача обеспечения Сибири надежной и достаточной связью в условиях огромной территории, малой плотности населения и слабой транспортной инфраструктуры была актуальной во все времена. Являясь связующим центром, объединяющим в информационном отношении все звенья экономики и социальной сферы, электросвязь (телеграф, телефон, радио) служила материально-технической основой управления как экономическими, так и социальными процессами в регионе.

Между тем история средств коммуникации в советский период нечасто привлекала внимание исследователей. Среди исследователей, занимавшихся изучением данной проблематики, следует упомянуть О.Я. Потапову, О.Я. Цветкову, В.С. Попова, Н.С. Рукина, А.П. Долгушина, И.В. Лизунову и других. Заслужой перечисленных авторов является прежде всего введение в научный оборот богатого фактического материала о сибирской связи в военный период. Однако приоритет в публикациях отводился освещению роли партийных организаций, политико-идеологическим аспектам развития средств электрической связи. Комплексного изучения история электросвязи Сибири пока не получила.

В настоящей статье на основе модернизационного подхода, благодаря которому электросвязь рассматривается в качестве одного из ключевых компонентов модернизации, предпринята попытка выявить характерные черты развития системы сибирской электросвязи в военный период, а также определить место, которое заняла эта отрасль в формировании и мобилизации сибирского тыла. Именно в годы войны происходит переход от использования электросвязи в качестве одного из важнейших инфраструктурных элементов индустриализации к одному из компонентов развернувшейся после войны научно-технической революции.

**ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД
В ОТРАСЛИ СИБИРСКОЙ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ**

Период Великой Отечественной войны был для сибирской связи временем «проверки на прочность». В эти годы перед связистами страны встали совершенно новые задачи: нужно было организовать бесперебойную связь, которая позволяла бы в случае войны, справиться с чрезвычайно возросшей нагрузкой на все виды и средства связи, определявшейся потребностями фронта и перестраивавшегося на военный лад тыла.

В 1940 г. в обстановке уже начавшейся Второй мировой войны связь, как и другие отрасли народного хозяйства страны, переводилась в мобилизационный режим работы. Задача обеспечения тесного взаи-

модействия органов общегосударственной связи с вооруженными силами [1, с. 154] требовала колоссальных человеческих усилий и материальных затрат, а в условиях войны осложнялась рядом дополнительных обстоятельств. Главными недостатками довоенной связи Сибири и страны в целом являлись радиальная система построения проводной электросвязи и полное отсутствие междугородных кабельных линий связи. В такой ситуации два находившихся по соседству сельсовета или колхоза могли связаться между собой только через Москву. Именно поэтому в предвоенный период развернулась работа по строительству местных соединительных линий – районных, областных. Однако к началу войны строительство не было завершено. Другим негативным фактором являлось полное отсутствие запасных узлов связи, резервных мощностей. Даже в Москве к началу войны Наркомат связи, центральный телеграф и международная телефонная станция находились в одном здании и не имели резерва.

В предвоенные годы, начиная с 1937 г., капиталовложения в связь неуклонно снижались. Промышленность средств связи была крайне слабой – единственный завод «Красная заря» производил телефонную аппаратуру всех типов, а завод им. Кулакова, выпускал телеграфные аппараты СТ-35 и бодо, в одиночку обеспечивал телеграфную отрасль; наконец, завод им. Коминтерна производил мощную радиоаппаратуру. Все предприятия находились в Ленинграде и не удовлетворяли даже минимальных потребностей в средствах связи.

Несмотря на это, в 1940 г. была выполнена главная задача, стоявшая перед отраслью – впервые за весь советский период хозяйство связи стало рентабельным. При утверждённом правительством годовом плане чистого дохода в 51 млн руб. и при доведении его квартальными планами до 101 млн руб. Наркомат связи обеспечивал отчисления в бюджет не менее 150 млн руб. При этом коэффициент отношения расходов к доходам в 1940 г. несколько снизился по сравнению с 1939 г.¹

Однако программу перевооружения войск связи до начала войны осуществить не удалось. По свидетельству наркома связи И.Т. Пересыпкина, «на 1 июня 1941 г. войска связи были обеспечены: телеграфными аппаратами бодо на 69 %, СТ-35 – на 35 %, морзе – на 76 %, индукторными телефонными аппаратами – на 37 %, полевым телеграфным кабелем – на 30 %. Не лучше обстояло дело и с обеспечением войск радиоаппаратурой» [1, с. 158]. В годы войны кабельную продукцию (полевой кабель), зарядные

¹ Отчет о работе органов связи за 1940 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3527. Оп. 17. Д. 879. Л. 4.

агрегаты, телефонные аппараты, а также автомобильные радиостанции поставляли в СССР по ленд-лизу. При этом в Германии было каблировано до 80 % междугородних линий связи, был значительно выше уровень телефонизации городских сетей, более развитым являлось и эфирное радиовещание. В связи с последним обстоятельством 25 июня 1941 г. Политбюро и СНК СССР приняли постановление «О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств»².

ПЕРЕСТРОЙКА ЭЛЕКТРОСВЯЗИ «НА ВОЕННЫЙ ЛАД»

Сибирь и Урал в годы Великой Отечественной войны стали основным тылом страны. Вследствие временной потери Украины, Донбасса и других важных экономических районов удельный вес Сибири в промышленном и сельскохозяйственном производстве страны значительно возрос. Большое значение приобрели проложенные в годы довоенных пятилеток телефонно-телеграфные магистрали Москва – Кузбасс, Москва – Хабаровск. Через Западную и Восточную Сибирь осуществлялась связь восточного тыла с руководством страны и действующей армией.

Электросвязь Сибири функционировала главным образом в рамках оперативных задач, стоявших перед располагавшимися на ее территории военными округами, – Сибирским (Алтайский, Красноярский края, Омская, Новосибирская области) и частично Забайкальским (Читинская область). Управление Сибирского округа находилось в Новосибирске. Главной задачей отрасли в начале войны являлось формирование большого количества частей связи и передача их вместе с телеграфными, телефонными каналами, радиостанциями и другим оборудованием военному командованию. В состоянии боевой готовности приводились все прочие средства связи.

Другой важнейшей задачей была организация связи в восточных районах страны, куда перебазировалось большое количество предприятий, учреждений, многомиллионные массы населения и т.п. Для вывоза оборудования в тыловые области страны в июле 1941 г. в Наркомате связи была сформирована специальная эвакуационная группа. Учреждения связи, находившиеся на оставляемых территориях, должны были работать до последнего момента, поэтому в первую очередь вывозились запасная аппаратура, незадействованное оборудование телеграфов,

телефонных станций и радиотрансляционных узлов; аппаратура, которая высвобождалась из-за сокращения магистральных телеграфно-телефонных и радиосвязей, и – по плану перебазирования промышленности – заводы связи. Затем вывозилось все, что позволяла обстановка. Всего был вывезен 1481 вагон груза [2, с. 230].

С июля по ноябрь 1941 г. из европейской части страны было перебазировано 1523 промышленных предприятия, в том числе в Западную Сибирь – 224, в Восточную Сибирь – 78 [3, с. 148]. В течение 1941 – 1943 гг. Сибирь приняла около 500 эвакуированных предприятий, в их числе – 322, имевших оборонное и народнохозяйственное значение. В Новосибирскую область прибыло более 150 предприятий, строительных, транспортных, научно-исследовательских организаций, в их числе и промышленные предприятия средств связи. Лишь один новосибирский завод «Электросигнал» за годы войны обеспечил радиосвязью почти 112 тыс. самолетов, более 41 тыс. танков, 36 тыс. стрелковых подразделений. Заводские радиостанции РСИ-6МУ, УС-3С, РБ-М в годы Великой Отечественной войны стояли на каждом самолете, на каждом третьем танке [4, с. 348].

Сибирские предприятия связи перестраивали свою работу в соответствии с военными требованиями. Создание новых руководящих центров в глубоком тылу, громадные изменения в размещении промышленных предприятий, перемещение миллионов людей резко увеличили нагрузку на средства связи. Связисты обслуживали все эвакуированные предприятия и население, стройки, военные госпитали, сборные пункты, эвакупункты, воинские части, проходящие поезда. Происходило это в условиях значительного сокращения кадров квалифицированных работников, нехватки аппаратуры и транспорта, а также расширения круга задач, которыми приходилось заниматься (заготовка топлива для предприятий, участие в сельскохозяйственных, производственных кампаниях и др.).

Охват средствами связи учреждений и предприятий, переместившихся в новые районы, обеспечение надежности и маневренности этих средств в условиях военного времени требовали существенного изменения общей схемы электрической связи и организации отсутствовавших до той поры резервных телеграфно-телефонных узлов, радиостанций, и, что особенно важно, обходных каналов связей³. Поэтому большую роль в укреплении электросвязи сыграло шефство над освобожденными областями, возникшее

² Радиоприемники и передающие устройства подлежали сдаче в пятидневный срок на временное хранение ввиду их возможного использования «вражескими элементами в целях, направленных во вред Советской власти». Данный процесс прошел относительно безболезненно, поскольку в стране преобладало проводное радиовещание, индивидуальные эфирные устройства были уделом радиолюбителей.

³ Например, отдельные областные узлы европейской части страны получили возможность связываться друг с другом, минуя Москву. Связь с областными и республиканскими центрами на востоке страны устанавливалась через Москву, Куйбышев и Уфу.

среди связистов восточных районов страны. Сотни телеграфных аппаратов, десятки телеграфных и телефонных коммутаторов и другие станционные приборы были отремонтированы для подшефных областей коллективами связистов Иркутска, Новосибирска, Красноярска и других сибирских городов, работавшими во внеурочное время бесплатно [5, с. 6].

Наряду со строительством узлов связи, телеграфных и телефонных станций, радиостанций, а также новых линий связи большая работа проводилась по рассредоточению и укрытию всех основных средств и сооружений. Организовывались службы оповещения: радиофицировались командные пункты, объекты оборонного значения, госпитали и лазареты, устанавливались сирены и громкоговорители.

Связисты принимали активное участие во всех патриотических начинаниях: сборе средств и материальных ценностей в Фонд обороны страны, помощи освобожденным районам, строительстве оборонных сооружений, заготовке дров, овощей и т. д. Так, зимой 1942 г. связисты 4-го отделения Восточно-Сибирской железной дороги изыскивали оборудование для одного диспетчерского пункта, 17 телефонных аппаратов и 112 наименований инструмента [6, с. 283]. Аналогичную помощь оказывали и связисты других магистралей Сибири [7, с. 6; 8, с. 7].

Традиционно повышенное внимание сибирские связисты уделяли проведению посевных и уборочных кампаний в военное время. В Алтайском крае районные конторы связи составляли планы соответствующих мероприятий [9, с. 11]⁴. В Новосибирской области на время проведения сельхозработ выделялись бригады для проверки колхозных радиоустановок: для приема и передачи сводок разрабатывался график и устанавливалось круглосуточное дежурство. Телефоны, связывавшие колхозы и совхозы с районными центрами, обслуживались вне очереди [10, с. 3].

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ СИБИРИ И БОРЬБА ЗА КАЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Несмотря на произошедший в 1940 г. перелом в прибыльности отрасли электросвязи, накануне и в начальный период войны радиофикация по-прежнему осуществлялась с самыми «неудовлетворительными показателями». Не выполнялись в масштабах всей страны и планы обмена и доходов по телеграфной связи, планы развития и ремонта ГТС, прироста количества радиоточек, медленно ликвидировались простои оборудования электросвязи и уменьшался

коэффициент использования телеграфных и радиомощностей⁵. Поэтому именно телеграфной и радиосвязи уделялось первостепенное внимание. Момент перехода военной инициативы к Красной армии совпал с заметным улучшением положения дел в электросвязи.

Тяжелые испытания и лишения военных лет не помешали хозяйству связи укрепить свою экономическую основу. Начиная с IV квартала 1942 г., каждый план повышения квартальных и годовых показателей, как правило, выполнялся. В 1943 г. государственный план доходов впервые за военный период был выполнен всеми подотраслями связи, причем сумма доходов превысила уровень 1940 г. на 42,6 млн руб. и составила 248 млн руб.⁶ В 1944 г. в государственный бюджет было внесено в 2,5 раза больше, чем в 1940 г.; в 1945 г. – в 5 раз больше (960 млн руб.). Самую высокую доходность демонстрировали все виды телефонной связи и радиофикация⁷. При этом по основным промышленным районам военного периода – Уралу и Западной Сибири – рост доходов был особенно бурным. Это объяснялось тем, что в указанных регионах сосредоточилась основная масса эвакуированных промышленных предприятий, учреждений и населения. Менее интенсивно этот процесс происходил в Восточной Сибири.

При этом обмен всех видов связи подвергся за годы войны еще более значительным изменениям. По понятным причинам резко снизился посылочный обмен, почти наполовину – телефонные переговоры. Однако телеграфный обмен в 1943 г. вернулся к довоенному уровню. В телеграфном и телефонном обмене наблюдалась устойчивая положительная динамика (в сравнении с письменным обменом). Причем группа областей Восточной Сибири отставала от Западной Сибири. И если в развитии городских телефонных сетей, объем работы которых может быть охарактеризован суммой доходов, выполнение было лишь 61 % от довоенного уровня, то в радиофикации рост составил 132 % к довоенным показателям⁸.

Война потребовала пересмотра планов развития связи, в том числе плана капитального строительства. Во втором полугодии 1941 г. средства на капитальное строительство в области связи были значительно сокращены, фактически оно было приостановлено до

⁵ См.: Основные показатели работы органов связи Союза ССР за 1940 год. // РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 17. Д. 879. Л. 13; Отчет о работе органов связи за 1945 год // РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 17. Д. 1591. Л. 35-37.

⁶ Производственный отчет Народного комиссариата связи Союза ССР за 1943 год // РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 17. Д. 1300. Л. 7-11.

⁷ Отчет о работе органов связи за 1945 год // РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 17. Д. 1591. Л. 5-6.

⁸ Производственный отчет Народного комиссариата связи Союза ССР за 1943 год // РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 17. Д. 1300. Л. 14-15.

⁴ Начальником алтайского краевого управления связи являлся Г. Копцев.

конца 1942 г. До этого времени партийные и государственные органы страны не имели возможности детально заниматься развитием отрасли связи вследствие общего тяжелого положения, сложностей налаживания отношений фронта и тыла. Только с 1942 г. началась планомерная централизованная работа по максимальному расширению средств электросвязи на востоке страны. Несмотря на голод и лишения, связисты шефствовали над госпиталем: дежурили в палатах, сдавали кровь для раненых, устраивали концерты самодеятельности, собирали теплые вещи для отправки на фронт [11, с. 66].

Особенно тяжелая обстановка сложилась на предприятиях связи в 1942 – начале 1943 г., в исключительно напряженный период войны: они не справлялись с выросшей нагрузкой. Например, на новосибирском телеграфе – узлом предприятия региона – накапливалось ежедневно до 50 тыс. переданных телеграмм, десятки тысяч отправлялись почтой [12, с. 145]. Техническая база, линейно-станционные мощности и кадровый состав сибирской электросвязи попросту не справлялись с резко выросшей нагрузкой.

ПОЛОЖЕНИЕ В ЭЛЕКТРОСВЯЗИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ

По мере перехода инициативы на фронте к Красной армии хозяйственная жизнь страны заметно оживилась. Так, на втором этапе войны в соответствии с пересмотренными планами удалось начать строительство магистралей дальней связи, мощных радиовещательных станций, телеграфно-телефонных узлов, городских АТС. Они обеспечили более надежную и качественную связь Москвы с Уралом, Сибирью, Средней Азией, Закавказьем⁹, коммуникацию между фронтом и тылом. Несмотря на выросший объем работ и существенные материально-технические трудности, в 1944 г. впервые за годы войны в отрасли был перевыполнен план капитального строительства. Уже в 1943 г. все центры страны обладали телефонно-телеграфной связью с Москвой: было организовано 63 магистральных телеграфно-телефонных и 68 телефонных связей. При этом между областями и республиками – 59 телеграфных и 41 телефонная «обходная» линия. Таким образом, в стране пока еще преобладала радиальная сеть магистральных каналов¹⁰.

⁹ Только за 1943 – 1945 гг. в освобожденных областях было восстановлено и построено вновь 113,4 тыс. км линий связи, подвешено свыше 600 тыс. км проводов, восстановлено и введено в эксплуатацию 1846 радиоузлов, возобновлена работа 24 тыс. предприятий почтовой связи. [13, с. 1].

¹⁰ Производственный отчет Народного комиссариата связи Союза ССР за 1943 год // РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 17. Д. 1300. Л. 62.

К моменту окончания войны наблюдался рост показателей всех видов обмена – особенно это касалось денежных переводов и телеграфных сообщений. Междугородный телефонный обмен, несмотря на рост, при этом пока еще не достиг довоенного уровня¹¹.

Однако качество электросвязи оставалось низким. Предприятия связи в восточных областях страны не справлялись с резко выросшей нагрузкой. Многие пункты были буквально завалены почтовыми посылками и письменной корреспонденцией, телеграммы подолгу задерживались или вовсе не доставлялись адресатам. Состояние предприятий связи оценивалось как неудовлетворительное, значительное число районных контор связи размещалось в непригодных помещениях, часто ветхих и тесных. Линейно-станционное хозяйство электросвязи не отвечало техническим требованиям; станционное хозяйство, как правило, не было укомплектовано необходимой аппаратурой. Повсеместно были установлены однопроводные сети, отсутствовала ремонтная база электросвязи.

Распространенной проблемой было несвоевременное и неполное (доходившее до 10 % от заявок) снабжение материалами и оборудованием. Кроме того, сложная бюрократическая процедура получения материальных ценностей влекла за собой их частичную утрату в процессе доставки, пересылки, хранения. Из-за недостаточного снабжения горючим срывалась заготовка или вывозка уже заготовленных дров.

Все эти недостатки в сочетании с низкой квалификацией и недостаточной «производственной и технологической дисциплинированностью» работников связи округа создавали крайнюю напряженность в деле обслуживания связью областных, окружных и районных партийных, советских и хозяйственных организаций¹². Регулярно подтверждавшиеся факты злоупотреблений со стороны связистов подтверждали эту оценку. Так, в 1941 – 1942 гг. в Куйбышевском районе (Новосибирская область) был раскрыт «заговор» и обезврежена «шайка воров» (кравших преимущественно посылочную корреспонденцию), работавших под прикрытием бывшего начальника конторы связи Сафронова. Проведенная в 1942 – 1943 гг. Наркоматом связи инспекция Алтайского края выявила многочисленные нарушения производственной, технологической, финансовой дисциплины и повлекла за собой смену руководства. Начальником алтайского управления связи был назначен А.Е. Матюхевич, про-

¹¹ Отчет о работе органов связи за 1945 год // РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 17. Д. 1591. Л. 7.

¹² План развития транспорта и связи Нарымского округа на 1944 – 1948 гг. (апрель–май 1944 г.) // Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 123. Л. 34.

работавший на этом посту долгие годы. По словам ставшего в 1944 г. наркомом связи К.Я. Сергейчука, «в условиях работы органов связи – гигантского конвейера связи страны – всемерное укрепление железной дисциплины имеет исключительное значение. Дисциплина в органах связи должна быть на уровне дисциплины военной организации» [14, с. 1–3].

Начальник планово-финансового управления Министерства связи Якушев в отчете за 1945 г. констатировал, что несмотря на ощутимые количественные подвижки, ни одна из отраслей связи не справлялась с запланированными показателями качества работы¹³. Простои, технические остановки, большое количество аварий и неэффективное использование телеграфных и телефонных мощностей, линейно-абонентские повреждения радиоузлов являлись следствием слабой организации технической эксплуатации и обслуживания оборудования, недостаточного контроля за работой технического персонала со стороны главных инженеров управлений и предприятий. Однако главной причиной такого положения дел являлось крайне недостаточное материально-техническое снабжение электросвязи, обусловленное ее отношением ко второстепенным отраслям и снабжением по остаточному принципу.

В конце войны сибирским связистам предстояло выправлять «неудовлетворительное положение в количестве, размещении, состоянии и использовании средств связи». Этот процесс затрагивал все отрасли электросвязи. Бесперебойной телеграфно-телефонной связи требовали все районные центры, промышленные предприятия, МТС и крупнейшие сельсоветы. Нуждались в модернизации и расширении городских и внутрирайонные телефонные сети. Остро стояла задача радиофикации отдаленных МТС и рабочих поселков, реконструкции существовавших радиоузлов и увеличения количества радиоточек. Для этого следовало, прежде всего, привести в исправное состояние и укрепить энергетическую и ремонтную базу связи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военный период кардинальным образом изменил работу отдельных предприятий и отраслей электросвязи. Телеграф, междугородная телефонная связь, как и в годы Гражданской войны, были почти целиком поставлены на службу государству, обслуживали нужды фронта. Интересы населения при этом зачастую ущемлялись, отодвигались на второй план. Частные телеграммы «замедлялись», междугородные

разговоры частного характера предоставлялись после длительного ожидания и т. п.

Однако если в начале войны буквально все в работе электросвязи было подчинено интересам действующей армии, фронта (люди, материальные средства, каналы связи), то с переходом инициативы к Красной армии акценты были перенесены на восстановление коммуникаций в прифронтовых и освобожденных районах, налаживание традиционных эксплуатационных предприятий связи. Общий ущерб, нанесенный хозяйству связи в годы войны, достиг почти 3 млрд руб. Из этой суммы 2,5 млрд руб. составляла стоимость уничтоженных «основных средств и оборудования» [13, с. 1].

Таким образом, к концу войны система электросвязи начала постепенный возврат к первоначальному обслуживанию населения и решению главных проблем довоенного периода – радиальной системы организации связи и отсутствия кабельных магистралей. Парадоксально, но в военный период для этого были созданы благоприятные предпосылки: значительно увеличилась оснащенность предприятий электросвязи новейшей техникой, более совершенным (как правило, трофейным) оборудованием. Было построено большое число каналов междугородной связи, внедрялось оборудование тонального телеграфа. Широко развернулась работа по кабелированию важнейших магистралей, что значительно повышало устойчивость всей системы связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005. 632 с.
2. Развитие связи в СССР. 1917–1967 / под общ. ред. Н.Д. Псурцева. М.: Связь, 1967. 479 с.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945. М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1961. Т. 2. 688 с.
4. История промышленности Новосибирска. Исторические очерки. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2004. Т. II. (Время вперед! 1918 – 1940). 652 с.
5. Создадим резервные узлы связи // Вестн. связи. 1942. № 3. С. 6.
6. Докучаев Г.А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Наука, 1968. 320 с.
7. Хаст Д. Помощь связистов Новосибирска // Вестн. связи. 1942. № 3. С. 6.
8. Почин уфимских связистов подхвачен повсюду // Вестн. связи. 1942. № 3. С. 7.
9. Связисты на весеннем севе // Вестн. связи. 1942. № 7/8. С. 11.
10. На отлично обслужить посевную // Вестн. связи. 1942. № 5. С. 3.
11. История электросвязи Томской области (от прошлого к настоящему). Томск: Спектр, 2000. 440 с.
12. Потапова О.Я. Развитие средств связи Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Сборник научных трудов кафедр общественных наук, посвященный 50-летию советской власти. Л., 1967. С. 143–152.
13. Сергейчук К.Я. Связь страны социализма // Вестн. связи. Электросвязь. 1947. № 11. С. 1–3.

¹³ Отчет о работе органов связи за 1945 год // РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 17. Д. 1591. Л. 76.

14. Сергейчук К.Я. За высокое качество эксплуатации, за бесперебойное действие средств электрической связи (Из доклада на совещании главных инженеров областных, краевых и республиканских управлений НКСвязи, 26 января 1945 г.) // Вестн. связи. Электросвязь. 1945. № 1. С. 1–3.

REFERENCES

1. Kumanev G.A. Stalin's commissars speak. Smolensk, 2005, 632 p. (In Russ.)
2. Psurtsev N.D. (ed.) Development of communications in the USSR. 1917–1967. Moscow, Svyaz', 1967, 479 p. (In Russ.)
3. Fokin N. A. et al (eds.) History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945. Vol. 2. Moscow, Voenizdat, 1961, 688 p. (In Russ.)
4. Klimenko V. I. (ed.) Industrial history of Novosibirsk. Vol. 2: (Time, forward! 1918 – 1940). Novosibirsk, Siberian Historical heritage, 2004, 652 p. (In Russ.)
5. Let's create backup communication nodes. *Vestnik svyazi*, 1942, no. 3, p. 6. (In Russ.)
6. Dokuchaev G.A. Siberian rear in the Great Patriotic War. Novosibirsk, Nauka, 1968, 320 p. (In Russ.)
7. Khast D. Help of Novosibirsk signalmen. *Vestnik svyazi*, 1942, no. 3, p. 6. (In Russ.)
8. The initiative of Ufa signalmen was supported everywhere. *Vestnik svyazi*, 1942, no. 3, p. 7. (In Russ.)
9. Signalers in the spring sowing. *Vestnik svyazi*, 1942, no. 7/8, p. 11. (In Russ.)
10. Serve sowing perfectly. *Vestnik svyazi*, 1942, no. 5, p. 3. (In Russ.)
11. Desyatskiy V.S. et al. (eds.) The history of telecommunications in the Tomsk region (from the past to the present). Tomsk, Spectrum IOA SB RAS, 2000, 440 p. (In Russ.)
12. Potapova O.Ya. Development of communication facilities in West Siberia during the Great Patriotic War. *Sbornik nauchnykh trudov kafedr obshchestvennykh nauk, posvyashchennyi 50-letiyu Sovetskoy vlasti*. Leningrad, 1967, pp. 143–152. (In Russ.)
13. Sergeychuk K.Ya. Socialist country communications. *Vestnik svyazi. Elektrosvyaz'*, 1947, no. 11, pp. 1–3. (In Russ.)
14. Sergeichuk K.Ya. For the high quality of operation, for the uninterrupted operation of electrical communications (a report at a meeting of chief engineers of regional and republican directorates of Commissariat of Communications, January 26, 1945). *Vestnik svyazi. Elektrosvyaz'*, 1945, no. 1, pp. 1–3. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.01.2021

Дата рецензирования 01.04.2021

Статья принята к публикации 07.10.2021

DOI: 10.15372/HSS20210409
УДК 94:631(571.150)"1941/1945"

А.А. ГОППЕ, Н.В. ЛЮЛЯ

ЛИЧНОЕ ПОДСОБНОЕ ХОЗЯЙСТВО КОЛХОЗНОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КНИГ)

Алтайский государственный педагогический университет,
РФ, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55

Актуальность исследования обусловлена малоизученностью личного подсобного хозяйства колхозной крестьянской семьи в годы войны. В научный оборот вводятся ранее неиспользовавшиеся источники – похозяйственные книги архивов администраций сельских советов. Авторы характеризуют состояние огородничества, скотоводства, пчеловодства с учетом региональной специфики. Сложные военные годы и система налогообложения ставили крестьянскую семью в тяжелое материальное положение, поэтому основным источником питания и финансового дохода была продукция, произведенная на приусадебном участке. Его размер, перечень возделываемых культур, количество поголовья скота, ульев находились, как показало настоящее исследование, в прямой зависимости от количества и половозрастного состава крестьянской семьи, природно-географических условий и нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: личное подсобное хозяйство, похозяйственные книги, Великая Отечественная война, Алтайский край.

A.A. GOPPE, N.V. LYULYA

PERSONAL SUBSIDIARY FARM OF THE COLLECTIVE FARM PEASANT FAMILIES IN ALTAI REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON HOUSEHOLD BOOK MATERIALS)

Altai State Pedagogical University,
55, Molodezhnaya Str., Barnaul, Altai Region, 656031, Russian Federation

The publication objective is a comprehensive study of the personal subsidiary economy of the collective farm family during the Great Patriotic War. In line with this goal, the authors identify the following tasks: to determine the role of household books in studying individual subsidiary plots; consider the structure and composition of personal subsidiary farms; characterize the state of gardening, cattle breeding, beekeeping under extreme conditions of war. The research source base were materials of household books (more than 30 cases) collected by authors and students of the Historical Department during the complex historical and ethnographic expeditions of the Center of Oral History and Ethnography" (Altai State Pedagogical University) in six Altai Region districts – Krasnoshchekovsky, Volchikhinsky, Topchikhinsky, Krutikhinsky, Kulunda, Romanovsky ones. The source analysis made it possible to determine the significance of household books as a base to study individual subsidiary farming, which is inaccessible to researchers. For a long time, household books weren't a subject to study. The household books contain primary written (statistical) information, which includes data on the rural population registration, individual subsidiary farms (amount of land, livestock, cultivated crops, buildings, taxes, etc.) reflecting information on arrived and leaving families, that allows tracking the historical, socio-economic processes of individual subsidiary farms in an annual section. The household book data analysis made it possible to identify and characterize the main important "vital" indicators of peasant families ensuring their existence during the war years. According to household book research, the individual subsidiary plots of the peasant collective farm families in Altai Region in the war years developed largely depending on external drivers, to a lesser degree – to internal ones.

Key words: individual subsidiary farm, household books, Great Patriotic War, Altai Region.

Анастасия Александровна Гоппе – ведущий специалист по учебно-методической работе, Центр устной истории и этнографии, Алтайский государственный педагогический университет, e-mail: mazirina91@mail.ru, [https:// orcid.org/0000-0002-0515-7387](https://orcid.org/0000-0002-0515-7387).

Наталья Викторовна Люля – ведущий специалист по учебно-методической работе, Центр устной истории и этнографии, Алтайский государственный педагогический университет, e-mail: natalyalyulya@mail.ru, [https:// orcid.org/0000-0002-7545-1215](https://orcid.org/0000-0002-7545-1215).

Anastasia A. Goppe – Leading Specialist In The Teaching And Methodological Work Of UNIL Center For Oral History And Ethnography Altai State Pedagogical University.

Natalya V. Lyulya – Leading Specialist In The Teaching And Methodological Work Of UNIL Center For Oral History And Ethnography, Altai State Pedagogical University.

ВВЕДЕНИЕ

Похозяйственные книги содержат первичную письменную (статистическую информацию), которая включает сведения об учете сельского населения, личном подсобном хозяйстве (количество земли, скота, возделываемые культуры, постройки, налоги и т.п.), а также отражает сведения о прибывших и выбывших семьях. Это позволяет проследить на основании ежегодных данных социально-экономические процессы, происходившие в личных подсобных хозяйствах. Долгое время похозяйственные книги не находились в центре внимания исследователей [1, с. 166–171]. Отсутствие публикаций на основе похозяйственных книг связано с проблемой их хранения на местах в муниципальных архивах, архивах сельских администраций и своевременной их передаче в государственные архивы, что на практике не всегда выполнялось.

Изучением личного подсобного хозяйства (далее – ЛПХ) крестьянской семьи в годы Великой Отечественной войны занимался Е.И. Зеленин, его роли в городах в этот период посвящены работы У.Г. Чернявского [2]. В контексте традиционной аграрной истории ЛПХ рассматривались крупнейшими сибирскими историками-аграрниками (В.А. Ильиных, Т.М. Бадалян, И.Б. Карпунина, А.П. Мелентева) [3, с. 33–75; 4], которые опирались на статистические архивные материалы, отчеты, спецсообщения УНКВД и инспекторские отчеты ЦСУ РСФСР. С позиций антропологического подхода в настоящее время вопросы личного подсобного хозяйства рассматриваются в контексте исторических событий с учетом семейных и трудовых традиций, с привлечением устных исторических источников (Т.К. Щеглова, А.В. Рыков) [5; 6, с. 149–152].

Целью данной публикации является комплексное исследование личного подсобного хозяйства колхозной семьи в годы Великой Отечественной войны. В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи: определить роль похозяйственных книг для изучения личного подсобного хозяйства; рассмотреть структуру личного подсобного хозяйства и его состав; охарактеризовать состояние огородничества, скотоводства, пчеловодства в экстремальных условиях войны.

Источниковую базу исследования составили материалы похозяйственных книг (более 30 дел), собранные авторами данной публикации и студентами исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета в ходе комплексных историко-этнографических экспедиций УНИЛ «Центр устной истории и этнографии» Алтайского государственного педагогического университета в

шести районах Алтайского края – Краснощековском, Волчихинском, Топчихинском, Крутихинском, Кулундинском, Романовском, что позволит показать региональную специфику.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КНИГ

Похозяйственные книги ведутся с 1934 г. и содержат первичную письменную (статистическую информацию), которая, как отмечалось выше, включает сведения об учете сельского населения и личном подсобном хозяйстве (количество земли, скота, налоги и т.п.). С 1934 г. по 1940 г. структура карточки похозяйственной книги изменилась: количество пунктов сократилось с 12 до 6, а именно: I) список членов семьи; II) постройки; III) земля; IV) посевы и насаждения; V) пчеловодство; VI) скот. Укрупненный раздел включал внесенные данные (например, виды скота – КРС, свиньи, овцы, козы) и предполагал возможность внесения информации вручную работником сельской администрации (например, перечень сельскохозяйственных культур). Структура карточки одной книги предполагала фиксацию сведений за три года. В период войны информация представлена следующим образом: с 1940 по 1942 г. и с 1943 по 1946 г., что позволяло максимально полно учитывать разнообразие хозяйственной жизни и деятельности крестьянских семей, и на тот момент это было важно, так как книги выполняли контролируемую роль в налогообложении. Функция по их заполнению возлагалась на секретарей сельских советов, которые несли персональную ответственность за достоверность сведений, поскольку данные использовались при начислении сельскохозяйственного налога [7, с. 304–321].

Записи в похозяйственные книги в сельских населенных пунктах не всегда вносились с максимальной полнотой – в одном случае работником администрации заполнены все графы (как пропечатанные в форме, так и свободные для записи), от руки прописаны сведения, характеризующие все максимальное разнообразие хозяйственной деятельности крестьянского двора, а в другом случае имеются только сведения, пропечатанные в форме и не на весь период ведения книги. При подготовке данной статьи использовались книги военного периода с максимально заполненными графами.

Личное подсобное хозяйство являлось натуральным хозяйством, оно удовлетворяло потребности крестьянской семьи в необходимых продуктах питания. Значимость личного подсобного хозяйства для крестьянской семьи особенно возрастала в кризисные периоды. С началом Великой Отечественной войны, введением военного положения произошло снижение натуральных выплат на трудодни, изменилась налоговая политика по отношению к колхозному

крестьянству, увеличилось налоговое бремя (повышение существовавших налогов, введение новых) [8, с. 149–152].

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ СЕМЬИ

На 1940–1941 гг. главой хозяйства в основном являлся мужчина, лишь в отдельных случаях – в неполных семьях – женщина. Численность семей на первые предвоенные годы составляла в среднем 5 чел. (min 2, max 10). В ходе реализации призывной кампании 1941 г. из сел Алтайского края на фронт забрали более 550 тыс. чел. (значительная часть – 1923 г.р.), в связи с чем происходит численное сокращение семьи, перераспределение роли главы и всех функций. Хозяйственно-бытовая функция в период войны легла на плечи женщин, детей и пожилых членов семьи. С 1943 г. фиксируется, что главой семьи является женщина или старший сын. Например, карточка А.М. Латкиной, 1897 г.р. (с. Верх-Камышенка Краснощековского района) содержит сведения о 5 членах семьи – главе семьи, двух сыновьях (1923 г.р., 1919 г.р.), которые в 1943 г. были призваны в РККА и двух дочерях (1919 г.р. и 1933 г.р.)¹.

В военное время фиксируется, что значительная часть семей состояла из подростков (1920 г.р.) или малолетних детей (1930-х г.р.). Так, семья В.С. Усольцева (1895 г.р.) состояла из 9 чел. – трое подростков (от 16 до 20 лет) и четырех малолетних детей (от 10 до 3 лет)². При этом сам глава семьи и его старший сын в 1943 г. были призваны в ряды Красной армии.

ЛПХ крестьянской семьи оказалось в сложных условиях особенно с 1943 г. Реализовать полностью функцию нормального обеспечения всех членов семьи оказалось сложно по причине нехватки рабочих рук и круглосуточной занятости трудоспособного населения в колхозах.

ОГОРОДНИЧЕСТВО

На уровень жизни крестьянской семьи существенно влияла площадь приусадебного хозяйства. На протяжении 1930-х гг. власть ориентировалась на сокращение приусадебных участков. С 1935 по 1942 г. крестьянину разрешалось иметь от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах до 1 га приусадебной земли.

В рассматриваемый период приусадебный участок крестьянина Алтайского края варьировался от 0,30 до 0,85 га³. Его размер не зависел от природной

зоны и численности семьи. Например, приусадебный участок Н.И. Симоновой на 1940 г. (семья состояла из 3 чел. – Наталья Ивановна, 1897 г.р., дочь 1929 г.р., сын 1932 г.р.) был равен 0,60 га, из которых 0,02 га было занято жилыми постройками, а 0,58 га – огородами⁴. Участок И.В. Уханкова, 1903 г.р. (семья состояла из 7 чел. – жена – 1903 г.р., сын – 1930 г.р., четыре дочери – 1931, 1934, 1936 и 1938 г.р.) – 0,74 га: 0,02 га – под постройки, 0,72 га – под огород⁵. В сравнении с данными похозяйственных книг за 1938–1939 гг. увеличения площади приусадебного участка в 1940-е гг. не происходит. Причем информация о садах в большинстве обработанных книгах не фиксируется, графа не заполнена. Особенно это характерно для сел степной и предгорной части Алтайского края. Такая ситуация объясняется тем, что лишь с 1930-х гг. колхозные сады стали появляться в отдельных крупных селах, так как государство ориентировалось в первую очередь на развитие общественных садов, а посадок плодовых деревьев (яблонь, груш и т.п.) на участках личного подсобного хозяйства в годы войны не было [9, с. 147].

Однако в с. Прыганка Топчихинского района (лесостепная зона) для сада отводилась незначительная площадь – от 0,03 до 0,06 га⁶. Можно предположить, что на его появление повлияло преобладание в селе украинского населения. Большая часть граф по данному показателю заполнена именно у хозяев с украинской национальностью – Науменко, Губенко, Аксененко⁷. Но в степной части края в семьях украинцев в данной графе стоит прочерк, что позволяет говорить о сложностях личного садоводства Кулундинской степи в рассматриваемый период.

Основная площадь огорода от 0,35 до 0,60 га отводилась для посадки картофеля, который стал в период войны для крестьян «вторым хлебом»⁸. С 1940 по 1945 г. отмечается несоответствие заявленному плану фактических показателей – в сторону умень-

№ 4, 8 (1940–1942 гг.); Материалы текущего архива администрации Дубровинского с/с Романовского района (МТААД). Ф. 59. Оп. 1. Д. б/н., 3, 01–15, 2, 4 (1943–1945 гг.); Материалы текущего архива администрации Селевертовского с/с Волчихинского района (МТААС). Ф. 11. Оп. 1Д. Д. 7. (1940–1942 гг., 1943–1945 гг.); Д. 11. (1943–1945 гг.), МТААВ Ф. б/н. Оп. 1. Д. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26 (1943–1945 гг.); Материалы текущего архива Константиновского с/с Кулундинского района (МТААК). Ф. 52. Оп. 2. Д. 2, 3 (1940–1942 гг.).

⁴ МТААС. Ф. 11. Оп. 1Д. Д. 7. Л. 12 об.

⁵ Там же. Л. 13 об.

⁶ МТААП. Ф. б/н. Оп. б/н. Д. 01–15.

⁷ Там же.

⁸ МТААГЛ. Похозяйственная книга № 4, 8; МТААД. Ф. 59. Оп. 1. Д. б/н., 3, 01–15, 2, 4; МТААС Ф. 11. Оп. 1Д. Д. 7, Д. 11; МТААВ. Ф. б/н. Оп. 1. Д. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26; МТААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 2, 3; МТААН. Ф. 91. Оп. 1Д. Д. 56, 58, 59, 60, 61, 69; МТААП. Ф. б/н. Оп. б/н. Д. 01–15; МТААЧ. Ф. 72. Оп. 1. Д. б/н.

¹ Материалы текущего архива администрации Верх-Камышенского сельского совета (далее – с/с) Краснощековского района (далее – МТААВ). Ф. – без номера (далее – б/н). Оп. 1П. Д. 17. Л. 34 об.–35.

² Там же. Л. 18 об.–19.

³ Материалы текущего архива администрации Гилев-Логовского с/с Романовского района (МТААГЛ). Похозяйственная книга

шения, в среднем на 50 %. Например, семья В.Н. Никулина (1909 г.р.) на 1940 г. планировала под посадку картофеля отвести 0,20 га, по факту – 0,13 га; на 1941 г. – 0,75 га, а по факту – 0,25 га; на 1943 г. – 0,40 га, а по факту – 0,20 га⁹. Несоответствие объясняется низкой урожайностью в годы войны и нехваткой семян для посадки. Сложная ситуация с семенами картофеля, особенно с 1942 г., сложилась не только в личных подсобных хозяйствах крестьян, но и в индивидуальных, и коллективных хозяйствах горожан Сибири. Кардинально ситуация на протяжении войны не меняется, можно лишь отметить редкие ЛПХ, где плановые показатели выполнялись в полном объеме.

Часть площади ЛПХ отводилась под посадки зерновых (бобовых), технических (масленичных, волокнистых) и овощных (плодово-ягодных, корнеплодов) культур. Структура похозяйственной книги содержала пункт «овощи», предполагалось, что переписчик лично мог внести сведения о посевах и насаждениях. С одной стороны, это позволяет проследить разнообразие культур, а с другой – возможность уточнить перечень овощных культур для военного периода. В селах, расположенных в разных природно-географических зонах, перечень культур, согласно материалам книг, различался.

Перечень сельскохозяйственных культур был довольно разнообразным. В предгорных районах зафиксированы овощи, конопля, бахча, кукуруза (часто), фасоль, горох, кормовые корнеплоды, лен (редко); в лесостепных районах – овощи, подсолнечник, конопля, лен, горох (редко), кукуруза (редко), махорка (с 1942 г.); в степной части края – овощи, конопля, бобовые (в другом случае расписано – горох, фасоль), бахча, подсолнух, кукуруза (редко), корнеплоды, махорка (с 1941–1942 гг.)¹⁰. Площадь возделываемой земли составляла от 0,01 до 0,05 га¹¹.

Посевы технических волокнистых культур – льна и конопли были распространены в лесостепной и степной зонах (с преобладанием конопли), реже лен встречается в материалах книг в предгорных районах. Потребность крестьянской семьи в возделыва-

нии технических культур на протяжении XIX – первой половине XX в. была высокой [10, с. 467–468]. В селах, расположенных в лесостепной местности, к началу войны под посадки льна отводилось от 0,01 до 0,03 га, а конопли – от 0,02 до 0,07 га, в предгорных районах – от 0,01 до 0,04 га, в степной части края – от 0,01 до 0,50 га¹². Возделывание конопли и льна в ЛПХ зависело от климатических и почвенных условий [10, с. 469]. Преобладание посевов льна в крае фиксируется в лесостепной части, что определяется его вегетационным периодом (вторая половина мая – начало сентября). Посев необходимо было осуществлять в третьей декаде мая при температуре не ниже +10°C и при отсутствии заморозков, что нехарактерно для предгорной части края с низким температурным режимом ранней весной. Возделывание технических культур обеспечивало семью в годы войны необходимым материалом, в лесостепной части – тканью из льна и конопли, в предгорной и степной – из конопли. Из семян конопли и льна изготавливали также масло для использования в кулинарии. Подсолнечник выращивали повсеместно, под его посевы отводилось от 0,01 до 0,04 га, что обеспечивало семью растительным маслом, которое отжимали в колхозах, а также сдавали его в рамках обязательных сельскохозяйственных заготовок.

С 1942 г. (редко с 1941 г., в с. Константиновка Кулундинского района) в селах лесостепной и степной части края выращивали махорку (от 0,005 до 0,04 га). Массовое ее возделывание в ЛПХ было связано с тем, что с апреля 1942 г. она стала входить в перечень обязательных продуктов для сдачи со двора колхозника. В селах, расположенных в предгорной части края, в ЛПХ крестьянской семьи информация о выращивании махорки не зафиксирована, что, видимо, было обусловлено климатическими условиями, так как махорка является солнцелюбивым и теплолюбивым растением, требующим особого ухода и удобрений, при морозе от –3–4 °C растение погибает [11, с. 2–5].

В целом, несмотря на увеличение пунктов в части заготовок к сдаче государству, отсутствие роста возделываемых площадей позволяет говорить о стабильности в ЛПХ в период войны.

СКОТОВОДСТВО

Как базовый элемент системы жизнеобеспечения крестьянской семьи скотоводство зависело, скорее, не от природно-климатических условий, а от нормативных установок со стороны государства. Территория края в годы войны относилась к районам, которым предписывалось «иметь в личном пользовании корову, до 2 голов молодняка рогатого скота,

⁹ МТААП. Ф. б/н. Оп. б/н. Д. 01–15. Л. 41 об.

¹⁰ МТААГЛ. Похозяйственная книга № 4, 8; МТААД. Ф. 59. Оп. 1. Д. б/н., 3, 01–15, 2, 4; МТААС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 7, Д. 11; МТААВ. Ф. б/н. Оп. 1. Д. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26; МТААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 2, 3; МТААН. Ф. 91. Оп. 1. Д. 56, 58, 59, 60, 61, 69; МТААП. Ф. б/н. Оп. б/н. Д. 01–15; МТААЧ. Ф. 72. Оп. 1. Д. б/н.

¹¹ МТААГЛ. Похозяйственная книга № 4, 8; МТААД. Ф. 59. Оп. 1. Д. б/н., 3, 01–15, 2, 4; МТААС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 7, Д. 11; МТААВ. Ф. б/н. Оп. 1. Д. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26; МТААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 2, 3; МТААН. Ф. 91. Оп. 1. Д. 56, 58, 59, 60, 61, 69; МТААП. Ф. б/н. Оп. б/н. Д. 01–15; МТААЧ. Ф. 72. Оп. 1. Д. б/н.

¹² Там же.

1 свиноматку с приплодом или, если правление колхоза найдет необходимым, 2 свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз вместе, неограниченное количество птицы и кроликов и до 20 ульев» [8]. Согласно материалам книг, скотный двор состоял преимущественно из коров, телят и овец, редко свиней. Не каждая семья могла позволить себе иметь в составе скотного двора свиней. Например, в с. Селеверстово Волчихинского района за период войны содержание свиней было зафиксировано только в 1941 г. (1 голова)¹³. В первую очередь это было вызвано отсутствием устойчивой кормовой базы в условиях массового голода населения. Рацион свиньи состоял из зерна, различных овощей, пищевых отходов. В рассматриваемый период продукты питания имелись в ограниченном количестве, поэтому содержание свиней было невыгодно, а использование соломы в качестве корма было невозможно, что связано с физиологическими особенностями животного.

В крестьянском хозяйстве содержали также овец (min 1, max 3) для сдачи сельхозналога государству (шерсти)¹⁴, а для крестьян имелась возможность использовать шерсть для изготовления валенок и одежды. Для овец был необходим более качественный корм – сено, соломой они не питались, тогда как корова могла употреблять и сено, и солому. При этом отдача от коровы для семьи была гораздо больше, чем от овец. Поэтому стабильно в ЛПХ зафиксировано содержание одной головы коровы. Коровы в годы войны имели multifunctional значение в сельском обществе, являясь одним из основных источников питания (источник белка – молоко) и тягловой силой в семейном и общественном производстве. Отходы их жизнедеятельности становились источником топлива, использовались как «коровьи лепешки», так и навоз для изготовления кизяка [6]. Причем на протяжении 1941–1943 гг. в семьях отсутствовал молодежь КРС. В Краснощековском районе на 40 семей в 1943 г. только в 7 имелся молодежь – нетели, телята, телки (1–2 головы)¹⁵, что было вызвано принятием постановления «О мерах сохранения молодежи и увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах» СНК СССР и ЦК ВКП(б). Поэтому с 1942 г. в порядке контрактации у колхозников было куплено 5,4 млн голов скота, что позволило увеличить общественное поголовье крупного рогатого скота, овец и коз в колхозах тыловых районов примерно на 10 %.

С конца 1943 г. ситуация в скотном дворе крестьянской семьи начинает стабилизироваться, наблюдается даже некоторый прирост поголовья. В 1943–1944 г. из 40 семей овец держали 24 семьи, в количестве от 1 до 5 голов. В 1945 г. количественные показатели возрастают от 4 до 6 голов¹⁶. В 1944 г. ситуация с молодежью КРС также улучшилась: так, из 40 семей в 30 семьях был зафиксирован молодежь, ситуация сохранялась стабильной и в 1945 г.¹⁷ Увеличение поголовья скота с конца 1943 г. по 1945 г. в ЛПХ Алтайского края вписывается в общероссийский контекст. На начало 1945 г. поголовье скота в СССР по сравнению с началом 1943 г., т.е. за два года, увеличилось в следующих размерах: крупного рогатого – на 15,8 млн голов, овец и коз – на 8,4 млн, свиней – на 2,8 млн, лошадей – на 1,7 млн голов. Рост происходил как в освобожденных, так и в тыловых районах, и в колхозах, и у крестьян в единоличном пользовании.

Авторами отмечается прямая зависимость численности скотного двора от количества членов семьи, что было обусловлено возможностями заготовки кормов. Семья А.Ф. Харитонов (1911 г.р.) из с. Верх-Камышенка Краснощековского района состояла из хозяина, жены и двух сыновей и содержала 1 корову, 1 телку старше 1 года, 1 теленка и от 2 до 6 грубошерстных овец¹⁸, а семья Н.Н. Видинева (1909 г.р.) из с. Верх-Камышенка Краснощековского района, состоявшая из хозяина, жены, 3 сыновей, 3 дочерей, снохи и внука, содержала 1 корову, 1 теленка и 5 овец¹⁹.

ПЧЕЛОВОДСТВО

В годы войны в ЛПХ семьи содержали пчелосемей, по материалам книг зафиксировано наличие только рамочных ульев (1–4)²⁰. В предгорных районах количество ульев в первые годы войны было больше, чем в степных и лесостепных районах.

¹⁶ МТААГЛ. Похозяйственная книга № 4, 8; МТААД. Ф. 59. Оп. 1. Д. б/н., 3, 01–15, 2, 4; МТААС. Ф. 11. Оп. 1Д. Д. 7, Д. 11; МТААВ. Ф. б/н. Оп. 1. Д. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26; МТААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 2, 3; МТААН. Ф. 91. Оп. 1Д. Д. 56, 58, 59, 60, 61, 69; МТААП. Ф. б/н. Оп. б/н. Д. 01–15; МТААЧ. Ф. 72. Оп. 1. Д. б/н.

¹⁷ МТААГЛ. Похозяйственная книга № 4, 8; МТААД. Ф. 59. Оп. 1. Д. б/н., 3, 01–15, 2, 4; МТААС. Ф. 11. Оп. 1Д. Д. 7, Д. 11; МТААВ. Ф. б/н. Оп. 1. Д. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26; МТААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 2, 3; МТААН. Ф. 91. Оп. 1Д. Д. 56, 58, 59, 60, 61, 69; МТААП. Ф. б/н. Оп. б/н. Д. 01–15; МТААЧ. Ф. 72. Оп. 1. Д. б/н.

¹⁸ МТААВ. Ф. б/н. Оп. 1. Д. 17. Л. 13об.

¹⁹ Там же. Л. 50 об.

²⁰ МТААГЛ. Похозяйственная книга № 4, 8; МТААД. Ф. 59. Оп. 1. Д. б/н., 3, 01–15, 2, 4; МТААС. Ф. 11. Оп. 1Д. Д. 7, Д. 11; МТААВ. Ф. б/н. Оп. 1. Д. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26; МТААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 2, 3; МТААН. Ф. 91. Оп. 1Д. Д. 56, 58, 59, 60, 61, 69; МТААП. Ф. б/н. Оп. б/н. Д. 01–15; МТААЧ. Ф. 72. Оп. 1. Д. б/н.

¹³ МТААС. Ф. 11. Оп. 1Д. Д. 7.

¹⁴ МТААГЛ. Похозяйственная книга № 4, 8; МТААД. Ф. 59. Оп. 1. Д. б/н., 3, 01–15, 2, 4; МТААС. Ф. 11. Оп. 1Д. Д. 7, Д. 11; МТААВ. Ф. б/н. Оп. 1. Д. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26; МТААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 2, 3; МТААН. Ф. 91. Оп. 1Д. Д. 56, 58, 59, 60, 61, 69; МТААП. Ф. б/н. Оп. б/н. Д. 01–15; МТААЧ. Ф. 72. Оп. 1. Д. б/н.

¹⁵ МТААВ. Ф. б/н. Оп. 1. Д. 17–26.

Тенденция к исчезновению домашнего пчеловодства отмечается уже с 1943 г., в данный период фиксируется преимущественно по 1 рамочному улью. Это было вызвано отсутствием необходимых условий и возможностей к занятию данной отраслью домашнего хозяйства. Содержание пчел требовало значительных затрат времени, профессиональных знаний [12]. Например, в семье Н.Н. Митрошиной (1899 г.р.) из с. Чинета Краснощековского района в 1944 г. было 4 улья, а в 1945 г. осталось 2²¹. В то же время, чтобы получить весной активную пчелиную семью, а летом достойный урожай меда, необходимо было обеспечить кормление пчел зимой. Пчелы принимают в пищу только правильно приготовленный сахарный сироп (от 3 кг сахара), а дефицит сахара в годы войны не позволял крестьянской семье поддерживать стабильное питание насекомых, что и сказалось на их сокращении в крестьянском хозяйстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, похозяйственные книги являются уникальным источником по изучению личного подсобного хозяйства крестьянской семьи в годы войны. Систематизированные карточки позволяют рассмотреть важные «жизненные» показатели крестьянской семьи, зависевшие от внутренних и внешних факторов: численность семьи, материальное положение, природно-климатические условия, налоги и т.п., площадь приусадебного участка, перечень возделываемых культур, состав скотного двора, пчеловодство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Митрошкин М.А. Похозяйственные книги сельсоветов как источник информации о сельском населении 1930-х годов // Историко-педагогические чтения. 2005. № 9. С. 166–171.
2. Чернявский У.Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). М., 1964. 208 с.
3. Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения: сб. науч. тр. Новосибирск, 1999. С. 33–75.
4. Бадалян Т.М., Ильиных В. А., Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. Новосибирск, 2001. 188 с.
5. Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 2015. 132 с.
6. Щеглова Т.К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции. Барнаул, 2018. 508 с.
7. Мазур Л.Н., Горбачев О.В. Массовые источники по истории крестьянской семьи в России в XX в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2018. № 18. С. 304–321.

8. Рыков А.В. Особенности системы жизнеобеспечения сельского населения в годы Великой Отечественной войны: на примере колхозного крестьянства и рабочих совхозов юга Западной Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12: в 3 ч. Ч. 3. С. 149–152.

9. Чернова И.В., Грибанова Н.С. Этапы развития садоводства в сельских населенных пунктах Западной Сибири (середина XIX – первые десятилетия XXI в.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2020. Вып. 10: Материалы 10-й Междунар. науч. конф. (г. Барнаул, 2–4 декабря 2020 г.) / отв. ред. Т.К. Щеглова. С. 146–149.

10. Болонев Ф.Ф. Лен и конопля в хозяйстве русских крестьян Сибири XVII – начала XX века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / под. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск, 2017. С. 467–470.

11. Прохоженко Е.И. Возделывание махорки в Саратовской области. Саратов, 1943. 52 с.

12. Димов В.Т., Ефимова Л.В. Содержание пчел в условиях Сибири: рекомендации. Красноярск, 2013. 52 с.

REFERENCES

1. Mitroshkin M.A. Household books of village councils as a source of information on the rural population of the 1930s. *Istoriko-pedagogicheskiye chteniya*, 2005, no. 9, pp. 166–171. (In Russ.)
2. Chernyavskiy U.G. War and food. Supply of the urban population during the Great Patriotic War (1941–1945). Moscow, 1964, 208 p. (In Russ.)
3. Il'inykh V.A. Peasant economy in Siberia (late 1890s – early 1940s): trends and stages of development. *Krest'yanskaya sem'ya i dvor v Sibiri v XX veke: problemy izucheniya*. Novosibirsk, 1999, pp. 33–75. (In Russ.)
4. Badalyan T.M., Il'inykh V.A., Karpunina I.B., Melent'eva A.P. Essays on the history of the peasant household and family in West Siberia. The late 1920s – 1980s. Novosibirsk, 2001, 188 p. (In Russ.)
5. Shcheglova T.K. Ethnography of the Russian peasantry in southern West Siberia in the XX century: the culture of life support during the Great Patriotic War. Barnaul, 2015, 132 p. (In Russ.)
6. Shcheglova T.K. Culture and everyday life of the Russian rural population in southern West Siberia in the 1930s–1950s: housing, food, clothing, family and labor traditions. Barnaul, 2018, 508 p. (In Russ.)
7. Mazur L.N., Gorbachev O.V. Mass sources on the history of the peasant family in Russia in the XX century. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Ekaterinburg, 2018, no. 18, pp. 304–321. (In Russ.)
8. Rykov A.V. Features of the life support system of the rural population during the Great Patriotic War: a case of the collective farm peasantry and workers of state farms in southern West Siberia. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 12, pt. 3, pp. 149–152. (In Russ.)
9. Chernova I.V., Gribanova N.S. Stages of development of gardening in rural settlements of West Siberia (mid XIX – early XXI centuries). *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy*. Barnaul, 2020, iss. 10, pp. 146–149. (In Russ.)
10. Bolonov F.F. Flax and hemp in farms of Russian peasants in Siberia in the XVII – early XX centuries. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, pp. 467–470. (In Russ.)
11. Prokhozhenko E.I. Cultivating shag in the Saratov Region. Saratov, 1943, 52 p. (In Russ.)
12. Dimov V.T., Efimova L.V. Keeping bees in Siberia: recommendations. Krasnoyarsk, 2013, 52 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.02.2021

Дата рецензирования 01.04.2021

Статья принята к публикации 13.10.2021

²¹ МТААЧ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 6/н. Л. 6/н.

DOI: 10.15372/HSS20210410
УДК 94:338.43(47)"1953/1964"

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

«ЛИБЕРАЛЬНО-РЕФОРМАТОРСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ» В АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В СЕРЕДИНЕ 1950-х – НАЧАЛЕ 1960-х гг.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,

В статье анализируется реализация аграрных мероприятий государства периода «оттепели», инициированных советскими социалистами-рыночниками. Осуществление разработанных ими «либерально-реформаторских» планов автор попытался рассмотреть с привлечением нового фактического материала, в первую очередь регионального. Утверждается, что осуществлению данного направления аграрной политики препятствовала параллельная реализация левореформаторских инициатив Н.С. Хрущева, предусматривавших установление господства государственной собственности над групповой и личной, форсированную индустриализацию сельского хозяйства и использование мобилизационных способов решения производственных задач.

Ключевые слова: аграрные реформы, аграрная политика, сельское хозяйство, колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции, Н.С. Хрущев.

S.N. ANDREENKOV

“LIBERAL-REFORMIST TREND” IN THE AGRARIAN POLICY OF THE SOVIET STATE IN THE MID-1950s – EARLY 1960s

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The main study objective is to identify the features of implementing measures of the supreme power in the middle 1950s – early 1960s initiated by Soviet scientists-economists, supporters of development under conditions of state and group ownership of market relations. The article substantiates the thesis that the “liberal reformist course” realization led to a significant transformation of the existing agrarian system.

Based on the analysis of the peculiarities of the collective farm-state farm system functioning during I.V. Stalin's reign, and relying on new factual material, the author reveals the specifics of post-Stalinist reforming the procurement and pricing mechanism in agriculture, the system of material and technical services for collective farms, the procedure of functioning of the collective farm self-government, and analyzes the anti-crisis initiatives of the supreme power and scientists-economists in the first half of the 1960s. The paper argues that during the period under review, the Stalinist agrarian model foundations were dismantled – natural tax procurements, the system of low-paid forced labor of collective farmers, machine and tractor stations. The transition to purchasing agricultural products at uniform prices took place. The guaranteed cash wages were introduced, the collective farms received ownership of agricultural machinery. However, realizing the “liberal reformist direction” of the agrarian policy was hampered by the parallel implementation of Khrushchev's leftist reformist initiatives, which provided establishing the domination of state ownership over group and personal ones, forced industrialization of agriculture, and using mobilization tools to solve production tasks. Therefore, the most important agricultural measure – MTS reorganization – was carried out in a short time without taking into account the real capabilities of farms by N.S. Khrushchev's demand, and therefore did not lead to the high economic results predicted by its developers in short terms.

Key words: agrarian reforms, agrarian policy, agriculture, collective farms, state farms, machine-tractor stations, N. S. Khrushchev.

ВВЕДЕНИЕ

Аграрному реформированию середины 1950-х – начала 1960-х гг. посвящено немало научно-исторических публикаций, раскрывающих как содержание

реформ в целом (см., напр.: [1, 2, 3, 4, 5]), так и отдельные направления преобразований (см., напр.: [6, 7, 8, 9]). В общих оценках направленности и результатов этих реформ доминирует мнение о том, что

Сергей Николаевич Андреевков, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9361-0104>.

Sergey N. Andreenkov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

провозглашенный главой правительства Г.М. Маленковым в августе 1953 г. «новый курс» в деревне, предусматривавший снижение административного давления на деревню и развитие материальной заинтересованности в труде крестьян из-за непоследовательных действий Н.С. Хрущева не был полностью реализован и кардинальным образом аграрный строй страны не изменил. Его либерализации помешала реализация хрущевских «сверхпрограмм» (по освоению целины, по распространению посевов кукурузы и по осуществлению задачи догнать США по производству мяса, молока и масла душу населения), имевших крайне противоречивые результаты. В то же время реформаторская деятельность Н.С. Хрущева получила и весьма положительные оценки (см., напр.: [10]).

В научно-исторической литературе можно встретить и другие взгляды на проблему. Например, по мнению С.Н. Андреевского и В.А. Ильиных [11], аграрная политика Н.С. Хрущева привела к глубоким последствиям, связанным с проведенной под его руководством перестройкой организационно-хозяйственной структуры аграрного сектора экономики, имевшей масштаб действительной сверхпрограммы. Запущенная Н.С. Хрущевым «совхозизация» деревни, выраженная в процессах огосударствления, укрупнения, централизации и индустриализации хозяйственных единиц, в итоге привела к формированию новой модели аграрного строя страны. Н.С. Хрущев стремился вернуться к изначальной программе социалистической реконструкции сельского хозяйства¹, от которой, по его мнению, отклонился И.В. Сталин. Устранение «отступлений» от доктрины составляло основное содержание «аграрной сверхпрограммы» Н.С. Хрущева.

Наряду с «совхозизацией» в экспертных и властных кругах получили популярность идеи экономического регулирования аграрной сферы, сводившегося к расширению сферы действия товарно-денежных отношений, внедрению в систему обмена принципов эквивалентности, переводу сельхозпредприятий на хозрасчет и самоуправление, развитию групповой собственности на средства производства. Наиболее

последовательным сторонником либерализации хозяйственного механизма был сотрудник сектора политической экономии Института экономики АН СССР В.Г. Венжер – один из разработчиков концепции рыночного социализма и выступавший за развитие кооперативной сущности колхозов, расширение их самостоятельности. Н.С. Хрущев не являлся принципиальным противником этих подходов, так как они тоже нацеливались на исправление недостатков аграрной системы сталинского социализма.

Таким образом, указанные выше программы развития сельского хозяйства являлись вариантами аграрного реформирования с позиций левого и правого уклонов соответственно. А вот августовские заявления Г.М. Маленкова, воплощавшиеся в жизнь в виде решений о снижении объемов обязательных поставок и натуроплаты МТС, повышении заготовительных и закупочных цен², списании недоимок и облегчении налогового бремени личных хозяйств, ничего принципиально нового с собой не несли и, по сути дела, реформистскими не являлись. Все эти меры в меньшем масштабе время от времени принимались и раньше. Незыблемыми оставались базовые элементы сложившейся аграрной системы: колхозы как основная и совхозы как второстепенная форма сельхозпредприятий, МТС, подсобные хозяйства населения и организаций, натуральные расчеты, налоговый характер заготовок с двойными ценами и пр. Поэтому «новый курс» Г.М. Маленкова можно считать консервативным вариантом развития сельского хозяйства.

В настоящем исследовании анализируются особенности реализации аграрных мероприятий верховной власти, разработанных советскими учеными-экономистами, сторонниками рыночного социализма. Мы полагаем, что их идеи и дела можно с известной долей условности называть «либерально-реформаторским» или «правореформаторским» направлением в аграрной политике, поскольку они были противоположны левореформаторским программам верховной власти.

В центре внимания автора – инициативы ученых-экономистов «хрущевского» десятилетия, включая предложения начала 1960-х гг., которые в научной литературе освещены сравнительно слабо. Задача автора настоящей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть реализацию описываемых преобразова-

¹ Целью начатой большевиками социалистической модернизации деревни являлось создание крупных общественных (государственных) сельскохозяйственных предприятий индустриального типа для увеличения объемов производства аграрной продукции и ее поставок государству. Появлению этих хозяйств должен был предшествовать переходный период, в рамках которого организовывались совхозы и колхозы. Первые считались наиболее близким к идеалам коммунизма типом хозяйств, «локомотивом» аграрной экономики. Вторые воспринимались как переходная форма. После построения социализма колхозная собственность должна была слиться с общенародной. Строительство социализма, согласно доктрине, должно сопровождаться постепенным преодолением различий между городом и деревней, завершающимся в коммунистической перспективе (об этом см.: [12, с. 41–44]).

² В августе 1953 г. были подняты заготовительные цены на картофель (в 2,5 раза), кожи крупного рогатого скота (КРС) и свиней (в 1,5 раза). На молоко, КРС и свиней выросли как заготовительные (соответственно в 2,2, 4,8 и 2,9 раза), так и закупочные (в 1,5, 2,1 и 1,6 раза) цены. Заготовительная расценка на яйца не изменилась, зато закупочная повысилась в 2,1 раза. Меры по стимулированию производства зерна затронули только сферу государственных хлебозакупок. Закупочная цена на зерно в среднем увеличилась в 8 раз [7, с. 63–67].

ний с привлечением нового фактического материала, в первую очередь регионального. Опорными являются данные по Сибири – крупному аграрному району страны.

ОСОБЕННОСТИ АГРАРНОЙ СИСТЕМЫ СТАЛИНИЗМА

В 1930-е гг. социалистическая модернизация деревни проводилась форсированными темпами и в силу противодействия ей значительной части крестьянства, не готового хозяйствовать в предложенном властью формате, к прогнозируемым результатам не привела. Производительность труда колхозников и рабочих совхозов оказалась низкой. Капитальные вложения государства в сельское хозяйство были минимальными. Совхозы лучше обеспечивались техникой и имели больше квалифицированных кадров, но этих хозяйств создали на порядок меньше, чем колхозов, и существенную роль в сельхозпроизводстве они не играли. Главной производительной силой стали колхозы в форме сельскохозяйственных артелей, действовавших на принципах самоокупаемости в условиях натурального неэквивалентного обмена с государством и его жесткого диктата.

Продукцию колхозы сдавали в порядке обязательных госпоставок, которые исчислялись с каждого гектара закрепленной пашни, исходя из порайонных годовых норм, и оплачивались по низким заготовительным ценам. Технические культуры поставлялись в основном в рамках контрактации по отдельным расценкам. Излишки продукции могли закупаться по сравнительно более высоким ценам. Правда, госзакуп редко когда практиковался: сверхплановые объемы сельхозпродукции незаконно использовались региональной властью для выполнения повышенных заготовительных обязательств.

Значительная часть зерна отдавалась государственным МТС в рамках натуроплаты за механизированные работы. За комбайновую уборку и молотьбу машинами с хозяйств взималась фиксированная доля намолота. Другие виды операций оплачивались зерном по плавающим расценкам, которые привязывались к нескольким разрядам урожайности. Сельхозартели, обладавшие только простым конно-ручным инвентарем, не имели права отказаться от услуг станций.

Одной из главных задач руководителей МТС являлось обеспечение роста поставок зерна государству по натуроплате. Для этого станции часто навязывали колхозам больший объем работ, нередко наиболее легких или наиболее высокооплачиваемых, независимо от необходимости. О реальном повышении качества механизированных операций не думали. Предпочитали не тратить время и силы на сложную,

трудоемкую и низкооплачиваемую работу на фермах и на овощных полях. К тому же специальной техники для нее не хватало. В целом уровень механизации животноводства, овощеводства, а также производства технических культур, в отличие от зерноводства, оставался минимальным.

Стоимость всего объема сдаваемой государству натуроплаты была, как правило, меньше затрат на содержание МТС, поскольку урожайность колхозных полей оставалась низкой. Убытки станций компенсировались низкооплачиваемыми обязательными поставками и другими платежами колхозов.

Кроме проведения механизированных работ и сбора зерна в порядке натуроплаты МТС занимались учетом трудовых затрат, распределением дохода, соблюдением правил агротехники. В 1933–1934 и 1941–1943 гг. при станциях функционировали политотделы.

Работники станций по сравнению с колхозниками имели более высокий социальный статус, который проявлялся, в частности, в получении ими регулярной зарплаты, гарантированной государством. Колхозники по-прежнему трудились на общественных полях и фермах, выполняя навязанный государством низкооплачиваемый обязательный минимум выработки трудодней. Основным источником доходов колхозников были небольшие личные подсобные хозяйства (ЛПХ).

Верховная власть ослабляла давление на деревню и оказывала ей материальную помощь только тогда, когда та была на пороге или в условиях голода (начало 1930-х и середина 1940-х гг.). Но по мере улучшения ситуации прессинг на деревню снова возрастал.

Во властных кругах рассматривались предложения по либерализации аграрной системы. В Совете по делам колхозов при правительстве СССР во главе с А.А. Андреевым изучались рекомендации о том, как улучшить работу МТС и расширить полномочия колхозов в распоряжении техникой и своими доходами, в планировании и организации производства. В 1951 г. В.Г. Венжер и доцент МГУ А.В. Санина рекомендовали И.В. Сталину передать технику МТС колхозам. В 1952 г. комиссия ЦК КПСС (А.А. Андреев, Н.И. Игнатов, А.И. Микоян и Н.С. Хрущев), созданная для разработки мер по преодолению кризисных явлений в животноводстве, предложила, в частности, повысить заготовительные цены на мясо, молоко, шерсть. Но все эти инициативы реализованы не были. Повышать производительность колхозов предпочитали путем очистки хозяйств от «тунеядцев», укрупнения предприятий, увеличения прессинга на личные подсобные хозяйства (ЛПХ) и пр. Аграрная политика в целом была скорректирована только после смерти И.В. Сталина.

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЗАГОТОВОК И ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

В середине 1950-х гг. активно стал рассматриваться вопрос о реформировании механизма заготовок и ценообразования, так как, несмотря на заметный рост цен, он не создавал у колхозов стимулы к развитию производства и порождал диспропорции. Финансовые средства, поступающие в колхозный сектор по каналам обязательных поставок, госзакупа и контрактации, распределялись в нем неравномерно. Значительная часть сельхозартелей, не имея достаточных излишков, сдавала продукцию по заготовительным ценам и поэтому получала доходы, не позволявшие повысить оплату труда колхозников и делать накопления. В 1954 г. в СССР низкодоходными были 45 % колхозов, 40 % хозяйств выдавали на трудодень менее 1 кг зерна, 37 % – менее 1 руб.³ Особенно много отстающих сельхозартелей было в районах Центрального Черноземья. Колхозы здесь занимались в основном животноводством и овощеводством, которые были слабо механизированы и требовали больших затрат живого труда. Низкодоходными оставались и зернопроизводящие хозяйства. Продуктивность скота и пашни была невысокой. Зато колхозы Сибири, вовлеченные в освоение целины, осуществлявшееся за счет средств государства и позволявшее резко увеличить валовые сборы хлеба, располагали значительными зерновыми излишками и, поставляя их в рамках госзакупа по высоким закупочным ценам, стремительно наращивали свои доходы. При этом развивать животноводство и овощное хозяйство им было неинтересно. Кроме того, получалось, что в урожайные годы для государства колхозный хлеб возрастал в цене, что противоречило базовой задаче целинной кампании – получить большое количество дешевого хлеба.

В связи с этим ценовые показатели приходилось корректировать. В июне 1955 г. закупочную цену на зерновые культуры понизили на 15 % и в 2,5 раза подняли расценки по обязательным зернопоставкам. В ноябре этого года были увеличены заготовительные и закупочные цены на свинину, в декабре – на говядину, в январе 1956 г. – на картофель и прочие овощи [7, с. 65–67].

Совершенствование системы отношений государства с колхозами стало возможным после ухода Г.М. Маленкова с поста председателя Совета Министров СССР (февраль 1955 г.). Ее реформирование связывалось с развитием научных исследований в сфере аграрной экономики. 4 апреля 1955 г. правительство приняло постановление «Об улучшении на-

учной работы в области экономики сельского хозяйства»⁴, в котором предлагалось основные усилия научных работников АН СССР и экономических кафедр вузов направить, в частности, на разработку проблем ценообразования, накопления и распределения доходов внутри колхоза. При Министерстве сельского хозяйства СССР создавался Всесоюзный научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства (ВНИИЭСХ).

Ученые-экономисты предложили все каналы поступления государству продукции колхозов свести к одному – к государственным закупкам, осуществлявшимся по единым ценам, чтобы позволить хозяйствам восполнять издержки и создавать накопления. ВНИИЭСХ высчитал себестоимость колхозной продукции, которая оказалась довольно высокой и после 1953 г. в целом заметно выросла. В Сибири в 1954–1956 гг. среднегодовые денежные затраты на выпуск 1 ц кормовых единиц, волокна льна-долгунца, мяса и молока были выше, чем в 1953 г., на 20 %. Трудоней в животноводстве в эти годы затратили больше на 15 %. Зато себестоимость зерна снизилась на 3 %, картофеля – на 16 %⁵.

Тем не менее реформе системы ценообразования был дан зеленый свет. К концу мая 1958 г. Комиссия ЦК КПСС по вопросу введения нового порядка и условий заготовок сельскохозяйственных продуктов подготовила проект новых единых цен. Окончательный вариант решения был представлен в правительственном постановлении от 30 июня 1958 г.⁶ Согласно этому документу, обязательные поставки, госзакуп, натуроплата МТС и контрактация отменялись и вводились государственные закупки. Планы по ним устанавливались на 5–7 лет с распределением заданий по годам. Новые единые закупочные цены, начинавшие действовать с 1 июля 1958 г., имели плавающий характер, т.е. могли понижаться или повышаться в зависимости от уровня урожайности. Ценовые нормы на зерновые культуры и продукты животноводства превосходили существовавшие средние реализационные цены (средний показатель между заготовительной и закупочной ценой). Расценки на льноволокно превысили прежние контрактационные. Зато по картофелю и подсолнечнику цены оказались несколько ниже средних реализационных. Новые цены

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Сб. постановлений Совета Министров СССР за 1955 г. Т. 1. Л. 179–180.

⁵ Себестоимость основных видов продукции колхозов. 1953–1956 гг.: стат. сб. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1470. Л. 1–93.

⁶ Постановление Совета Министров СССР № 690 от 30 июня 1958 г. «Об отмене обязательных поставок и натуроплаты за работы МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов» // ГАНО. Сб. постановлений Совета Министров СССР за июнь 1958 г. С. 219–260.

³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1561. Л. 27.

должны были существенно поднять доходы колхозов и позволить хозяйствам выкупить у государства технику МТС, реорганизация которых началась в апреле 1958 г. Как ожидалось, в руках одного хозяина техника будет использоваться более эффективно, что приведет к уменьшению затрат живого труда и себестоимости продукции в целом.

Реформа сделала выгодным для колхозов выращивание зерновых и технических культур, но животноводство оставалось убыточным. В РСФСР в целом в растениеводстве отношение выручки сельхозартелей от реализации товарной продукции к ее себестоимости в 1958 г. составляло 196 %, в животноводстве – 73, в Западной Сибири – соответственно 221 и 75 % [13, с. 221]. В следующем пятилетии рентабельность растениеводства снизилась, что стало следствием роста себестоимости продукции, обусловленного увеличением расходов на выкуп у МТС машинного парка и на его содержание (цены на машины, топливо, запчасти и ремонт выросли), а также на обеспечение всем необходимым механизаторов. Вопреки ожиданиям техника в колхозах использовалась не лучшим образом (см. ниже).

На рубеже 1950–1960-х гг. правительство снижало закупочные цены и увеличивало штрафы за поставку продукции пониженного качества, из-за чего финансово-экономическое состояние колхозов ухудшалось. Заготовительные планы хозяйств необоснованно увеличивались через механизм повышенных социалистических обязательств. В 1961 г. после выявления многочисленных фактов фальсификации документации по закупкам в регионах заготовительный механизм был скорректирован: с целью усиления контроля над организацией закупок при Совете Министров СССР учреждался Государственный комитет заготовок и вводилась система контрактации всех видов продукции.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ МАШИННО-ТРАКТОРНЫХ СТАНЦИЙ

Одним из важнейших вопросов аграрной политики первых постсталинских лет был вопрос о путях развития машинно-тракторных станций. Перед МТС правительство Г.М. Маленкова поставило большую задачу – завершить механизацию сельского хозяйства и за счет этого повысить продуктивность и доходность колхозов. Для ее реализации в конце 1953–1954 г. станции получили немалые финансовые, кадровые и материально-технические резервы. Правда, значительная часть средств досталась МТС целинных регионов. Отдача от этих вложений из-за распыления ресурсов по огромной территории оказалась ниже ожидаемой. Уровень механизации животноводства, овощеводства и производства технических культур поднимался медленно.

МТС по-прежнему себя не окупали. В 1954 г. станции зоны Урала сдали столько же хлеба, сколько в 1940 г., а в 1955 г. – только 79 % от этого уровня. При этом с 1940 по 1955 г. тракторный парк уральских МТС увеличился в 2 раза, объем тракторных работ и затрат на их производство – в 3 раза, размеры основных средств производства – в 5 раз⁷. В условиях реализации «нового курса» правительства с убыточностью МТС уже трудно было мириться.

Судьба МТС, по сути дела, была решена уже в 1955 г., когда начал разрабатываться план введения для колхозов единых цен. Сельхозартели стали рассматриваться как приоритетный объект для вложения средств. Объемы ассигнований на развитие МТС сокращались. В 1956 г. начался перевод станций на хозрасчет. Широко распространенным способом повышения производительности МТС стало их укрупнение. Многие предприятия вовсе ликвидировались, а их ресурсы передавались на баланс совхозов, на которые теперь делалась ставка⁸.

Верховная власть рассматривала и другие пути перестройки системы МТС. В декабре 1955 г. в Президиум ЦК КПСС поступила записка начальника планово-финансового отдела Главного управления МТС Урала К.Д. Карпова⁹, в которой обосновывалась целесообразность объединения фондов МТС с фондами колхозов для создания государственно-кооперативных сельхозпредприятий под названием соцхозы (социалистические хозяйства). Данные хозяйства объявлялись переходной формой между колхозами и совхозами и позволяли существенно сократить управленческий аппарат, устранить разногласия по производственно-техническим вопросам, ликвидировать неравенство в оплате труда между работниками МТС и колхозниками, создать у них стимулы к труду, сохранить и с большей отдачей использовать техническую и кадровую базу МТС. С похожими предложениями в декабре 1957 г. к Н.С. Хрущеву обратился директор Потокской МТС Полтавской области Украинской ССР А. Гречуха. В его записке речь шла о создании на базе МТС и колхозов нового типа хозяйств – госкоопхозов¹⁰.

В ЦК КПСС к планам объединения МТС и сельхозартелей относились весьма скептически, хотя повсеместно проводилось слияние нескольких неболь-

⁷ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 46. Д. 66. Л. 62.

⁸ Совхозное строительство, осуществлявшееся в 1954–1955 гг. в основном на целине, в 1956 г. выходило на новый уровень: государственные хозяйства стали создаваться в старопашотных районах вокруг городов с целью наращивания производства мяса, молока, яиц и овощей для горожан. Совхозный сектор расширялся за счет экономически слабых колхозов.

⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 66. Л. 51–122.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 8398. Л. 3–18.

ших колхозов в более крупное хозяйство. Тем не менее поиски новых форм взаимоотношений между МТС и сельхозартелями санкционировались. В 1956–1957 гг. использовались такие организационные приемы, как введение вместо двух руководителей – директора МТС и колхозного председателя – общего управляющего, одновременно ведавшего делами и колхоза, и станции. Предпринимались попытки соединения бригад МТС с бригадами колхозов. В некоторых районах техника передавалась сельхозартелям в порядке аренды на сезон, имели место случаи ее продажи высокодоходным хозяйствам. Все эти эксперименты, как правило, способствовали повышению производительности сельхозмашин.

Однако Н.С. Хрущев верил, что колхозы благодаря повышению цен на их продукцию, снижению налогов, расширению кредитования, увеличению размеров хозяйств и «укреплению» председателеского корпуса за счет «тридцатитысячников» (см. ниже) уже достаточно сильны и готовы выкупить у государства и успешно эксплуатировать сельхозмашины. Поэтому он не видел необходимости медлить с реформой и настаивал на проведении ее в обязательном и ускоренном порядке. Однако на заседании комиссии по вопросам реорганизации МТС (начало февраля 1958 г.) главу партии убедили в том, что спешить с продажей техники сельхозартелям не стоит и необходимо опираться на принцип добровольности. В правительственном постановлении от 18 апреля 1958 г.¹¹, определившем конкретные меры по реорганизации МТС, речь шла об оплате колхозами полученных машин в течение двух–пяти лет и о выделении на эти цели специальных кредитов.

И все же покупка техники МТС не стала для сельхозартелей добровольной и продолжительной экономической операцией, как планировалось, а превратилась в обязательную и скоротечную политико-хозяйственную акцию. Большая часть сельхозмашин под давлением верховной власти и лично Н.С. Хрущева была выкуплена уже в 1958 г.

Потенциал колхозов глава партии явно переоценил: в результате форсированного выкупа сельхозмашин финансовая система большинства сельхозартелей оказалась подорвана, что дало новый толчок к укрупнению хозяйств. Значительная часть технических и кадровых ресурсов из-за отсутствия нормальных условий для их использования была потеряна. Производительность комбайнов и тракторов снизилась. В колхозах Алтайского края в 1964 г. дневная выработка условного трактора была в 2 раза ниже,

чем в МТС в 1957 г. [14, с. 211] Сеть ремонтно-технических станций (РТС), созданная в 1958 г. для обслуживания колхозов, со своей задачей не справлялась, так как включала сравнительно небольшое число предприятий. Стоимость ремонтных работ оказалась высокой, поэтому сельхозартели предпочитали чинить технику своими силами. Качество кустарного ремонта оставляло желать лучшего. В 1961 г. все организации материально-технического обслуживания колхозов стали частью большой государственной структуры – Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника».

«РАСШИРЕНИЕ» КОЛХОЗНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

После смерти И.В. Сталина верховное руководство попыталось расширить самоуправление колхозов. Его развитию должна была способствовать реализация правительственного постановления от 23 июня 1954 г., которое разрешало общим собраниям колхозников по своему усмотрению устанавливать размеры обязательного минимума трудодней для трудоспособных работников¹². На функционировании общественного производства выполнение этих указаний отразилось в общем негативно, так как в большинстве случаев колхозники определяли для себя пониженные трудовые минимумы. Так, 6 января 1955 г. газета «Советская Сибирь» (Новосибирская область) сообщала, что в сельхозартеле «Знамя коммунизма» Чановского района, согласно решению общего собрания, каждому трудоспособному работнику следовало выработать 130 трудодней, тогда как только в растениеводстве для выполнения всех работ требовалось не менее 200. В колхозах им. Ворошилова и им. Молотова Ояшинского района работники, не выполнившие минимума трудодней, пользовались всеми льготами, определенными для колхозников, выработавших необходимое количество трудодней¹³.

Численность тех, кто уклонялся от работы в колхозном хозяйстве, заметно возрастала. В Омской области в 1953 г. доля трудоспособных колхозников, не выполнивших минимума, от общего числа способных к труду работников колхозов составила 8,4 %, в 1954 г. – 10,4, в 1955 г. – 12,3, в 1956 г. – 10,3 %¹⁴. От занятости в артельном производстве уклонялись в основном женщины. Причем не всегда их невыход на работу был связан с уходом за детьми и другими ува-

¹¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 апреля 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» // ГАНО. Сб. постановлений Совета Министров СССР за апрель 1958 г. С. 165–179.

¹² Постановление Совета Министров СССР от 23 июня 1954 г. «Об обязательном минимуме трудодней для трудоспособных колхозников» // ГАНО. Сб. постановлений Совета Министров СССР за 1954 г. Т. 3. Л. 151.

¹³ Обязательный минимум трудодней // Сов. Сибирь. 1955. 6 янв.

¹⁴ Исторический архив Омской области. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 1227. Л. 43, 48, 373, 519, 532, 540, 547, 548.

жительными причинами. Многие колхозницы активно занимались домашним производством. Из-за уклонения женщин от работы в колхозе в первую очередь страдало общественное животноводство, где преобладал ручной женский труд. По темпам роста производства мяса, молока и яиц колхозное хозяйство отставало от личного сектора сельской экономики.

В колхозах пришлось спешно наводить порядок. 6 марта 1956 г. было принято партийно-правительственное постановление¹⁵, которое разрешало колхозным собраниям вносить изменения в уставы сельхозартелей, в частности, устанавливать минимум трудодней и размеры ЛПХ колхозников. Эта работа проводилась уже под более плотным контролем партийных органов, поэтому уставы скорректировали «правильно». Трудоспособные мужчины, а также женщины, не имевшие малолетних детей, получали повышенные трудовые нормы. Для колхозниц с малолетними детьми вводились пониженные нормативы. Несовершеннолетним, инвалидам и престарелым минимум не устанавливали. Оговаривался порядок их материального обеспечения¹⁶. Крестьяне должны были получать ежемесячные авансы, а особо отличившиеся – дополнительные выплаты, которые устанавливались по решению общего собрания. Объемы этих начислений регулировало отдельное постановление¹⁷. Для трудоспособных работников, без уважительных причин не выработавших норму, стоимость трудодня уменьшалась на 25 %. Размеры их личных подворий сокращались. Надел уменьшался также у пенсионеров и колхозников, члены семей которых работали в государственных организациях, находились на учебе или в армии¹⁸. Таким образом, под вывеской демократических процедур государство вводило свои правила игры: усиливало давление на «тунеядцев», ограничивало ЛПХ селян и создавало стимулы для хорошо работавших колхозников.

Совершенно формальным оказалось долгожданное «расширение» прав колхозов в планировании своего производства, предусмотренное партийно-правительственным постановлением от 9 марта 1955 г.¹⁹ Предоставленные сельхозартелям полномо-

чия определять размер посевных площадей по культурам и продуктивность и количество скота по видам остались только на бумаге. Вопросы о том, что и где сеять и как использовать скот, по-прежнему решали не колхозы, а вышестоящие органы власти.

Таким образом, движение в сторону производственной самостоятельности колхозов останавливало стремление руководства решать хозяйственные вопросы как боевую задачу с помощью мобилизации ресурсов. Для Н.С. Хрущева более эффективным средством повышения трудовой дисциплины и активности селян являлось усиление административного контроля над хозяйствами, поэтому совсем не случайно в 1955 г. он санкционировал отправку в деревню «десанта» из посланцев КПСС – «тридцатитысячников», которые должны были занять в хозяйствах руководящие посты и разъяснять крестьянам суть принимаемых властью директив, организовать их выполнение и перевыполнение. Значительная часть «тридцатитысячников» не имела сельскохозяйственного образования и опыта работы в качестве руководителей хозяйств, поэтому качество управленческой работы новых председателей в целом было низким.

«Тридцатитысячники» и укрупнение колхозов окончательно ликвидировали остававшиеся в хозяйствах элементы артельной демократии. Общее собрание колхозников уже мало что решало, зато повышалось влияние председателя. В связи с преобразованием сельхозартелей в совхозы централизация управления сельхозпроизводством еще более усилилась. В 1962 г. она возросла благодаря созданию территориальных колхозно-совхозных управлений.

АНТИКРИЗИСНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

В целом на рубеже 1950–1960-х гг. экономические факторы стимулирования производства сельхозпродукции отошли на второй план. Подъем отрасли больше связывался с использованием идейно-политических механизмов. В 1957 г. началась кампания по реализации задачи – догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения. Вера в историческую обоснованность и успешность этой акции должна была побуждать трудящихся к высокорезультативному труду. Немалые масштабы приобрело распространение посевов кукурузы и совхозное строительство. На эти мероприятия расходовались значительные средства, которые не приносили прогнозируемой отдачи.

При этом колхозники оставались самой низкооплачиваемой категорией советских граждан. По сравнению со сталинской эпохой их заработок, конечно, существенно увеличился. В Сибири, например, за пять постсталинских лет стоимость трудодня подня-

¹⁵ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» // [15, с. 605–611].

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-310. Оп. 1. Д. 6623. Л. 87–89.

¹⁷ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах» // [15, с. 603–605].

¹⁸ ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 6623. Л. 87–89.

¹⁹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 марта 1955 г. «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» // [15, с. 365–370].

лась в 5 раз. Колхозы постепенно переходили на гарантированную оплату труда без трудодня, как в госпредприятиях. В РСФСР в 1958 г. ее использовали 43 % хозяйств, в 1960 г. – 21, в 1962 г. – 26 %. Однако доходы рядовых колхозников были в 10–20 раз ниже доходов колхозных начальников и примерно в 2 раза меньше, чем у рабочих и служащих²⁰.

Кризисные явления в сельском хозяйстве нельзя было не замечать. Их преодоление Н.С. Хрущев связывал с проведением ряда административных мер: помимо вышеупомянутой централизации системы закупок, материально-технического обслуживания колхозов и управления сельхозпредприятиями в сельскую местность перенесли Министерство сельского хозяйства и ряд аграрных вузов, навязывалась пропашная система земледелия, распахивались посеvy трав и пары, продолжались гонения на ЛПХ. Но все эти акции не давали нужного власти результата.

В связи с этим в 1962–1964 гг. ученые-экономисты – директор ВНИИСХОЗа К.П. Оболенский, консультант сельхозотдела ЦК КПСС Н.Я. Ицков, глава сектора экономических проблем сельского хозяйства Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР М.Я. Лемешев, академик ВАСХНИЛа С.Г. Колеснев – в своих аналитических записках рекомендовали Н.С. Хрущеву применить экономические рычаги подъема хозяйств. Предлагалось, в частности, отрегулировать уровень цен на продукцию, производимую колхозами, и изделия, получаемые ими от промышленности, поднять оплату труда колхозников, соблюдать принцип планирования «снизу», прекратить политику ограничения ЛПХ, использовать научно обоснованную агротехнику, ускорить развитие материальной базы сельского хозяйства [4, с. 186–189; 16, с. 109–119].

Главе партии пришлось согласиться с критикой некоторых своих инициатив и подходов и принять ряд предложений экспертов. В 1962 г. правительственное постановление от 17 мая 1962 г. повысило с 1 июня того года закупочные цены на скот и птицу (+35 %), животное масло (+10 %) и сливки (+5 %) ²¹, что положительно отразилось на работе колхозов. Правда, чтобы компенсировать убытки, которое несло государство при осуществлении этих мер, были повышены розничные цены на мясные продукты в

среднем на 30 %, на животное масло – на 25 %²². Подорожание этих товаров в условиях их дефицита вызвало открытое возмущение горожан. Наиболее известная протестная акция – демонстрация рабочих в Новочеркасске, разогнанная милицией 2 июня 1962 г.

Верховная власть продолжила помогать колхозам. Особое значение имело постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 марта 1964 г. «О мерах подъема экономики отстающих хозяйств» [17, с. 451–458], которое предусматривало выделение хозяйствам кредита для повышения оплаты труда механизаторам до уровня совхозных ставок, отмена части «выкупных платежей» за технику, существенное понижение подоходного налога и др. В июле 1964 г. вводилось гарантированное государством пенсионное обеспечение колхозников. В феврале 1964 г. были утверждены долгосрочные планы развития материально-технической базы сельского хозяйства. Гонения на ЛПХ прекратились только после отставки Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. В СССР в 1964 г. денежные доходы колхозов увеличились на 12 %, зарплата их работников – на 18 %. В Западной Сибири, где удалось собрать высокий урожай, – на 57 и 39 % соответственно²³. Принятая в марте 1965 г. аграрная программа исходила из необходимости дальнейшего использования экономических методов управления хозяйствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в период «хрущевского» десятилетия аграрный строй страны был реформирован: существенно изменилась конфигурация его несущих конструкций. В ходе этой перестройки были демонтированы основания сталинской аграрной модели – натуральные налоговые заготовки, система низкооплачиваемого принудительного труда колхозников, машинно-тракторные станции. Состоялся переход к закупкам сельхозпродукции по единым ценам, началось введение гарантированной денежной оплаты труда, колхозы получили в собственность сельскохозяйственную технику. Данные нововведения стали возможны благодаря инициативам таких ученых-экономистов, как В.Г. Венжер, К.П. Оболенский, Н.Я. Ицков, М.Я. Лемешев, С.Г. Колеснев. Они выступали за развитие и государственной, и групповой собственности на средства аграрного производства, личных приусадебных хозяйств, а также за введение «квазирыночных отношений», логика эволюции ко-

²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 269. Л. 120; Д. 310. Л. 96; Оп. 46. Д. 393. Л. 18; Д. 394. Л. 30.

²¹ Постановление Совета Министров СССР от 17 мая 1962 г. «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птицу, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное» // Консультант плюс. URL: [http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi? req=doc&b ase=ESU&n=35733#07337012446342126](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&b ase=ESU&n=35733#07337012446342126) (дата обращения: 23.03.2020).

²² Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о 31 мая 1962 г. «О некотором повышении цен на мясо, мясные продукты и масло» // Правда. 1962. 1 июня.

²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 366. Л. 131–136.

торых могла в перспективе привести к становлению рыночного механизма.

Реализации «либерально-реформаторского направления» аграрной политики препятствовало параллельное осуществление хрущевских левацких инициатив, предусматривавших в конечном итоге установление господства государственной собственности над групповой и личной, форсированную индустриализацию сельского хозяйства и использование мобилизационных практик решения производственных задач. Одно из важнейших аграрных мероприятий – реформа системы материально-технического обслуживания колхозов – по требованию Н.С. Хрущева было проведено в сжатые сроки без учета реальных возможностей хозяйств. Поэтому в краткосрочной перспективе к прогнозируемым ее разработчиками высоким экономическим результатам не привела. Колхозы не стали самостоятельными хозяйствующими субъектами, заинтересованными в наращивании производства и саморазвитии. Возможно, более последовательное и учитывающее местные особенности реформирование позволило бы получить лучший результат. Хотя, как показала управленческая практика, предоставление колхозам больших прав в распоряжении экономическими ресурсами мало когда способствовало необходимому росту сельхозпроизводства, поэтому верховной власти все равно пришлось бы вмешиваться в деятельность хозяйств и «толкать» их вперед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 35–49.
2. Зубкова Е.Ю. Маленков и Хрущев: личный фактор в политике послесталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4. С. 103–115.
3. Денисов Ю.П. Аграрная политика Н.С. Хрущева: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 115–122.
4. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М.: ИРИ РАН, 2001. 305 с.
5. Мотревич В.П. «Новый курс» в сельском хозяйстве СССР (к 1960-летию аграрной реформы 1953 г.) // Аграрный вестник Урала. 2013. № 8 (114). С. 36–38.
6. Коньшев Д.Н. Государственная политика ограничения личного подсобного хозяйства (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Российская история. 2011. № 3. С. 102–111.
7. Андреенков С.Н. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 256 с.
8. Пахомова Е.В. Освоение «второй целины»: попытка реализации «сверхпрограммы» в Оренбуржье // Самар. науч. вестн. 2019. Т. 8, № 3(28). С. 239–243. DOI 10.24411/2309-4370-2019-13221.
9. Томилин В.Н. Государство и колхозы: 1946–1964 гг. М.: АИРО-XXI, 2021. 448 с.
10. Коньшев Д.Н. Аграрные реформы периода оттепели 1953–1964 гг.: к постановке вопроса // Власть. 2020. Т. 28, № 2. С. 218–225. DOI 10.31171/vlast.v28i2.7160.
11. Андреенков С.Н., Ильиных В.А. Аграрный вопрос в 1950-е гг.: выбор модели решения // Экономическая история. 2014. № 2 (25). С. 76–87.
12. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации / Ильиных В.А., Андреенков С.Н., Рынков В.М. и др. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с.
13. Могильницкая К.И. Экономическое стимулирование колхозного производства Западной Сибири через заготовительные цены (1958–1965) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977. С. 217–234.
14. Казанцев А.В. Реорганизация МТС и формирование механизаторских кадров в колхозах Алтая (1958–1965 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977. С. 204–216.
15. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.) / сост. В.Н. Малин, А.В. Коробов. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 4: 1953–1957. 864 с.
16. Андреенков С.Н. Совхозно-колхозная система в первой половине 1960-х годов: проблемы развития и антикризисные рекомендации ученых-экономистов // Исторический курьер. 2021. № 4(18). С. 109–120. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-10.pdf>
17. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов / сост. К.У. Черненко и М.С. Смиртюкова. М.: Политиздат, 1968. Т. 5: 1962–1965 гг. 750 с.

REFERENCES

1. Rusinov I.V. Agrarian policy of the CPSU in the 1950s – the first half of the 1960s: experience and lessons. *Voprosy istorii KPSS*, 1988, no. 9, pp. 35–49. (In Russ.)
2. Zubkova E.Y. Malenkov and Khrushchev: a personal factor in the policy of the post-Stalin leadership. *Otechestvennaya istoriya*, 1995, no. 4, pp. 103–115. (In Russ.)
3. Denisov Yu.P. N.S. Khrushchev's agrarian policy: results and lessons learned. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 1996, no. 1, pp. 115–122. (In Russ.)
4. Zelenin I.E. N.S. Khrushchev's agrarian policy and agriculture. Moscow, IRI RAN, 2001, 305 p. (In Russ.)
5. Motrevich V.P. A "new course" in the USSR agriculture (to the 60th anniversary of the agrarian reform of 1953). *Agrarnyy vestnik Urala*, 2013, no. 8, pp. 36–38. (In Russ.)
6. Konyshchev D.N. State policy of limiting personal subsidiary farming (late 1950s – early 1960s). *Rossiyskaya istoriya*, 2011, no. 3, pp. 102–111.
7. Andreyenkov S.N. The state farm-collective farm system in Siberia in 1946: functioning and reforming. Novosibirsk, Sibprint, 2016, 256 p. (In Russ.)
8. Pakhomova E.V. The "second virgin land" development: an attempt to implement the "super program" in the Orenburg Region. *Samarskiy nauchnyy vestnik*, 2019, vol. 8, no. 3, pp. 239–243. (In Russ.)
9. Tomilin V.N. State and collective farms: 1946–1964. Moscow, AIRO-XXI, 2021, 448 p. (In Russ.)
10. Konyshchev D.N. Agrarian reforms of the "thaw" period of 1953–1964: to the problem statement. *Vlast'*, 2020, vol. 28, no. 2, pp. 218–225. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7160. (In Russ.)
11. Andreenkov S.N., Ilyinykh V.A. The agrarian question in the 1950s: the choice of model of solution. *Ekonomicheskaya istoriya*, 2014, no. 2, pp. 76–87. (In Russ.)
12. Ilyinykh V.A., Andreenkov S.N., Rynkov V.M., et al. Projects of transforming the agrarian system of Siberia in the XX century: the choice of ways and tools of modernization. Novosibirsk, Sibprint, 2015, 298 p. (In Russ.)
13. Mogil'nitskaya K.I. Economic stimulation of collective farm production in West Siberia through purchase prices (1958–1965). *Problemy istorii sovetskoy sibirskoy derevni*. Novosibirsk, 1977, pp. 217–234. (In Russ.)

14. Kazantsev A.V. Reorganizing MTS and formatting the personnel of agricultural machinery operators in the Altai collective farms (1958–1965). *Problemy istorii sovetskoy sibirskoy derevni*. Novosibirsk, 1977, pp. 204–216. (In Russ.)

15. Malin V.N., Korobov A.V. (comps.). Directives of the CPSU and the Soviet government on economic issues (1917–1957). Vol. 4: 1953–1957. Moscow, Gospolitizdat, 1958, 864 p. (In Russ.)

16. Andreenkov S.N. The state and collective farm system in the first half of the 1960s: development problems and anti-crisis recommendations of scientists-economists. *Istoricheskiy kur'er*, 2021, no. 4, pp. 109–120. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-10.pdf> (accessed 25.08.2021). (In Russ.)

17. Chernenko K.U., Smirnyukova M.S. (comps.) Decisions of the party and the government on economic issues, vol. 5: 1962–1965. Moscow, Politizdat, 1968, 750 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.11.2021

Дата рецензирования 08.11.2021

Статья принята к публикации 14.11.2021

DOI: 10.15372/HSS20210411

УДК 314(47)

О.А. ЕФАНОВА

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ РИСКОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ¹

Институт социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра
РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН),
РФ, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект 32

В статье рассматриваются процессы демографического старения населения России с позиции выявления ресурсного потенциала пожилых людей. Возможность включения людей старшего возраста в модернизационные процессы обусловлена степенью их активности в разных сферах. В связи с этим требуется изучение различных сторон ресурсного потенциала пожилых людей, к которым относятся здоровье, образовательно-квалификационный уровень, мотивация к трудовой деятельности, социальные связи, уровень материального благосостояния. На основе выделенных элементов ресурсного потенциала автором предлагается структура инструментария обследования пожилого населения на предмет выявления его ресурсного потенциала.

Ключевые слова: старение населения, ресурсный потенциал, риски демографического старения, здоровье, продолжительность жизни, продолжительность здоровой жизни, образовательно-квалификационный потенциал, непрерывное образование, мотивация труда, социальный потенциал.

O.A. EFANOVA

RESOURCE POTENTIAL OF THE ELDERLY POPULATION OF RUSSIA AS A FACTOR IN OPTIMIZING THE RISKS OF DEMOGRAPHIC AGING

Institute for Socio-Economic Problems of Population
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
(ISEPN FNISTS RAS),
32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117218, Russian Federation

The world has recently seen a constant and intensive increase of the elderly population size. The process of the population demographic aging has affected all countries that have embarked on the path of demographic transition, including our country, it is accompanied by the older people's growing activity. The author aims to identify the concept of the heuristic possibilities of the concept of the older generation's resource potential, that makes it possible to consider older people as the productive members of the society, to study risks of demographic aging in Russian regions. To achieve the goal, the author analyzes the resource potential components, such as health, educational, qualification, motivational and social ones and their current status in the Russian elderly population, in general and in the regional context. The study is based on data of state statistics bodies, state authorities and results of sociological surveys of the elderly population. The analysis has shown the lack of statistical data to determine the level of the elderly population's social potential, because the older generation's activity level in various spheres plays an important role in its condition. In this regard, it is necessary to carry on surveys of older people to identify their activity in maintaining their health, and other components of the resource potential. The resource potential's structural elements analysis is the base to develop methods and tools for such surveys, and their results allow characterizing the level of older people's resource potential in the regions deeply and comprehensively.

Key words: population aging, resource potential, risks of demographic aging, health, life expectancy, healthy life expectancy, educational and qualification potential, continuing education, labor motivation, social potential.

¹ Исследование поддержано РФФИ, проект № 20-010-00036А «Методология оценки рисков и возможностей адаптации к процессу демографического старения в субъектах Российской Федерации».

Ольга Алексеевна Ефанова – канд. филос. наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, e-mail: olga_efanova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4796-722X>.

Olga A. Efanova – Candidate in Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory of Gender Problems, Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Демографическое старение населения стало сегодня одной из наиболее значимых социальных трансформаций, оказывающих влияние практически на все сферы жизни общества. Под демографическим старением понимается изменение в возрастной структуре населения, выражающееся в увеличении доли пожилых людей в общей численности населения. Это фундаментальный процесс, определяющий изменение возрастной структуры населения всех стран, вступивших на путь демографического перехода.

В мире ежегодно увеличивается количество лиц, достигших преклонного возраста, причем процесс старения становится все более интенсивным. В 2017 г. насчитывалось 962 млн граждан старше 60 лет. По прогнозам ООН, к 2030 г. их численность вырастет до 1,4 млрд чел., в 2050 г. – до 2,1 млрд чел., в 2100 г. – 3,2 млрд чел. В России на начало 2020 г. проживало 34,92 млн граждан старше 60 лет, что составляло 23,7 % населения страны. Прирост пожилого населения по сравнению с 2017 г. составил 2,4 %¹. Тенденции старения населения сопряжены с рядом рисков, а именно:

- увеличение расходов бюджетной системы на финансирование социальных обязательств, включая обязательства в области пенсионного обеспечения, социального и медицинского страхования, социального обслуживания пожилых людей;
- риски изменения параметров занятости и безработицы, а также характеристик рабочей силы, занятой в экономике;
- изменение потребительского спроса и его структуры под влиянием старения населения;
- недостаточно полный и точный учет проблем пожилого населения и их отражение в стратегических и программных документах Российской Федерации.

Перманентный рост пожилого населения ведет к трансформации рынка труда, вносит существенные коррективы в спрос на товары и услуги, предъявляет новые требования к здравоохранению, жилищному строительству, транспорту, социальной защите, ко всей системе социальных связей. Претерпевают изменения взаимоотношения между поколениями, структура семьи, меняются представления о месте и роли старшего поколения в обществе.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ЖИЗНЕННОМ ЦИКЛЕ ЧЕЛОВЕКА

Улучшение качества здравоохранения, охраны окружающей среды, повышение благополучия насе-

ления, развитие гендерного равенства и повышение доступности образования имели своим следствием не только повышение продолжительности жизни и снижение смертности, но и существенное изменение жизненного цикла человека. Экономическое и демографическое развитие, успехи в социальной политике привели к росту активности пожилых людей. Результатом осмысления учеными этого факта стал пересмотр традиционной классификации «детство–взрослость–старость». В 1970-е гг. американские геронтологи Б. Нейгартен и Э. Шанас разделили пожилых людей на две группы: «молодые старики» (the Young Old) и «старые старики» (the Old Old). Английский демограф П. Ланслетт предложил рассматривать жизненный цикл человека как состоящий из четырех стадий. Представители «третьего» возраста, соответствующие группе «молодых стариков», формально отнесены к пожилым людям. Однако они еще полны сил, энергии, состояние здоровья позволяет им плодотворно применять накопленный опыт, знания, умение действовать во благо себя и общества. Это необходимо учитывать при разработке политики и государственных программ, к чему призывают документы ООН.

Традиционные представления о стариках как немощных, выключенных из активной социальной деятельности и нуждающихся в помощи и уходе, относятся к «четвертому возрасту», т.е. к «старым старикам».

Несмотря на активное внимание к проблемам старения, ни наука, ни международные организации не выработали общепринятой трактовки пожилого возраста. Формально граница старости определяется законодательно установленным возрастом. В настоящее время в ЕС и в ОЭСР границей старости считают возраст, равный 65 годам, а в изданиях ООН используются два варианта – 60 и 65 лет. В России граница старости привязана к сроку выхода на пенсию: до 2019 г. – 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин, далее, согласно пенсионной реформе, пенсионный возраст будет плавно увеличиваться, достигнув к 2028 г. 60 лет для женщин и 65 лет – для мужчин.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПРОЦЕССА СТАРЕНИЯ

Процесс старения может оцениваться с позиции одного из двух сформировавшихся по этому вопросу подходов. В одном случае старение населения рассматривается с точки зрения социально-экономических издержек. При таком подходе пожилые люди неизбежно воспринимаются как социальный балласт, социальная нагрузка, отвлекающая значительные средства и тем самым замедляющая развитие. Этой позиции соответствует укрепившееся в общественном сознании негативное отношение к периоду ста-

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. На 1 января 2020 года: стат. бюл. М.: Росстат, 2020. С. 14.

рости, ассоциирующееся у большинства людей с беспомощностью, одиночеством, чередой болезней и малообеспеченностью. Однако такой подход противоречит приоритетным направлениям действий в отношении пожилых людей, определенным Мадридским международным планом действий по проблемам старения 2002 г.: обеспечение здравоохранения и благосостояния в пожилом возрасте; участие пожилых людей в развитии; обеспечение благоприятных и позитивных условий для людей всех возрастных групп².

В большей степени отвечает идеям, высказанным в мадридском плане, подход, согласно которому пожилые люди рассматриваются как продуктивные члены общества, способные вносить вклад в различные сферы жизни как полноценные участники социально-экономического развития. Такой подход реализуется в концепции ресурсного потенциала пожилого населения, разработанной ИСЭПН ФНИСЦ РАН. Ресурсный потенциал понимается в этой концепции как комплекс социально и личностно значимых характеристик пожилых людей. Он включает следующие компоненты: здоровье, образовательнo-квалификационный потенциал, мотивационный, социальный, материальный и институциональный компоненты, составляющие его основные структурные элементы [1, с. 8]. Предложенный социально-демографической школой Н.М. Римашевской подход позволяет глубоко анализировать качественные характеристики старшего поколения.

Процесс демографического старения имеет в России общие характеристики. К ним относятся низкий по сравнению не только с развитыми, но и рядом развивающихся стран показатель продолжительности жизни (как общей, так и особенно здоровой), гендерный дисбаланс соотношения полов, особенно заметный в старших возрастных группах. По данным Росстата на 1 января 2020 г., на 1000 мужчин старше трудоспособного возраста приходилось 2368 женщин³.

Вместе с тем для процесса демографического старения в России характерна значительная региональная дифференциация. Старение население наблюдается в 73 субъектах РФ, но при этом регионы существенно отличаются по уровню старости. Самыми «старыми» по доле населения старше трудоспособного возраста на 1 января 2020 г. стали Тамбов-

ская (30,3 %), Тульская (30,0 %) и Рязанская (29,7 %) области⁴.

ЗДОРОВЬЕ КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Важным показателем, характеризующим демографическое старение, является продолжительность жизни. Однако Стратегия действий в интересах граждан пожилого возраста в Российской Федерации до 2025 г., утвержденная в 2016 г. и нацеленная на активное долголетие, выводит на первый план проблему увеличения здоровой жизни.

Согласно определению ВОЗ, под «здоровой жизнью» понимается количество лет, которое родившийся человек может прожить без серьезных хронических и возрастных заболеваний, а также инвалидности. По данным исследования «Глобальное бремя болезней», опубликованным в медицинском журнале «The Lancet», Россия занимает последнее место в Европе по продолжительности здоровой жизни, а по рейтингу ВОЗ по средней продолжительности здоровой жизни она не входит и в число первых 100 стран. По данным ВОЗ, в России у мужчины первое хроническое заболевание обнаруживается в 52,8 года, женщина живет без хронических заболеваний в среднем до 64,1 года.

Посчитано, что здоровье и долголетие современного человека на 10 % зависит от здравоохранения, на 20 % – от наследственности, еще на 20 % – от экологии и состояния окружающей среды, а на 50 % – от образа и стиля жизни. Инвалидизация и болезни российского населения связаны, по мнению специалистов, прежде всего с курением, алкоголем, неправильным питанием и недостаточной физической активностью, т.е. с вредными привычками и отсутствием навыков здоровьесберегающего поведения и здорового образа жизни, что привело к значительному увеличению за последние 30 лет числа неинфекционных хронических заболеваний – прежде всего, ишемической болезни сердца, диабета и хронических болезней почек, больше всего влияющих на утрату здоровья.

По расчетам Минтруда, основанным на оперативных данных за январь–сентябрь 2020 г., и результатам выборочного наблюдения за состоянием здоровья населения, ожидаемая продолжительность здоровой жизни в России в 2020 г. составила 58,9 года. Причем максимальное значение этого показателя наблюдается в Республиках Дагестан (68,2 %), Татарстан (66,9 %) и Чеченской Республике (66,4 %), минимальное – в Ненецком автономном округе (Архангельской области) (43,9 %), Еврейской автономной

² Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года // Организация Объединенных Наций. 2021. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/aging_program.shtml (дата обращения: 20.05.2021).

³ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. На 1 января 2020 года: стат. бюл. М.: Росстат, 2020. С. 19.

⁴ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. На 1 января 2020 года: стат. бюл. М.: Росстат, 2020. С. 17.

области (48,3 %), Республике Марий Эл (49,9 %)⁵. Росстатом этот показатель был рассчитан впервые в 2019 г. на основе данных о смертности населения и оценке респондентами Выборочного наблюдения состояния здоровья населения. По оценке Росстата, в 2019 г. ожидаемая продолжительность здоровой жизни россиян (далее ОПЗЖ) составляла 60,3 года. Самый высокий показатель ОПЗЖ по этим расчетам ожидался в Республике Ингушетия (67,2 %), самый низкий – в Чукотском автономном округе (49,1 года)⁶. При этом, согласно майским указам Президента РФ за 2018 г., к 2024 г. ОПЗЖ должна составить 67 лет.

Состояние здоровья является базовым элементом оценки ресурсного потенциала пожилых людей. Поставленная в правительственных документах задача достижения активного долголетия требует изучения ресурсного потенциала старшего поколения. С этой точки зрения важны не только статистические данные, которые не всегда являются достаточными. Например, Росстат не приводит данных о гендерной специфике ожидаемой продолжительности здоровой жизни, не предусматривается ее учет и в показателях национальных проектов. Изучение ресурсного потенциала российского пожилого населения в целом и его региональных особенностей в частности предполагает выявление степени активности людей старшего возраста по сохранению и поддержанию своего здоровья.

Исследования показывают, что здоровье пожилых россиян хуже, чем у их ровесников в Европе, США и странах БРИКС, в том числе и по причине несформированной у старшего поколения России ответственности за свое здоровье, что приводит к недостаточной активности пожилых людей в стремлении следовать здоровьесберегающему поведению. Так, доля пожилых, занимающихся физкультурой и спортом, составляет менее 20 %⁷, доля же курящих людей старше 55 лет, согласно данным опроса Левада-центра, проведенного 20–30 сентября 2020 г., превышает эту цифру. Курят 23 % населения старше 55 лет, причем доля курящих среди пожилых людей практически не изменилась с 2004 г., когда эта привычка была распространена среди 21 % населения старшего возраста.⁸

⁵ Посчитана ожидаемая продолжительность жизни в России. URL: <https://news.rambler.ru/sociology/45248028-podschitana-ozhidaemaya-prodolzhitelnost-zdorovoy-zhizni-v-rossii> (дата обращения: 22.05.2021).

⁶ Росстат впервые оценил продолжительность здоровой жизни россиян. URL: <https://news.rambler.ru/sociology/43137774-rosstat-vpervye-otsenil-prodolzhitelnost-zdorovoy-zhizni-rossiyan/> (дата обращения: 22.05.2021).

⁷ Пять научных фактов о пенсионерах // IQ HSE. ru Научно-образовательный портал. 2016. URL.: <https://iq.hse.ru/news/192109471.html> (дата обращения: 21.05.2021).

⁸ Курение в России // Левада-центр. 2020. URL.: <https://www.levada.ru/2020/11/19/kurenie-v-rossii-2/> (дата обращения: 19.12.2021).

В 2019 г., согласно рейтингу приверженности вредным привычкам, опубликованному «РИА Новости», больше всего употребляли алкоголь и табак в Магаданской и Сахалинской областях и Республике Хакасия. В топ-5 регионов по приверженности вредным привычкам вошли также Республика Бурятия и Амурская область. Менее всего подвержены вредным привычкам на Кавказе, в Чеченской Республике, республиках Дагестан и Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республике. Замыкает пятерку регионов с низким уровнем распространенности вредных привычек Тамбовская область.

Важным фактором поддержания здоровья пожилых людей является регулярное прохождение ими диспансеризации. По итогам 2019 г., профилактические осмотры, включая диспансеризацию, прошли 34,2 % граждан старше трудоспособного возраста⁹. Среди регионов, согласно статистике Минздрава, самый низкий охват всего населения диспансеризацией в 2019 г. зафиксирован в Севастополе (26 %). Вторую и третью строчки снизу заняли Еврейская автономная область (28 %) и Томская область (33 %), Москва заняла шестое место – 38 %.¹⁰ Более подробных данных об охвате пожилых людей диспансеризацией в регионах в открытом доступе найти не удалось. Таким образом, активность граждан пожилого возраста в прохождении диспансеризации или выявление причин отказа от регулярных осмотров в регионах нуждается в специальном исследовании.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-КВАЛИФИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Старшее поколение становится все более образованным. В 2017 г. около четверти граждан в возрасте 50 лет и старше имели высшее образование. Однако анализ образовательно-квалификационного потенциала пожилых людей, в том числе в регионах, как элемента ресурсного потенциала не исчерпывается данными об уровне образования и квалификации этой группы населения. Задачи технологической модернизации страны требуют выстраивания системы непрерывного образования. Развитие системы непрерывного образования помогает странам ЕС противостоять вызовам старения населения. В России эта система еще только формируется. Особенно невелика включенность в нее людей зрелого возраста. Только 8 % граждан 55–64 лет учатся в этой системе, в то время как в Европе обучаются 27 % их ровесников [2, с. 86]. Население России, особенно пожилое, еще

⁹ Доклад о результатах комплексного мониторинга социально-экономического положения пожилых людей // Минтруд России 2020. URL.: <https://mintrud.gov.ru/social/270> (дата обращения: 25.05.2021)

¹⁰ Москва оказалась в десятке худших регионов по охвату диспансеризацией. URL: <https://news.ru/russia/dispenserizaciya-ohvat/> (дата обращения: 24.05.2021).

не привыкло несколько раз переучиваться за свою трудовую жизнь, в то время как именно способность людей учиться новому обеспечивает сейчас качество жизни людей в любом возрасте. Непрерывное образование способно стать важным условием продолжения активной социальной жизни пожилых людей, помогая сохранять и вновь приобретать необходимые компетенции, что значительно повышает шансы профессиональной реализации в любом, в том числе и в пожилом возрасте. В связи с этим для выявления социального потенциала пожилого населения в регионах необходимо изучение желания лиц старше трудоспособного возраста стать активным участником системы непрерывного образования и возможности реализовать это стремление в сфере трудовой занятости. Однако исследования ВШЭ показывают, что граждане старших возрастов хотят получать знания и навыки, не имеющие прямого отношения к занятости, например, иностранный язык, гуманитарное образование, юридические знания.

Повышение пенсионного возраста породило настоятельную потребность в ревизии знаний и умений граждан, находящихся в предпенсионном возрасте, на предмет их соответствия требованиям современного рынка труда. Созданная система профессионального обучения и дополнительного профессионального образования предпенсионеров предусматривает обучение 450 тысяч лиц предпенсионного возраста, однако, по мнению экспертов рабочей группы «Социальная политика и повышение качества социальных услуг», созданной при правительстве РФ, в переобучении нуждаются примерно 1,5 млн предпенсионеров. Это обстоятельство требует включения группы предпенсионеров в объект изучения ресурсного потенциала старшего поколения и ставит задачу выявления потребности и возможностей их обучения в регионах.

МОТИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Важным компонентом ресурсного потенциала пожилых людей является мотивационный потенциал, который представляет собой осознание социальных ценностей, лежащих в основе выбора той или иной (пассивной или активной) жизненной стратегии людей зрелого возраста. Реализованный мотивационный потенциал воплощается в занятости людей пожилого возраста [1, с. 24]. Общее число российских пенсионеров в 2020 г. составило 46 198 чел. Из них работающих пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда РФ, – 9315 чел., или 21,4 % всех пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда РФ. Доля работающих пенсионеров уменьшилась по сравнению с 2019 г. на 0,6 % (22,0 %), а по сравнению с 2017 г. – на 1,5 %. Количество работающих пенсионеров заметно уменьшилось после вступления в силу Федерального закона от

29.12.2015 г. № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий», предусматривающих не индексацию пенсий работающим пенсионерам. В 2016 г. их доля в числе пенсионеров составляла 35,7 %, а в 2017 г. – только 22,9 %. Таким образом, за прошедшие пять лет численность работающих пенсионеров уменьшилась на 14,3 %, что противоречит растущей потребности экономики в активном включении работников старшего возраста в трудовую деятельность.

Официальные данные Росстата не позволяют увидеть динамику экономической активности пенсионеров в разных возрастных группах после 60 лет. Данные обследования населения по проблемам занятости отражают лишь уровень участия в рабочей силе женщин в первые пять лет после выхода на пенсию. Реализация стратегии активного долголетия требует четкого ответа на следующие ключевые вопросы:

1) насколько рынок труда заинтересован в лицах пожилого возраста (в том числе пенсионного);

2) имеет ли он возможность увеличить численность работников за счет этой категории населения.

Исследования данной проблемы показывают, что спрос на труд старшего поколения в России не сформирован. К тому же работоспособность и конкурентоспособность работников пенсионного возраста крайне низкие. Это препятствует активному и полноценному включению пожилых людей в модернизационные процессы. В связи с этим пенсионеры часто занимают неквалифицированные рабочие места и все больше вытесняются в прекарную занятость. В отношении пожилых работников наблюдаются две противоположные тенденции. Недостаток в трудовых ресурсах заставляет привлекать к труду людей пенсионного возраста, но они же являются первыми кандидатами на сокращение. Их увольняют или переводят на другую должность, на 1/2 ставки и меньше с понижением статуса и зарплаты.

В то же время потребность самих пенсионеров в продолжении трудовой деятельности довольно велика. Как свидетельствуют данные опроса Роструда, более половины россиян (56,3 %) планируют продолжать работать после достижения пенсионного возраста. Продолжать работать по своей специальности хотели бы 30,1 % участников исследования, четверть опрошенных (25 %) хотели бы перейти на неполный рабочий день или на менее сложную работу¹¹. Одна-

¹¹ Более половины россиян хотят работать после выхода на пенсию // Известия. 2019. URL: <https://iz.ru/894876/2019-07-01/bolee-poloviny-rossiian-khotiat-rabotat-posle-vykghoda-na-pensiiu> (дата обращения: 27.05.2021).

ко, как показывают многочисленные исследования, занятость пенсионеров России представляет собой скорее вынужденное явление из-за их низкого уровня жизни. Пенсионеров чаще всего заставляет выходить на рынок труда низкий размер пенсии. Оказывает свое влияние и детоцентризм, являющийся наследием советской эпохи. По данным социологических опросов, 46 % пожилых людей продолжают трудиться, чтобы материально помогать детям и внукам. Эта мотивация далека от активного долголетия, для которого свойственно добровольное сохранение трудовой активности для достижения большего благополучия в пожилом возрасте.

Вместе с тем не только материальные причины мотивируют людей старшего возраста продолжать трудовую деятельность: 26 % стремятся таким образом избежать одиночества, 25 % задерживаются на рынке труда из-за интереса к работе. Таким образом, анализ мотивации к сохранению занятости пожилых людей является важным элементом выявления их ресурсного потенциала.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Социальный потенциал как часть ресурсного потенциала представляет собой способность людей старшего возраста поддерживать связь с ближайшим окружением: родственниками, детьми, друзьями, соседями. С выходом на пенсию социальные связи пожилого человека сужаются, круг общения ограничивается в основном ближайшими родственниками. Данные социологического исследования «Жизнь на пенсии» показывают высокий уровень социального потенциала пожилых людей. Почти три четверти опрошенных (74 %) заявили, что полностью удовлетворены отношениями с близкими [3, с. 65]. Сильная связь с семьей сегодня фиксируется многими социологическими исследованиями. При этом старшее поколение больше отдает, чем получает. Оказывают помощь детям 73 % пенсионеров. Чаще всего это помощь в уходе за внуками (49 %) и деньгами (47 %).

По результатам Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного Росстатом в 2018 г., 15,1 % лиц в возрасте 55 лет и старше осуществляют домашний уход за детьми (своими и чужими) без оплаты. Из них 10,8 % мужчин и 18,0 % женщин¹². Гораздо тяжелее приходится одиноким людям, не имеющим ближайших родственников или

имеющим детей, но не поддерживающим с ними связи. Пенсионеры нуждаются в поддержке со стороны родственников и близких друзей. Для них также важно выполнять свою социальную функцию по передаче опыта молодому поколению и помощи в воспитании детей. Одиночество пожилых людей может привести к глубокой депрессии, изменять их жизненные ориентиры, влиять на состояние здоровья и продолжительность жизни.

Важную роль в повышении социального капитала пожилых людей может сыграть овладение навыками пользования интернетом и современными гаджетами. В современном обществе на фоне развития концепции цифрового государства происходят повсеместная компьютеризация и цифровизация всех сфер повседневной жизни. Если же человек не может войти в русло этих процессов, происходит его постепенная социальная эксклюзия, прежде всего это касается пожилых людей. В 2018 г., согласно данным Росстата, половина россиян старше 55 лет пользовались интернетом, а треть из них являлись активными пользователями¹³. Конечно, они используют компьютер и интернет в 2 раза реже, чем молодые люди в возрасте 15–34 года, но тем не менее пожилые люди общаются в социальных сетях, совершают видеозвонки, ищут необходимую информацию, выясняют качество товаров и услуг. Около четверти (23,8 %) из них в возрасте 50 лет и старше, обращаются к интернету с целью заказа товаров и услуг. Количество пожилых людей, активно использующих интернет для этих целей, возросло по сравнению с 2015 г. на 6,2 % (в 2016 г. таких пользователей было 17,6 %). Таким образом, владение компьютером и интернетом является значимым показателем социального и образовательного потенциала пожилых людей.

На качество социального потенциала влияет институциональный потенциал пожилых людей, т.е. объем поддержки, предоставляемый социальными институтами, общественными организациями, работающими с пожилыми людьми. Сегодня во всех регионах для людей старшего возраста реализуются комплексные программы по организации досуга и сохранению активного образа жизни. Как отметили в Минтруда России, лучшие примеры таких программ – программа «Московское долголетие», в Подмосковье – программа «Активное долголетие», а также программы в Омской и Томской областях. Участие в этих программах расширяет круг общения пожилых людей, повышает их социальный потенциал.

¹² Комплексное наблюдение условий жизни населения // Федеральная служба государственной статистики. 2018. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 23.05.2021).

¹³ Треть пожилых людей в России являются активными пользователями интернета // Федеральная служба государственной статистики. 2019. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/63640> (дата обращения: 20.05.2021).

Материальный потенциал в рамках концепции ресурсного потенциал – это не просто уровень материальной обеспеченности, а возможность в пожилом возрасте соотнести себя по экономическому положению со средним слоем населения. В этом случае представители старшего возраста не будут чувствовать себя обездоленными, вынужденными экономить на всем, покупать самые дешевые продукты, подолгу носить одежду и обувь. Кроме того, в глазах окружающих они будут выглядеть благополучными, удовлетворенными жизнью, что может изменить отношение к старости как времени болезней и материальных лишений. Однако современная российская действительность дает мало возможностей для такой оценки материального потенциала пожилых людей. Так, по результатам опросов 5 тыс. пожилых мужчин и женщин, ежегодно проводимых с 2014 г. по заказу Министерства социальной политики Свердловской области в рамках мониторинга «Социально-экономическое положение граждан пожилого возраста Свердловской области», материальное положение пожилых, проживающих на этой территории, в последние годы явно ухудшилось. Об этом свидетельствует значительное увеличение среди пожилых людей доли неимущих, которым не хватает средств даже на еду (с 1,8 % в 2016 г. до 12,3 % в 2019 г.), и сокращение доли тех, кто оценивает свое материальное положение как удовлетворительное. Если в 2016 г. денег на еду и одежду хватало более половине опрошенных (53,3 %) ¹⁴, то в 2019 г. доля оценивших свое материальное положение таким образом уменьшилась до 42,6 % ¹⁵.

При оценке своего материального положения пенсионеры, как правило, видят его в негативном свете. Пенсия, которая начисляется государством, явно недостаточна для обеспечения материального благополучия пожилых людей. Так считают большинство россиян. Для многих пенсия становится дополнением к небольшим зарплатам, что позволяет таким людям вырваться из тенет бедности. Именно поэтому большинство населения отнеслось к пенсионной реформе, как к социально несправедливой. В связи с этим при анализе материального потенциала пожилых людей в регионах следует выявлять самооценку пожилыми людьми их материального положения и

предполагаемые ими пути повышения материального благосостояния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследование показывает, что пожилые люди представляют в России значительный, но недостаточно востребованный обществом ресурс для социально-экономического развития страны. Стариков и сегодня нередко продолжают рассматривать как немощных, нуждающихся в значительной социальной помощи. Однако пожилое население представляет собой социально дифференцированную группу. Старшее поколение в России относится к третьему («молодым старикам») и «четвертому» («старым старикам») возрастам, существенно отличающимся по качественным характеристикам. Традиционный образ беспомощных стариков характерен для «четвертого возраста». Понятие ресурсного потенциала позволяет отнести пожилых людей к той или иной группе в зависимости от уровня сохранности человеческого потенциала.

Представители «третьего» возраста энергичны и активны, они не только хотят, но и могут трудиться после достижения пенсионного возраста. Именно они обладают ресурсами, позволяющими рассматривать их как фактор модернизации нашей страны. Увеличение числа пожилых людей с сохранным ресурсным потенциалом не ведет к возрастанию иждивенческой нагрузки на социум, а дает дополнительный ресурс для развития экономической и социальной подсистем общества.

Переход к политике активного долголетия актуализирует необходимость адекватной оценки ресурсного потенциала старшего поколения. Исследование процесса старения с позиции выявления ресурсного потенциала пожилых людей предполагает помимо использования статистических данных анализ результатов социологических опросов.

Методика и инструментарий таких опросов, позволяющие выявить уровень ресурсного потенциала пожилых людей, должны строиться на основе концепции ресурсного потенциала и включать следующие блоки:

- 1) активность в сохранении и приумножении здоровья;
- 2) уровень включенности в непрерывное образование, отношение к цифровизации и уровень владения интернетом;
- 3) мотивация занятости;
- 4) отношения в семье, межпоколенные отношения, удовлетворенность жизнью;
- 5) оценка материального положения и предполагаемые способы его улучшения;
- 6) самооценка своего статуса и степени активности.

¹⁴ Мониторинг социально-экономического развития Свердловской области // Министерство социальной политики Свердловской области. 2016. URL: https://uralsocinform.ru/specialists/biblioteka-metodicheskikh-materialov/?SECTION_ID=64&ELEMENT_ID=584 (дата обращения: 26.05.2021).

¹⁵ Мониторинг социально-экономического развития Свердловской области // Министерство социальной политики Свердловской области. 2019. URL: https://uralsocinform.ru/specialists/biblioteka-metodicheskikh-materialov/?SECTION_ID=64&ELEMENT_ID=1046 (дата обращения: 27.05.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Старшее поколение и будущее / под ред. Н.М. Римашевской. М.: Экономическое образование, 2014. 212 с.
2. Доброхлеб В.Г. Непрерывное образование как фактор повышения уровня занятости и доходов старшего поколения современной России // Экономика. Налоги. Право. 2019, Т.12, №2. С. 83–90. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-83-90
3. Ирсетская Е.А. Практики взаимодействия пенсионеров с ближайшим окружением / Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2016, № 2. С. 63–70

REFERENCES

1. Rimashevskaya N.M. (ed.) The older generation and the future. Moscow, Economic Education, 2014, 212 p. (In Russ.)
2. Dobrokhleb V.G. Continuing education as a factor to rise employment and incomes of the older generation in modern Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 83–90. (In Russ.). DOI: 10.26794 / 1999-849X 2019-12-2-83-90.
3. Irsetskaya E.A. Practices of interaction between pensioners and their immediate environment. *Vestnik RGGU. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie*, 2016, no. 2, pp. 63–70. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.10.2021

Дата рецензирования 15.10.2021

Статья принята к публикации 21.10.2021

DOI: 10.15372/HSS20210412

УДК 94(57)"15/16"

¹Ю.С. ХУДЯКОВ, ²А.Ю. БОРИСЕНКО

БЕГСТВО ХАНА КУЧУМА И ЕГО СТОРОННИКОВ ИЗ СИБИРСКИХ ГОРОДКОВ: К ВОПРОСУ О КОРРЕЛЯЦИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
РФ, 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17

²Новосибирский государственный университет
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

В статье анализируются краткие исторические сведения и изобразительные материалы, свидетельствующие о бегстве сибирского хана Кучума в сопровождении своих сторонников из числа сибирских татарских воинов из столичного городка Кашлыка. Многие сибирские татарские городки он в панике оставил без своей военной поддержки, опасаясь противостоять русским казакам, вооруженным огнестрельным оружием. Некоторые сведения об этих исторических событиях содержатся в тексте и иллюстрации «Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи». Цель данной статьи – изучение текста и рисунков, посвященных одному историческому сюжету, нашедшему отражение в упомянутой летописи. Художественные материалы существенно дополняют сведения изученного письменного источника о поспешном бегстве сибирского хана Кучума и его сторонников в степи.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Кашлык, сибирские татары, Сибирское ханство, русские казаки.

¹Yu.S. KHUDYAKOV, ²A.Yu. BORISENKO

ESCAPE OF KUCHUM KHAN AND HIS SUPPORTERS OUT OF SIBERIAN TOWN: ON THE QUESTION OF CORRELATION BETWEEN VISUAL AND ARCHEOLOGICAL SOURCES

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

²Novosibirsk State University,
Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article considers and analyzes some brief historical evidence and visual materials testifying to Kuchum Khan's run out of Siberian metropolitan town of Qashliq, accompanied by his entourage and supporters from among Siberian Tatar warriors. He hastily headed southward to the steppe southern regions of West Siberia and northern regions of current Kazakhstan to those remote areas, where at that time there were settlement sites of Kazakh steppe nomads within the Kazakh nomadic association. Accompanied by his supporters, Kuchum Khan went to his former residence, where he used to live before seizing power in the Siberian Khanate. He left many Siberian Tatar towns in the Siberian Khanate territory without his military support, hastily escaped and refused to defend them, fearful to confront the Russian Cossacks armed with fire-arms. Some brief information about these historical events is reflected in the text and illustrations of «Brief Siberian (Kungur) Chronicle». This article objective is to examine the data and visual materials dedicated to a historical plot presented in the text and illustrations of this historical source. The analyzed illustration of Siberian Tatar three towns located between streams on a hillside along the Irtysh River bank. There is a defensive trench along the walls of a Siberian Tatar town. At the upper part of the illustration, there are three troops of equestrian Siberian Tatar warriors, who are probably going to the steppe regions of West Siberia and northern Kazakhstan. The authors analyze features of the armament, headdresses and clothes, as well as the standards of Siberian Tatar warriors, which are at the illustration. They consider an image of a pedestrian Siberian Tatar warrior troop. The pictorial materials significantly supplement the studied written source data about the hasty escape of Siberian Kuchum Khan and his supporters to the steppes.

Key words: West Siberia, Qashliq, Siberian Tatars, Siberian Khanate, Russian Cossacks.

Юлий Сергеевич Худяков – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, профессор Новосибирского государственного университета, e-mail: khudjakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4741-9971>.

Алиса Юльевна Борисенко – канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, e-mail: aborisenko2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9558-5678>.

Yuliy S. Khudyakov – Doctor of History, Leading Resercher at Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Professor at Novosibirsk State University.

Alisa Yu. Borisenko – Candidate of Historical sciences, Senior Researcher of Laboratory for humanities at Novosibirsk State University, <https://orcid.org/0000-0002-4741-9971>.

ВВЕДЕНИЕ

Весьма информативным источником по истории присоединения западных районов Сибири к Московскому царству являются исторические свидетельства и изобразительные материалы, содержащиеся в текстовой и иллюстративной частях известной «Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи» и на иллюстрациях в составе миниатюрных композиций ее лицевого свода [1, с. 422–423; 525].

В предшествующие годы в процессе переиздания капитального научного исследования Г.Ф. Миллера по истории присоединения и освоения сибирских земель к Российскому государству некоторые изображения из этого свода уже привлекались в качестве иллюстративных материалов по истории похода российского казачьего отряда под командованием атамана Ермака в Западную Сибирь [2, рис. 8, 11–13, 15]. В дальнейшем эти рисунки заново переиздавались, что сделало их более доступными для изучения современными исследователями [3, с. 76]. Особое значение для изучения данных изображений современными исследователями имеет издание всего полного свода изображений исторических событий, связанных с историей похода российского казачьего отряда под командованием атамана Ермака через Уральские горы в западные районы Сибири [1, с. 457–611].

ОПИСАНИЕ ФИГУР КОМПОЗИЦИИ

На одной из этих многофигурных композиций, содержащихся в иллюстрированной части летописного свода «Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи», на которой изображено бегство сибирского хана Кучума и подчиненных ему сибирских татарских воинов с территории Сибирского ханства в южные степные районы, наглядно продемонстрированы некоторые характерные особенности и масштабы данного исторического события. На этой композиции также проиллюстрированы различные виды оружия, которые в это время имелись на вооружении у воинов Сибирского татарского ханства [1, рис. 68, с. 525].

В нижнем правом углу и средней части всей этой картины изображено русло полноводной реки, вероятнее всего Иртыша, в которое с верхней стороны впадают два небольших водных притока. По обоим берегам этой реки показаны произрастающие редкие лиственные деревья. В центральной части данной картины имеется сравнительно небольшое, затемненное, дугообразное в плане, углубление, возможно овраг, левой стороной соприкасающийся с руслом одной из небольших рек или ручьев, впадающих в широкую полноводную реку. На несколько возвышающемся берегу этой реки, на выступающих последовательно трех широких мысах, изображено три, срав-

нительно небольших, жилых поселка, окаймленных невысокими, вероятно оборонительными стенами и башнями с коническими крышами. У одного из этих поселков, расположенного на крайнем левом мысу, с внешней стороны от стены, обращенной к пойме широкой реки, показано две несомкнутые между собой узкие полосы. Вполне возможно, что таким образом изображены оборонительные рвы, окружающие с небольшими перерывами с внешней стороны, напротив входа в это небольшое укрепление. Со стороны оборонительных стен на всех трех крепостных сооружениях показано по две или три башни с пристроенными, коническими крышами. Внутри этих оборонительных сооружений показаны стены некоторых крупных зданий и крыши небольших домов [1, рис. 68, с. 525]. Возможно, что так изображены поселения сибирских татар по берегу Иртыша, оставленные воинами сибирского хана Кучума в ходе их бегства в южные степи.

Вдоль верхней части рассматриваемой общей картины, по просторам лесостепи, среди редких деревьев с развесистыми лиственными кронами, изображены три группы всадников, передвигающихся последовательно друг за другом, с левой стороны на правую сторону в пределах данного многофигурного изображения. На переднем плане одной из этих групп конных воинов, передвигающихся в авангарде всех трех отрядов, показан всадник с бородой в головном уборе, отчасти напоминающем чалму, с острыми выступами в верхней части, похожими на небольшие элементы от зубчатого головного убора, напоминающего корону. Этот коронованный всадник одет в длиннополую одежду (возможно, халат) с косо срезанной на груди верхней полкой. Нижняя пола халата доходит почти до живота лошади, на которой он едет верхом. Лошадь показана взнузданной и оседланной. На голове у нее обозначены узды и поводья, которые всадник натягивает правой рукой, согнутой в локтевом суставе. На туловище у лошади имеется нагрудный ремень, который почему-то ошибочно изображен натянутым поверх ноги всадника, чего в реальности не могло быть. Возможно, это некоторая досадная неточность, совершенная при копировании оригинального рисунка. На крупе у этой лошади частично изображен подфейный ремень от седла. Ее передние ноги приподняты и согнуты в коленных суставах, животное изображено стоящим на задних конечностях. Вполне вероятно, что этот конь изображен скачущим. Хвост у него показан дважды перетянутым, что несколько необычно.

Перед всадником в короне подчеркнуты некоторые детали, в том числе головы, шеи, передние ноги двух скачущих лошадей, а за ним находится круп с подфейным ремнем и развевающийся хвост еще одной лошади. За спиной всадника в короне виднеются

головы в колпаках с отворотами и фигуры еще нескольких, сопровождающих его конных воинов с многочисленными копьями, увенчанными небольшими наконечниками овальной формы с заостренными остриями. Над наконечниками копий, в центральной части отряда, развевается знамя этого отряда сибирских татар. Оно похоже на вымпел с двумя узкими флажками удлиненно-треугольной формы. Вероятнее всего, данного всадника в короне следует интерпретировать в качестве изображения сибирского хана Кучума, а окружающих его воинов – в качестве отборного отряда сибирских татар, охраняющего своего правителя во время его передвижения по степным землям в пределах Западной Сибири [1, рис. 68, с. 525].

В центре верхней части анализируемого многофигурного изображения показана еще одна большая группа всадников со знаменем, также вооруженных копьями. На переднем плане среди них изображен довольно крупный всадник в высоком колпаке с широким отворотом по его нижнему краю. Он одет в длиннополый халат, нижняя пола которого доходит до его ступней. Халат этого всадника подпоясан узким ремнем. На его правой руке надета длинная рукавица, которая почему-то вплотную не соединяется с остальной частью его руки. За спиной у него виднеется какой-то полуовальный предмет с нашитым сверху своеобразным «карманом». Возможно, это изображен щит, откинутый за спину. Всадник сидит в седле на скачущей лошади. У нее крупная голова, показаны широкая шея и коротко стриженная грива. На голове у лошади – узда. Передние ее ноги подняты и согнуты в коленных суставах. Задние ноги изображены в движении, волосы у хвоста показаны в виде витых прядей. На лошади закреплено седло, выделен подфейный ремень.

За спиной переднего всадника видны головы еще одной группы сибирских татарских воинов – в островерхих колпаках. Некоторые головные уборы имеют отвороты по нижним краям. Самый последний всадник в составе этой группы воинов изображен без бороды. Он поднял свою правую руку, в которой видна плеть с двумя развеваяющимися ремешками. На голове у него также изображен островерхий колпак с отогнутым узким отворотом вдоль нижнего края, а на груди имеется ремень, которым он подпоясан, причем ремень помещен несколько выше талии. Возглавляет эту группу всадник, который держит в руках знамя с широким, но свернутым в несколько слоев, полотнищем. За этой группой всадников возвышаются копья на длинных древках, увенчанные, как можно полагать, железными наконечниками удлиненно-овальной формы с заостренными остриями и погонами плечиками [1, рис. 68, с. 525].

В левом верхнем углу в рамках всей рассматриваемой композиции показана еще одна, сравнительно

небольшая, группа сибирских татарских всадников. Здесь на переднем плане изображен скачущий верхом на коне человек в овальном колпаке с широким отворотом по нижнему краю головного убора. Он воспроизведен без усов и бороды, в длиннополом халате с вертикальным разрезом спереди, с длинной полкой вплоть до самой ступни. Данный всадник показан без какого-либо оружия. Он сидит в седле, верхом на лошади, которая скачет вслед за двумя передними группами воинов. За спиной у переднего всадника видны еще два конных воина в островерхих колпаках, с отворотами по нижнему краю этого головного убора. Один из них показан на скачущей лошади с острыми, треугольных очертаний ушами на голове, передние ноги согнуты в коленных суставах. За спинами у скачущих воинов этой третьей группы имеется довольно много копий, увенчанных заостренными наконечниками удлиненно-овальной формы. У одного из этих копий, изображенного вертикально в первом ряду, за самой крайней лошадью, имеется древко, увенчанное удлиненно-ромбическим наконечником, а под ним показан небольшой флажок удлиненно-треугольной формы [1, рис. 68, с. 525].

Слева от этой многофигурной композиции, воспроизводящей ситуацию бегства сибирских татар с тех земель на территории Западной Сибири, где к этому времени появился отряд русских казаков под командованием Ермака, изображена группа пеших сибирских татарских воинов. Среди них показаны татарские воины в длиннополых халатах, а также воины в зипунах с подолом до колен, в штанах и сапогах. У некоторых из них надеты овальные колпаки с узкими или широкими отворотами по нижнему краю. У одного из воинов отворот колпака разделен на три части, создавая впечатление, что этот колпак обернут по нижнему краю чалмой. Воин одет в зипун с вертикальным осевым разрезом посередине. Еще один воин в таком же зипуне изображен немного левее, рядом с воином с колчаном. Стоящие в несколько рядов воины изображены вооруженными. Так, двое из них, в переднем ряду, держат в руках копья на длинных древках с приострешенными, удлиненно-овальными (видимо, железными) наконечниками. У одного воина на древке копья, под наконечником, укреплен небольшой флажок удлиненно-треугольной формы, похожий на вымпел. За спинами и головами большей части стоящих воинов показаны древки многочисленных копий. Наконечники у этих копий никак не выделены. У одного из этих воинов, стоящего в первом ряду, на поясе показан орнаментированный, вероятно кожаный, колчан с торчащими из него многочисленными древками стрел. Один из воинов данной группы держит за деревянное древко длинный шест, увенчанный двумя, почти не соединенными между собой длинными, узкими, треугольными флажками.

Такой же двойной флаг изображен над головами первой группы сибирских татарских воинов, скачущих верхом на лошадях [1, рис. 68, с. 525].

КОРРЕЛЯЦИЯ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Сведения письменных и изобразительных источников могут быть существенно дополнены полученными в результате археологических раскопок памятников культуры сибирских татар на территории Западной Сибири, в том числе в Барабинской лесостепи. В течение последних десятилетий удачный опыт анализа и обобщения этих археологических материалов был предпринят учеными из Новосибирского и Омского научных центров [4, с. 43–56, 63–68, 73–78; 5, с. 155–169; 6, с. 30–55; 7, с. 151–204]. По наличию или отсутствию накладок разных форм в составе луков из раскопок на памятниках Абрамово-10 и Кыштовка-2 были выделены несколько типов данного вида ручного метательного оружия [4, с. 43–44]. Среди них выделяется лук с деревянной основой – кибитью, дополненный деревянной же фронтальной накладкой и вклеенными деревянными концами. Данные накладки крепились к деревянной основе кибити с внутренней стороны, обращенной к стрелку. По мнению В.И. Соболева, луки цельнодеревянных конструкций использовались в ходе стрельбы по намеченным целям на протяжении всего Средневековья [5, с. 163]. Они преобладали, а луки с костяными накладками в зависимости от количества и местоположения накладок были отнесены современными исследователями к нескольким типам. Наиболее распространены среди них были луки с одной срединной фронтальной «веслообразной» накладкой [4, с. 44, рис. 39]. Такие луки получили особенно широкое распространение в эпоху развитого Средневековья в пределах степного пояса Евразии, и они широко использовались для ведения прицельной стрельбы монгольскими кочевниками в период завоеваний в XIII в. н.э. Однако у многих кочевых этносов они стали применяться еще до монгольских завоеваний. Со временем некоторые луки со срединной фронтальной веслообразной накладкой стали дополняться широкими плечевыми накладками и узкими плечевыми костяными накладками [5, с. 162]. Вполне вероятно, что появление и использование плечевых костяных накладок объяснялось стремлением использовать эти дополнительные детали для повышения упругости и дальности плеч сложносоставных луков.

Для стрельбы по цели в ходе боевых столкновений с различными противниками сибирские татарские лучники применяли стрелы с железными наконечниками разных форм. Чаще всего они использовали наконечники стрел с плоским в сечении пером. Наконечники такой конструкции отличались более

высокой скоростью стрелы в полете по сравнению со стрелами иной конструкции. Видимо, они были наиболее эффективны при стрельбе на довольно короткие дистанции. По форме пера выделялись крупные железные наконечники асимметрично-ромбической формы с тупоугольным острием, асимметрично-ромбическим пером, пологими плечиками и выделенным упором. Такие наконечники были обнаружены при раскопках памятника Абрамово-10 в Барабе [4, с. 50, рис. 41, 7, 9]. Достаточно широко представлены среди различных форм плоские стрелы удлинненно-ромбической формы с остроугольным острием, удлинненно-ромбическим пером, пологими плечиками и упором [4, с. 50, рис. 41, 4–5, 8]. Выделяются в самостоятельный тип также стрелы похожей конфигурации, но с узким вытянутым плоским пером [4, с. 50, рис. 41, 5, 10, 14–11; 42, 5, 7–9]. Имеются в составе набора железных плоских стрел и овально-крылатые железные наконечники с овальной формы острием, выступающими боковыми «крыльями», пологими плечиками и упором. Такие наконечники найдены в ходе раскопок на памятнике Кыштовка-2 [4, рис. 41, 12, 13].

Среди найденных здесь железных наконечников стрел представлены также секторные наконечники с закругленным пером, секторной формой пера, пологими плечиками и выделенным упором [4, рис. 42, 10, 11, 14, 17]. Есть среди железных наконечников стрел из памятников Абрамово-10 и Кыштовка-2 и плоские наконечники с тупым острием и пологими плечиками [4, рис. 42, 16; 43, 1]. Такие наконечники можно отнести к числу томаров. Значительно реже среди железных стрел сибирских татарских лучников встречаются узкие, вероятнее всего, бронебойные наконечники с прямоугольным, а также с шестигранным в сечении пером [4, рис. 43, 7, 8].

Помимо этих наконечников сибирские татарские лучники применяли для стрельбы наконечники с линзовидными и четырехгранными в сечении пером различных форм. Среди них найдены боеголовковые стрелы с выделенной боевой головкой и удлинненной шейкой с упором, удлинненно-треугольные с остроугольным острием и прямыми плечиками, удлинненно-ромбические с остроугольным острием и удлинненно-ромбическим пером, а также вытянуто-пятиугольные наконечники стрел с остроугольным острием, вытянутым пером и прямыми плечиками [6, с. 37]. Набор бронебойных стрел сибирских татарских лучников достаточно разнообразен. Преобладают наконечники стрел с остроугольным острием и узким пером, что свидетельствует об ориентации стрельбы по противнику, защищенному кольчужными доспехами. Общее количество форм и конкретных находок бронебойных стрел в памятниках сибирских татар относительно невелико. Видимо, это вполне со-

ответствует реальной боевой практике сибирских татарских воинов, предшествующей историческому походу казачьего отряда под командованием атамана Ермака в Западную Сибирь [6, с. 37].

Сибирские татарские воины хранили и носили стрелы и луки в кожаных колчанах, некоторые из них состояли из двух отделений. Внутри одной емкости помещался лук с натянутой тетивой, в другом отделении хранились стрелы. Колчаны такой конструкции были характерны для многих кочевых народов Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья [6, с. 41]. На памятнике Абрамово-10 в процессе раскопок был найден хорошо сохранившийся кожаный колчан, использовавшийся сибирскими татарскими лучниками для хранения и ношения стрел [4, с. 63, рис. 48, 1].

Луки и стрелы были основным оружием сибирских татарских воинов, которое широко использовалось ими в условиях ведения дистанционного боя. В некоторых случаях сибирские татарские лучники снабжали наиболее крупные наконечники косяными шариками с отверстиями-свистунками. Помимо стрел с железными наконечниками сибирские татарские лучники иногда применяли для стрельбы по различным целям проницатели с косяными наконечниками [6, с. 39].

На некоторых иллюстрациях в Лицевом своде «Краткой Сибирской Кунгурской летописи» сибирские татарские воины изображены размахивающими над головами своими пращами, заряженными металлическими ядрами шарообразной формы [1, с. 472, 473, 474, 494, 495, 498]. Судя по этим изображениям, пращи использовались и в ходе боевых столкновений с военными отрядами российских казаков.

В Барабе на памятнике Абрамово-10 среди случайных находок в разное время были найдены железные наконечники копий с коническими втулками и удлинненно-ромбическими по форме пера наконечниками. Кроме них обнаружен железный наконечник пики с оригинальным, трехгранно-трехлопастным в сечении удлинненным пером [4, с. 73, рис. 56, 1–3]. Еще один железный наконечник копья имелся на городище сибирских татар – Искер. Кроме того, несколько наконечников копий, которые могли принадлежать сибирским татарским воинам, представлено среди случайных находок [5, с. 160]. Железные наконечники пик, найденные на городище Искер, имели узкое, вытянутое, четырехгранное в сечении перо, рассчитанное, вполне вероятно, на пробивание панцирной и кольчужной брони, и удлинненную конусовидную втулку для крепления на деревянное древко. Судя по этим находкам, воины Сибирского татарского ханства имели на вооружении не только копья, но и бронебойные пики, что позволяло им вести таранные атаки в условиях ближнего боя [6, с. 41].

Сибирские татарские воины обладали значительным арсеналом древкового колющего оружия, с помощью которого могли поражать своих противников в условиях ведения ближних и рукопашных боев в конном строю. На древках копий этих воинов иногда прикреплялись боевые знамена и флаги, которые нередко служили опознавательными знаками для подачи определенных сигналов в ходе боевых столкновений. На миниатюрах Лицевого свода «Краткой Сибирской Кунгурской летописи» у сибирских татарских воинов изображены знамена с квадратным полотнищем и двумя удлинненно-треугольными косицами или знамя с удлинненно-треугольным полотнищем, или небольшие треугольные вымпелы [1, с. 474, 479, 492, 495].

На памятнике Кыштовка-2 был найден кистень – железная боевая гиря, вполне вероятно, крепившаяся с помощью кожаной петли к ремню, с помощью которого можно было наносить удары противнику при сближении верхом на своих боевых лошадях [4, рис. 57, 1]. Вполне вероятно, что подобные боевые гири использовались для нанесения ударов по противникам в условиях ведения ближних военных столкновений.

В специальной научной литературе имеются некоторые сведения о находке сломанной железной сабли эпохи развитого Средневековья на памятнике Садовка-2 в Барабе [4, с. 77–78]. На городище Искер также найдено несколько железных палашей и сабель, вероятно, ранее принадлежавших сибирским татарским воинам. Здесь палаши имели длинные прямые однолезвийные клинки. У одного из них сохранилось напускное фигурное перекрестье с овальной обоймой, с двумя изогнутыми в разные стороны окончаниями и граненой рукоятью. Клинок данного палаша дважды обломан. Однако обломанные части сохранились. У другого палаша сохранился длинный прямой железный клинок и узкий черен для крепления рукояти. Сабля имеет длинный, плавно изогнутый однолезвийный клинок с остроугольным острием и выделенной елманиею. Перекрестье и навершие у этой сабли не сохранились [6, с. 43]. Сабли со слабо-изогнутыми клинками нередко в летописном своде «Краткой Сибирской Кунгурской летописи» изображались в руках сибирских татарских воинов или подвешенными к поясу будучи в ножнах [1, с. 492, 494].

На некоторых рисунках в «Краткой Сибирской Кунгурской летописи» у сибирских татарских воинов также изображено (на поясе или в руках) длинное клинковое оружие с прямыми, вероятно, однолезвийными клинками [1, с. 495, 521]. Возможно, такие длинные прямые клинки изображены не случайно, можно предполагать, что на вооружении у сибирских татарских воинов были и палаши с прямыми, однолезвийными клинками.

В оружейный комплекс сибирских татарских воинов входили также боевые топоры, которые имели плоский обух с выступающей бородкой, клиновидный проух и расширенный к лезвию клин. Такие топоры были характерны для русского населения в период освоения сибирских земель, и применялись они в качестве деревообрабатывающих инструментов. Однако топоры охотно приобретались представителями коренных народов Сибири, использовались ими для военных целей [6, с. 43].

На Искере также обнаружены железные кинжалы с прямыми двулезвийными клинками, которые должны были служить для нанесения ударов по противнику в рукопашном бое и для других боевых целей. Помимо них здесь найдены однолезвийные боевые ножи с прямыми черешками. Вполне вероятно, они могли применяться для поражения противника в рукопашных схватках или для повседневных нужд [6, с. 43].

На памятнике Малый Чуланкуль-1 найдены фрагменты железных панцирных пластин удлиненно-прямоугольной формы [4, с. 77]. Такая пластина могла входить в состав набора от ламеллярного панцирного доспеха. На этом же памятнике обнаружен частично сохранившийся фрагмент кольчужного доспеха [4, с. 77]. Еще один фрагмент кольчуги найден на Искере [6, с. 44]. Данные археологические находки свидетельствуют о том, что на вооружении и у сибирских татарских воинов были различные виды средств металлической защиты, в том числе ламеллярные панцирные доспехи и кольчуги. В то же время, видимо, подобных средств индивидуальной металлической защиты у сибирских татарских воинов было немного, поскольку сведения о металлических доспехах отсутствуют в российских письменных исторических и изобразительных источниках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенный обзор различных видов наступательного и защитного вооружения из археологических памятников культуры сибирских татар свидетельствует о том, что сибирские татарские воины обладали определенным набором ручного метательного оружия дистанционного боя, имели в своем распоряжении некоторые виды древкового колющего и длинного клинкового оружия ближнего и рукопашного боя, а также другие виды наступательного оружия. Воины обладали определенными средствами индивидуальной металлической защиты. Однако несмотря на определенные попытки приобрести и использовать для военных целей артиллерийские орудия, в деле обладания и использования огнестрельного оружия и артиллерии они безнадежно отставали от русских казаков. Известно, что в течение последующего исторического периода противоборства некото-

рые ружья, принадлежавшие российским казакам, иногда попадали в руки к сибирским татарским воинам, но нет никаких сведений о том, чтобы они принимали какие-либо попытки стрелять из таких пищалей.

Известно, что еще только получив первое устное известие о появлении в своих владениях отряда русских казаков, прибывших в Сибирь по инициативе богатых российских купцов Строгановых под командованием казачьего атамана Ермака, сибирский татарский хан Кучум не поверил мирным заверениям этого предводителя. Кучум объявил своего рода мобилизацию всех подвластных ему воинских сил из среды сибирских татар и вассальных угорских таежных племен [2, с. 217–227]. Еще несколько последующих лет Кучум и его ближайшие сторонники неоднократно пытались противостоять с оружием в руках русским казакам. Однако в течение этого времени некоторая часть сибирской татарской знати и правящей элиты вассальных угорских племен, недовольных правлением Кучума, предпочла перейти на сторону победителей. Кучум неоднократно предпринимал не вполне успешные попытки увести своих подданных в южные равнинные районы Западной Сибири и на северные степные территории современного Казахстана, подальше от мест размещения российских военных отрядов. Однако тактика угона собственного населения и яростного вооруженного противостояния российским властям в Сибири вызывала активное недовольство и попытки деятельного вооруженного сопротивления, в том числе со стороны местного сибирского татарского населения и некоторых представителей его родоплеменной знати.

Вполне вероятно, что такая политика хана Кучума и его ближайшего окружения не способствовала поддержке его со стороны некоторых групп местного сибирского татарского населения и повлияла на их переход на сторону российской администрации. Даже некоторые представители сибирской татарской правящей элиты предпочли подчиниться добровольно и признать правление российских властей на территории бывшего Сибирского татарского ханства [2, с. 269], отказавшись от вооруженной борьбы за восстановление Сибирского татарского ханства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)* // Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: Александря, 2008. С. 399–612.
2. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. 2-е изд. М.: Вост. лит.-ра, 1999. Т. I. 630 с.
3. *Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* Ремизовская летопись. История Сибирская. Летопись сибирская краткая Кунгурская. Исследование. Текст и перевод. Тобольск, 2006. 270 с.
4. *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.

5. Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 10. 356 с.

6. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: учеб. пособ. Новосибирск, Новосиб. гос. ун-т, 2010. 288 с.

7. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. 260 с.

REFERENCES

1. Brief Siberian (Kungur) Chronicle. *Sibirskiye letopisi. Kratkaya Sibirskaya letopis' (Kungurskaya)*. Ryazan, Alexandria, 2008, pp. 399–612. (In Russ.)

2. Miller G. F. The history of Siberia, vol. 1, 2nd ed. Moscow, Orient Literature, 1999, 630 p. (In Russ.)

3. Dergacheva-Skop E.I., Alexeev V.N. Remizov Chronicle. Siberian History. The Brief Siberian Kungur Chronicle. Research. Text and translations. Tobolsk, 2006, 270 p. (In Russ.)

4. Molodin V.I., Sobolev V.I., Solovyov A.I. Baraba in the late Middle Ages. Novosibirsk, Nauka, 1990, 262 p. (In Russ.)

5. Sobolev V.I. The History of Siberian Khanates (on archaeological materials). *Etnografo-arkheologicheskiye komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma*. Novosibirsk, 2008, vol. 10, 356 p. (in Russ.)

6. Bobrov L.A., Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. The Turkic and Mongolian peoples' interaction with the Russians in Siberia on military affairs in the late Middle Ages and Modern times. Novosibirsk, NSU, 2010, 288 p. (In Russ.)

7. Matveev A.V., Tataurov S.F. Khanate of Siberia: military and historical aspects of history. Kazan, Fen AS RT, 2012, 260 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.09.2021

Дата рецензирования 24.09.2021

Статья принята к публикации 05.10.2021

ОСВОЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЕВРАЗИИ

DOI: 10.15372/HSS20210413
УДК 908(47)"20"

¹Т.Н. ЗОЛотова, ²В.Г. РЫЖЕНКО

КРАЕВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

¹ Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, РФ, 644077, Омск, ул. Андрианова, 28

² Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, РФ, 644077, Омск, пр. Мира, 55

В статье представлены основные проблемы репрезентации исторических знаний в современном публичном пространстве России, которые обсуждались на Всероссийской научно-практической конференции «VI Ядринцевские чтения», прошедшей в Омске в октябре 2021 г. Ведущими учеными различных направлений гуманитарного знания (историками, географами, культурологами, археологами, этнографами и др.), а также специалистами архивного, библиотечного и музейного дела из 12 регионов России рассматривались вопросы мифотворчества в публичной истории, опыт сохранения культурной памяти и актуализации историко-культурного наследия, а также проблемы, связанные с традиционными и современными трактовками понятий «краеведение», «историк-краевед» и «краевед-любитель». Под краеведением было предложено понимать процесс формирования многоотраслевого знания о природе, истории, хозяйстве и культуре определенного края, направленный на популяризацию результатов в публичном пространстве и воспитание любви к малой родине.

Ключевые слова: краеведение, репрезентация исторических знаний, локальная история, публичное пространство, современность, коммуникационное пространство конференции.

¹T.N. ZOLOTOVA, ²V.G. RYZHENKO

LOCAL HISTORY IN THE MODERN PUBLIC SPACE

¹Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Siberian Branch, 28, Andrianova str., Omsk, 644077, Russian Federation
²F.M. Dostoevsky Omsk State University, 55, Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation

The paper presents main problems of representing the historical knowledge in the modern public space of Russia, which were discussed at the All-Russian Scientific and Practical Conference “VI Yadrinsev Readings” held in Omsk in October 2021. Leading scientists of various fields of humanitarian knowledge (historians, geographers, culturologists, archaeologists, ethnographers and others), as well as specialists in archival, library and museum affairs from twelve regions of Russia considered the issues of myth-making in public history, the experience of preserving cultural memory and updating historical and cultural heritage, and more general problems related to traditional and modern interpretations of the concepts of

Татьяна Николаевна Золотова – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, e-mail: zolotovat2012@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7884-281X>.

Валентина Георгиевна Рыженко – д-р ист. наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, e-mail: valentina948@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9631-2468>.

Tatiana N. Zolotova – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Siberian Branch.

Valentina G. Righenko – Doctor of Historical Sciences, Professor, F.M. Dostoevsky Omsk State University.

“local history”, “local historian” and “amateur local historian”. It has been proposed to understand the local history as the process of forming a multidisciplinary knowledge about the nature, history, economy and culture of a certain region aimed at popularizing the results in the public space and fostering love for a small homeland.

Key words: local history, representation of historical knowledge, local history, public space, modernity, conference communication space.

ВВЕДЕНИЕ

В современном публичном пространстве России вместе с ускоренным развитием информационных технологий профессиональное сообщество историков все чаще сталкивается с фактами фальсификации исторических знаний. Объединение усилий историков-краеведов и краеведов-любителей будет способствовать популяризации исторических знаний и культурного наследия регионов и страны в целом на основе научно выверенных знаний. Об этом шла речь на Всероссийской научно-практической конференции «VI Ядринцевские чтения», которая состоялась 28–30 октября 2021 г. в г. Омске на тему: «Образы прошлого в публичном пространстве: проблемы репрезентации исторических знаний».

Комплексный характер изучения историко-культурного наследия России отразился в междисциплинарном подходе конференции, объединившей на своих пленарных и секционных заседаниях историков, географов, культурологов, археологов, этнографов, филологов, биологов, специалистов архивного, библиотечного и музейного дела¹, позиции которых освещены в опубликованном к началу работы конференции сборнике докладов.

Организаторами конференции выступили Министерство культуры Омской области, Общественная палата Омской области, Омский государственный историко-краеведческий музей, Институт истории СО РАН, Союз краеведов России, Омский государственный педагогический университет, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Омская государственная областная научная библиотека им. А.С. Пушкина. Конференция проходила в рамках Омского краеведческого форума, посвященного 200-летию Омской области и объединившего ряд крупных научных мероприятий, в том числе съезд краеведов Омской области. Всего в конференции приняли участие более 120 чел., в числе которых 16 докторов наук и 32 кан-

дидата наук. География участников простиралась от Москвы и Великих Лук до Новосибирска, Омска и Барнаула, участвовали также представители Абакана, Воронежа, Владимира, Кургана, Орла, Пензы и Самары.

На открытии конференции с приветственным словом выступили заместитель министра культуры Омской области И.Ф. Шеин, председатель Общественной палаты Омской области Л.П. Герасимова, председатель Союза краеведов России, директор Омского государственного историко-краеведческого музея П.П. Вибе, которые отметили актуальность заявленных к обсуждению на конференции тем, пожелав всем участникам плодотворной работы. Директор Института истории СО РАН (Новосибирск) В.М. Рынков обратился к участникам форума в формате видеобращения. Он отметил три причины значимости конференции «Ядринцевские чтения»: она проводится в регионе с разветвленной музейной сетью, в течение многих лет подпитывает краеведческое движение региона и страны в целом и дает множество поводов для историографической рефлексии.

ПОНЯТИЯ «КРАЕВЕДЕНИЕ», «ИСТОРИК-КРАЕВЕД», «КРАЕВЕД-ЛЮБИТЕЛЬ»

Работа пленарного заседания началась с программного выступления П.П. Вибе (Омск), которое он посвятил роли отечественного краеведения в современном публичном пространстве. После краткого исторического экскурса в историю краеведческого движения в СССР и постперестроечной России докладчик остановился на анализе традиционных и современных трактовок понятий «краеведение» и «историк-краевед». Поддерживая тезис основателя советского краеведения С.О. Шмидта о том, что истинное краеведение — это «всегда краелюбие», П.П. Вибе подчеркнул, что именно патриотизм, ощущение сопричастности к своему краю и готовность участвовать в решении его проблем делает «краеведа краеведом». Предлагая свое понятие краеведения, ученый определил его «как процесс формирования многоотраслевого знания о природе, истории, хозяйстве и культуре определенного края, ориентированный на популяризацию достигнутых результатов в публичном пространстве и использование их в воспитательных целях, в создании которого принимают участие как профессиональные специалисты, так и представители общественных движений, как правило, осознающие свою сопричастность к судьбе дан-

¹ Программа Всероссийской научно-практической конференции «VI Ядринцевские чтения» на тему «Образы прошлого в публичном пространстве: проблемы репрезентации исторических знаний» (Омск, 28–30 окт. 2021 г.). URL: https://sibmuseum.ru/wp-content/uploads/2021/10/programma-i-oblozhka-№6-_2021-god.pdf (дата обращения: 18.11.2021).

ной территории» [1, с. 20]. Отметив наиболее популярные виды краеведения – историческое, литературное, эколого-географическое и биологическое, он подчеркнул, что в процессе краеведческой деятельности образуются государственная, общественная и учебная формы краеведения, обусловленные деятельностью соответствующих культурных, научных, общественных и учебных учреждений. Рассматривая взаимоотношения между профессиональными историками и краеведами-любителями, докладчик обосновал стратегию установления партнерских отношений между ними. К историкам-краеведам П.П. Вибе относит «профессиональных историков, хорошо знающих и любящих свой край, изучающих его по письменным и вещественным источникам, при непосредственном самостоятельном наблюдении, а главное, – представляющих достижения исторической науки в публичном пространстве» [1, с. 35]. Докладчик отметил настоятельную необходимость транслировать академическое знание историками-краеведами в форме, понятной широким массам, но без упрощения и искажения фактов. Это, по мнению ученого, является основным способом борьбы с мифами и фальсификациями в публичной истории.

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ В РОССИИ

Проблемы современной исторической науки и публичной истории, актуальности трансляции краеведческих знаний, взаимодействия ученых-историков и общества затрагивались и в других докладах пленарного заседания. Л.П. Репина (Москва) указала на важность рассмотрения новых концепций публичной истории и продвижения образов прошлого в массовое сознание сквозь призму ведущих тенденций и познавательных поворотов в мировой исторической науке, а также с учетом влияния таких публичных институтов памяти, как музеи, библиотеки, архивы и фонды культурного наследия. По ее мнению, публичная история в условиях «мемориальной парадигмы» может придать «образам прошлого» значение важного фактора консолидации общества.

В.Г. Кокоулин (Новосибирск) на основе анализа взаимосвязи массового исторического сознания и политики памяти в постсоветской России сделал вывод об их активном противостоянии и нарастающей ностальгии по советскому прошлому. В.П. Корзун (Омск) рассмотрела публичные практики советских ученых в контексте социального запроса к профессии историка, выделив три этапа конструирования публичной истории. М.К. Чуркин (Омск) в своем докладе проанализировал стратегии и практики западного и российского научно-исторического сообществ в продвижении исторического знания в широкие массы в условиях «антропологического и культурного по-

воротов» начала XXI в. И.И. Кротт (Омск) сделал акцент на формировании публичной истории через развитие в российских университетах образовательных программ уровня магистратуры.

Созданная историками база научных знаний не может существовать без трансляции этих знаний в массовую аудиторию различными средствами. В связи с этим Е.А. Полякова (Барнаул) в своем выступлении рассмотрела потенциал образовательной деятельности музея в контексте современной социокультурной ситуации, где музей выступает в качестве института сохранения исторической памяти.

Часть пленарных докладов конференции была традиционно посвящена анализу наследия Н.М. Ядринцева, а также проекту «Ядринцевские чтения» как особой форме репрезентации исторических знаний. М.В. Шиловский (Новосибирск) в своем докладе отметил, что в многочисленных публикациях Н.М. Ядринцева за 1870–1880 гг. прослеживается эволюция его взглядов на перспективы социально-экономического будущего Сибири. В.Г. Рыженко (Омск) в своем выступлении представила феномен именных чтений в современной историографии и краеведении как отдельный тип междисциплинарной проектной коммуникации, отметив, что конференции такого рода являются особой формой репрезентации исторических знаний в научном пространстве.

СЪЕЗД КРАЕВЕДОВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Открывая совместное пленарное заседание Всероссийской научно-практической конференции «VI Ядринцевские чтения» и съезда краеведов Омской области, с приветственным словом выступил директор Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина А.В. Ремизов (Омск), рассказавший о первом съезде краеведов Омской области (2013 г.) и отметивший актуальность краеведческих исследований в регионе. Работники учреждений культуры и образования, участвующие в краеведческой работе, с интересом заслушали доклады, посвященные состоянию и перспективам развития краеведения в разных регионах страны. Так, А.Н. Акиншин (Воронеж) изложил свою версию разграничения «научного, популярного и дилетантского аспектов краеведения», А.К. Тихонов (Владимир) проанализировал возрождение владимирского краеведения, которое было ликвидировано в 1930-е гг., рассмотрев новые формы краеведческой работы, а также отметив сложности в их реализации. В.И. Первушкин (Пенза) затронул тему взаимоотношений краеведов-любителей и профессиональных историков, подчеркнув, что в настоящее время появились исследователи, главная цель которых состоит в создании «искусственных сенсаций».

Важное место в краеведческих исследованиях занимает изучение культурного наследия народов России. М.А. Жигунова (Омск) представила результаты анализа вариативности национально-культурной идентичности современного населения Сибири, особое внимание уделив факторам, влияющим на формирование региональной сибирской идентичности, а также способам ее актуализации и презентации. Т.Н. Золотова (Омск), рассмотрев конструирование символики и создание мифов в современных российских праздниках, пришла к следующим выводам: конструирование и существование праздничных символов связано со стремлением субъектов транслировать основные идеи праздника, подчеркнуть его социальную значимость и усилить его интегрирующую роль; изменение праздничной символики отражает протекающие в обществе политические и социокультурные процессы; на популярность праздников и формирование их символики оказывают серьезное влияние средства массовой информации, прежде всего Интернет. О знаковых событиях в 145-летней истории омской археологии, у истоков которой стояли И.Я. Словцов и Н.М. Ядринцев, а научные основы были заложены Археологической комиссией при Западно-Сибирском отделении Русского географического общества, в своем выступлении рассказал Б.А. Коники (Омск).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В БОРЬБЕ С МИФОТВОРЧЕСТВОМ

Проблемы репрезентации исторических знаний и борьбы с фальсификациями в публичной истории, обозначенные на пленарном заседании конференции, продолжали обсуждаться на секциях. В рамках работы секции «Проблема исторического факта: публичная история и мифотворчество» (руководители – М.К. Чуркин, В.И. Первушкин, А.Н. Акиншин, О.В. Блинова) было заслушано 13 докладов. Здесь обсуждались вопросы современного состояния и проблемы взаимодействия современной исторической науки и краеведения, формирования государственной идентичности и памяти регионального социума. Представлен опыт работы краеведческих обществ на местах, в частности, председателем Великолукского городского краеведческого общества Д.А. Бельюковым была освещена роль краеведения в пространстве исторической памяти и в связи с 850-летием г. Великие Луки. Ряд вопросов был посвящен Н.М. Ядринцеву как публицисту, политике памяти о нем как средстве формирования сибирской региональной идентичности. Целый блок докладов касался вопросов сохранения отдельных исторических событий в социальной памяти, а также достоверности исторического факта в пространстве публичной

истории. Особое внимание участников привлек доклад О.Б. Леонтьевой (Самара), представившей развернутый анализ смены трактовок Крестьянской реформы 1861 г. в учебной литературе.

Секция «Объекты культурной памяти: опыт сохранения и репрезентации в современной практике» (руководители – Е.А. Полякова, Д.В. Ерошевская, Т.М. Назарцева) обсудила 9 докладов, большая часть которых была посвящена проблемам музееведения – фондовой и экспозиционной работе, научной и образовательной деятельности в Омском государственном историко-краеведческом музее на разных этапах его исторического развития. Кроме того, рассматривались проблемы сохранения и популяризации археологических находок, сохранения исторической памяти о прошлом библиотечного дела в Омской области, изучения, сохранения, публикации и актуализации творческого и научного наследия на примере конкретных авторов.

На секции «Историко-культурное наследие в междисциплинарном дискурсе» (руководители – С.Н. Корусенко, И.А. Селезнева, О.В. Котовщикова) было представлено 12 докладов. В связи с 200-летием со дня рождения Ф.М. Достоевского с интересом было заслушано сообщение Е.А. Акелькиной о его пути в Сибирь. В «исторической» части исследований затрагивались вопросы происхождения русских жителей Притарья, исторической памяти татар Омского Прииртышья, сохранения казачьих укрепленных линий как объектов исторического наследия, бытования преданий о могиле хана Кучума в Мартайге, поиска слободы Царево городище на р. Исеть, использования дерева в хозяйственно-бытовой культуре г. Тары в XVII–XIX вв. Исследования антропологической и культурологической тематики нашли отражение в докладах по дезурбанизации как тренде современной социальной жизни, по направлениям и мотивам межрегиональной миграции населения Омского региона, по репрезентации образов прошлого в изобразительном искусстве и в современных фестивалях исторических реконструкций. Междисциплинарный дискурс наиболее ярко был отражен в представленном на секции географическом докладе о таежных экспедициях Омского пединститута в 1930-х гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимость научного анализа исторических фактов и предоставления обществу достоверной информации об истории России и культурном наследии – квинтэссенция итогов научного форума, которые были подведены на заключительном пленарном заседании (руководители – П.П. Вибе, Т.Н. Золотова, Д.В. Ерошевская). Выступившие с отчетами руководители секций внесли свои предложения в проект ре-

золюции конференции. Всего на конференции было заслушано 49 докладов, ее участники подчеркнули высокий научно-организационный уровень конференции, выразив признательность Министерству культуры Омской области, оргкомитету конференции, Омскому государственному историко-краеведческому музею и всем соорганизаторам научного форума за подготовку и обеспечение продуктивной работы «VI Ядринцевских чтений». Собравшиеся отметили большой вклад Омского регионального отделения Союза краеведов России в укрепление все-российского краеведческого движения и приняли решение обратиться в Министерство культуры Российской Федерации с просьбой поддержать инициативу Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Московского краеведческого общества и Союза краеведов России о проведении Всероссийской научно-практической конференции «Краеведение и краеведческое движение в Советском Союзе: история, опыт, наследие» в апреле 2022 г. в г. Москве.

В число рекомендаций органам власти и управления включены проведение мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения С.О. Шмидта – Всероссийских краеведческих чтений (Пенза, май 2022 г.) и круглого стола на тему «Краеведение в архивах, библиотеках, музеях, научных и учебных заведениях в XXI веке: основные проблемы и перспективы развития» (Омск, апрель 2022 г.). Научному сообществу рекомендовано продолжить исследование исторического и культурного наследия России, исторической

памяти в рамках представленных на конференции тем и новых проблемных разработок, поддержать инициативу Омского государственного историко-краеведческого музея по подготовке и публикации «Энциклопедии омского краеведения», которая отразит вклад выдающихся личностей и организаций в исследование культурного наследия, роль научных мероприятий и краеведческих изданий в изучение, сохранение и популяризацию знаний о родном крае, а региональным отделениям Союза краеведов России – организовать соответствующую работу в своих регионах.

В принятой конференцией резолюции отмечено, что «пространство публичной истории должно стать ареной взаимодействия ученых и краеведов в борьбе за чистоту краеведческих знаний, свободных от мифологии и фальсификаций» и «одним из выходов в этом направлении могут стать подобные научно-практические конференции, объединяющие в своем составе и ученых-историков, и музейных сотрудников»². Поэтому успешно реализуемый конференционный проект решено продолжить и провести Всероссийскую научно-практическую конференцию «VII Ядринцевские чтения», посвященную 145-летию Омского государственного историко-краеведческого музея и 180-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева, в мае 2023 г. в Омске. Коммуникационное пространство краеведческих конференций способствует развитию нового гуманитарного знания и благодаря его продвижению в социум формирует коллективное сознание и гражданскую ответственность у широких масс населения России.

Статья поступила в редакцию 12.11.2021

Дата рецензирования 16.11.2021

Статья принята к публикации 19.11.2021

² Резолюция Всероссийской научно-практической конференции «VI Ядринцевские чтения» на тему «Образы прошлого в публичном пространстве: проблемы репрезентации исторических знаний» (Омск, 28–30 октября 2021 г.). URL: <https://sibmuseum.ru/wp-content/uploads/2021/11/rezolyucziya-2021.pdf> (дата обращения: 18.11.2021).

DOI: 10.15372/HSS20210414

УДК 021(47)"20"

Г.М. ВИХРЕВА, Н.И. ПОДКОРЫТОВА

**БИБЛИОТЕКА И МЕГАПОЛИС:
ДИАЛОГ В ГУМАНИТАРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

Обозначившийся переход библиотеки на коммуникативную парадигму развития предполагает обращение к концептам «пространство», «библиотечное пространство», «культурно-информационное пространство». В процессе осмысления результатов исследования взаимодействия и взаимовлияния библиотечной среды и гуманитарного пространства Новосибирска выявлено, что в соответствии с множественностью образов города, сформировавшихся в относительно краткий период, его библиотечная среда складывалась тоже достаточно быстро как многоуровневая структура, заимствуя ресурсы, выстраивая разнообразие специализаций и направлений. Библиотеки обеспечивают упорядоченность и структурированность ресурсов, придают основательность и устойчивость формирующемуся информационному пространству мегаполиса.

Ключевые слова: библиотека, мегаполис, гуманитарное пространство города, диалог, хронотоп, гений места, Новосибирск.

G.M. VIKHREVA, N.I. PODKORYTOVA

**LIBRARY AND MEGALOPOLIS:
A DIALOGUE IN THE MODERN HUMANITARIAN SPACE**State Public Scientific Technological Library SB RAS,
15, Voskhod Str., Novosibirsk, 630200, Russian Federation

The designated transition of libraries to the communicative development paradigm implies the use of concepts of “space”, “library space”, “cultural and information space”. Analysis of interaction and mutual influence of the library environment and humanitarian space in Novosibirsk shows that, according to multiplicity of the city images formed for relatively short period, its library environment developed quite quickly as a multi-level structure borrowing resources, creating a variety of specializations and directions. Libraries have ensured orderliness and structuring of resources, gave solidity and stability to the emerging information space of the megalopolis.

Key words: library, megalopolis, urban humanitarian space, dialogue, chronotope, genius of place, Novosibirsk.

ВВЕДЕНИЕ

Социокультурная ситуация, в которой существует современная библиотека, характеризуется наличием глобальных связей, активно влияющих на всю систему нормативно-регулятивных средств и механизмов координации жизнедеятельности индивидов и сообществ на территории их проживания. Это обуславливает актуальность библиотечных исследований теоретико-методологического характера,

осмысливающих факторы социокультурной динамики, поиск межпредметных связей и системных подходов к изучению культурных и социальных феноменов, позволяющих модернизировать традиционные библиотечные практики.

Библиотека в качестве общественного института выполняет сегодня задачу «воспроизводства социальных связей и отношений», и потому исследователи различных областей ее деятельности все чаще обра-

Галина Михайловна Вихрева – канд. пед. наук, ведущий научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: vikhreva@spsl.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7160-9305>

Наталья Ивановна Подкорытова – канд. пед. наук, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: nip@spsl.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6249-0672>

Galina M. Vikhreva – Candidate of Pedagogical Sciences, Leading Researcher, State Public Scientific Technological Library SB RAS.

Natalya I. Podkorytova – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher, State Public Scientific Technological Library SB RAS.

щаются к теории коммуникаций. Более того, по мнению авторитетного социолога Д.К. Равинского, речь идет о переходе библиотеки на коммуникативную парадигму развития, разумеется, без утраты ею своих основных функций [1, с. 3]. Такой переход предполагает обращение к концептам «пространство», «библиотечное пространство», «культурно-информационное пространство» и т.п. Эти понятия становятся ключевыми для профессионального дискурса, помогая «отрефлексировать ранее не осознаваемые смыслы явлений и событий современного мира» и тем самым воздействовать на социальную реальность [1, с. 3]. Тенденция к изучению «среды обитания» библиотеки, пространственный подход к проблемам ее современного бытования полностью соответствуют общему вектору интереса, свойственного науке сегодняшнего дня: «Исследование пространства является приметой времени, характерной “меткой” философских дискурсов рубежа веков» [2].

Тема пространственного подхода к изучению библиотечной реальности достаточно активно обсуждается в профессиональном дискурсе [3, 4, 5, 6]. Наиболее близкой к тематике данного сообщения является публикация Е.А. Кучмуруковой и Ю.С. Ринчиновой [7], в которой авторы на примере г. Улан-Удэ анализируют условия бытования городских библиотек, рассматривают вопросы организации их внутреннего пространства, констатируют проблемы их функционирования.

Целевое исследование «среды обитания» как условия формирования у реальных и потенциальных потребителей информации ценностей, интересов и предпочтений, трансформирующихся затем в читательский спрос, является весьма востребованным для теоретической и практической деятельности современной библиотеки. В частности, оно позволяет значительно расширить рамки традиционного изучения читательских потребностей за счет вовлечения в эту сферу большего числа факторов, признаков, смыслов, воссоздающих среду, в которой эти потребности формируются.

Библиотека, будучи коммуникативно-познавательной системой, реализуется через восприятие и отражение культурно-познавательных состояний пользователя (мотив, поиск, осмысление и т.д.) в создании соответствующих их интересам документных коллекций и технологий доступа к ним. Можно говорить, что она проявляется как субъект активного деятельностного значения, влияющий на формирование сложной многоуровневой структуры города. Диалог библиотеки с городским пространством выражается в том, что она, с одной стороны, «строит» себя в процессе удовлетворения потребностей обслуживаемого контингента, а с другой – воздействует на бытие города, передавая через хранение тезаурусов культуры

смыслы различных эпох, традиций, стилей и направлений, являясь местом формирования новых взглядов, идей, кристаллизации новых социальных связей.

Документные коммуникации городской библиосферы (которая, согласно А.В. Соколову, представляет собой «мир книжности, в котором функционируют социальные институты книгоиздания, книжной торговли, библиотечного дела, библиографии» [8, с. 9], включаются в коллективный разум города, в общекультурные, образовательные, научные сегменты городского смыслового пространства, влияют на их насыщенность и сложность. В свою очередь город как удивительное явление человеческих помыслов и свершений предстает естественным источником инициатив, проектов, идей, «обеспечивающих затем развертывание корпуса наших знаний, постановку новых проблем, движущих человеческий интеллект» [9, с. 75–78].

ГУМАНИТАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕГАПОЛИСА

Помимо географических и социодемографических параметров, присущих феномену мегаполиса, последний является также неким «ментальным образованием», которое формируется специфическими культурно-историческими факторами, определяющими особенности возникновения, конструирования и развития на той или иной территории мегаполисного сознания и мегаполисной идентичности [10, с. 10].

Е.Н. Мастеница, характеризуя городское культурное пространство как «обобщенную категорию, обозначающую созданную людьми искусственную среду существования и самореализации», подчеркивает, что эта «организованная совокупность физических, символических объектов, технологий, нормативных и ценностных образований» включает «не только материальные (природные или искусственные, то есть созданные людьми объекты)», но и то, что Н.П. Анциферов вслед за своим учителем И.М. Гревсом характеризовал как «душа города» [11, с. 227]. Эти идеальные феномены («душа города», «дух города» и др.) Е. А. Гранкина использует в качестве базы для конструирования интегрального и трансдисциплинарного понятия **«городское гуманитарное пространство»**, систематизирующего всю совокупность «культурно-семиотических контрастов» (Ю.М. Лотман), символов, метафор и ценностей, представляющих мегаполис.

То, что городское гуманитарное пространство включает в себя, в частности, «различные институты, транслирующие гуманитарное знание и формируемые на его основе смыслы городской реальности» [12], дает нам основание рассматривать социокультурный институт «библиотека» в качестве значимого элемента данной структуры.

Отметив, что гуманитарное пространство города конституируется различными подсистемами, Е.А. Гранкина предлагает в качестве инструментария для измерения этого пространства наиболее значимые из них – хронотоп, институты и «гении места». **Хронотоп** как специфическое образование, дающее представление о пространственно-временных координатах бытия города и их исторически закономерных культурных смыслах, позволяет исследовать тот или иной город в рамках основных ценностно-смысловых ориентиров, зафиксированных в его пространственно-временных структурах. Степень «насыщенности» городской среды различными социальными институтами, создающими и транслирующими значимые гуманитарные смыслы, дает представление о многомерности гуманитарного пространства города, о коммуникационных возможностях внутри него. Под «гениями места» подразумевается «человеческий потенциал города», наполняющий его гуманитарное пространство содержанием и играющий градообразующую роль [12].

Исследователями отмечено, что в пределах административно-территориального деления Российской Федерации «провинциальные столицы», к которым может быть отнесен и Новосибирск, выступают некими символическими «маяками», центрами особых смысловых миров [13, с. 44]. Гуманитарное пространство Новосибирска многомерно и сложно организовано, поэтому для его целостного осмысления важно оценить значение основных культурно-исторических факторов, определяющих особенности конструирования тех или иных аспектов мегаполисного сознания. Сравнительно короткий исторический путь Новосибирска (в 2021 г. ему исполнилось всего 128 лет) характеризуется высокими темпами трансформаций пространственно-временных координат и очень плотной событийной насыщенностью. Для природы этого мегаполиса свойственно сочетание разнородных ментальных конструкторов и мемориальных слоев, в которых отражаются историко-культурная символизация и мифология городского пространства.

Формирование и развитие библиотек происходит на протяжении всей напряженной истории города наряду с другими институтами образования, науки и культуры. Сейчас в городе сложилось несколько библиотечных систем разного статуса и ведомственной принадлежности. Насыщенность городского пространства научными и образовательными организациями определила структуру и специализацию библиотечных фондов Новосибирска: собрания научных библиотек города составляют около 79 % общегородского библиотечного фонда, из них 40 % принадлежат ГПНТБ СО РАН.

Значимая роль в генерировании, сохранении и распространении знания в городском пространстве принадлежит Новосибирской государственной областной научной библиотеке (НГОНБ) и ГПНТБ СО РАН. Они изначально создавались как научные и на первых этапах своего развития были включены в культурную и научно-образовательную сферы города. В их формировании можно выделить и общие значимые факторы, обусловленные глубокой связью этих библиотек с историей Новосибирска. Мобилизационный характер развития города, событийная плотность его становления активировали в деятельности этих библиотек мемориальные функции: особое внимание к собиранию, накоплению и сохранению документальной памяти. Для НГОНБ – это формирование краеведческих коллекций, для ГПНТБ СО РАН – описание и упорядочение производимого научным сообществом СО РАН контентного ресурса. Тем самым сберегается «корневая» память об истоках формирования научно-образовательного и культурного пространства Новосибирска и новосибирского Академгородка.

Мегаполис и библиотека существовали в режиме диалога всегда, создавая общими усилиями городское культурное пространство. Мы видим, что Новосибирск на протяжении сравнительно короткого времени не раз менял свой облик. Множественность образов явилась основанием для разности интересов, стилей жизни и целеполаганий городского социума. В соответствии с этим библиотечная среда города складывалась как многоуровневая структура, не всегда успевавшая за стремительной динамикой информационных потребностей жителей, хотя формировалась достаточно быстро, заимствуя ресурсы, выстраивая разнообразие специализаций и направлений. Библиотеки как организации, обеспечивающие упорядоченность и структурированность ресурсов, придали основательность и устойчивость сложному, стихийно формирующемуся информационному пространству мегаполиса. Создавая его научно-образовательный и культурный контекст, библиотеки участвуют в формировании специфического социокода Новосибирска, необходимого для развития его социального организма.

Тема диалога города и библиотеки далеко не исчерпывается ситуацией, описанной в данном материале и рассматривающей лишь самый первый, традиционный уровень их взаимовлияния. Изучение процесса взаимодействия библиотечной среды и городского пространства представляется нам весьма перспективным. В связи с нарастающими явлениями урбанизации и глобализации, ускоряющейся динамикой социума взаимовлияние этих объектов приобретает сложный, подчас нелинейный характер и требу-

ет проведения междисциплинарных исследований социальных и культурных феноменов города в целях расширения профессионального библиотечного сознания. Библиотека как фактор воздействия на ментальный конструкт города может и должна быть предметом дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матлина С.Г. Библиотечное пространство: от публичного к общественному. Новые понятия и их смыслы // Библиотечное дело. 2014. № 21. С. 2–9.
2. Гусейнов Г. Пространство // Отечественные записки. 2002. № 6. URL: <https://strana-oz.ru/2002/6/prostranstvo>.
3. Матлина С.Г. Библиотечное пространство: в поисках определения (социокультурные аспекты) // Научные и технические библиотеки. 2013. № 7. С. 3–20.
4. Дубинина О.А. Библиотека в пространстве современного города: Архитектура и дизайн. От прошлого к будущему М.: Библиомир, 2014. 160 с.
5. Быстрицкая Г.Г., Ломова М.Э. Чтение в социокультурном пространстве мегаполиса (на примере г. Омска) // Вестн. Ом. ун-та. 2012. № 3. С. 180–187.
6. Игумнова Н.П. Евразийское библиотечное пространство: теория и практика развития : дис. д-ра пед. наук. М., 2009. 367 с.
7. Кучмурукова Е.А., Ринчинова Ю.С. Трансформация библиотечного пространства: мнение горожан // Библиотековедение. 2018. Т. 67, № 1. С. 110–116.
8. Соколов А.В. Библиосфера и инфосфера в культурном пространстве России: профессионально-мировоззренческое пособие. М.: РШБА, 2016. 384 с.
9. Волков В.Е. Осмысленность города // RELGA. 2008. № 09 (375). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=2199>.
10. Власова Е.В. Мегалополь как семантико-символическая культура : дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 199 с.
11. Мастеница Е.Н. Культурное пространство города: пути постижения и интерпретации // Труды СПб. гос. ун-та культуры и искусств. СПб., 2015. Т. 212. С. 223–237.
12. Гранкина Е.А. Гуманитарное пространство города: хроно-топ, институты, «гении места» : дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2016. 165 с.

13. Щербинина Н.Г. Образ города как символический конструкт. // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3. С. 42–52.

REFERENCES

1. Matlina S.G. Library space: from public to social one. New concepts and their meanings. *Bibliotekovedeniye*, 2014, no. 21, pp. 2–9. (In Russ.).
2. Guseinov G. Space. *Otechestvennyye zapiski*, 2002, no. 6. URL: <https://strana-oz.ru/2002/6/prostranstvo>. (In Russ.).
3. Matlina S.G. Library space: in searching the definition (socio-cultural aspects). *Nauchnyye i tekhnicheskiye biblioteki*, 2013, no. 7, pp. 3–20. (In Russ.).
4. Dubinina O.A. Library in the space of the modern city: architecture and design. From the past to the future. Moscow, Biblomis, 2014, 160 p. (In Russ.).
5. Bystritskaya G.G., Lomova M.E. Reading in the socio-cultural space of a metropolis (a case of Omsk). *Omsk University Bulletin*, 2012, no. 3, pp. 180–187. (In Russ.).
6. Igumnova N.P. Eurasian library space: theory and practice of development: dissertation. Moscow, 2009, 367 p. (In Russ.).
7. Kuchmurukova E.A., Rinchinova Yu.S. The library space transformation: the opinion of the townspeople. *Bibliotekovedeniye*, 2018, vol. 67, no. 1, pp. 110–116. (In Russ.).
8. Sokolov A.V. Bibliosphere and infosphere in the cultural space of Russia: professional and worldview guide. Moscow, RShBA, 2016, 384 p. (In Russ.).
9. Volkov V.E. The meaningfulness of the city. *Relga*, 2008, no. 09. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=2199>. (In Russ.).
10. Vlasova E.V. Megalopolis as a semantic-symbolic culture: dissertation. Moscow, 2013, 199 p. (In Russ.).
11. Mastenitsa E.N. The urban cultural space: ways of comprehension and interpretation. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2015, vol. 212, pp. 223–237. (In Russ.).
12. Grankina E.A. Humanitarian space of the city: chronotope, institutions, “geniuses of place”: dissertation. Saransk, 2016, 165 p. (In Russ.).
13. Shcherbinina N.G. The city image as a symbolic construct. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2011, no. 3, pp. 42–52. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.12.2020

Дата рецензирования 11.05.2021

Статья принята к публикации 30.09.2021

DOI: 10.15372/HSS20210415

УДК 002.(571.1/.6):908:004

И.С. ТРОЯК

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА КОРЕННЫХ И МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ЭЛЕКТРОННЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ РЕСУРСАХ РЕГИОНА

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье анализируется степень вовлеченности в электронную информационную среду книжной культуры коренных и малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока посредством ее представления на сайтах местных библиотек разного уровня. Дается обзор современных российских публикаций по проблемам изучения интернет-ресурсов, посвященных коренным и малочисленным народам. В качестве основного способа репрезентации их книжной культуры рассматривается практика создания библиотеками региона полнотекстовых баз данных, включающих не только книги на языке коренного населения, но и издания, отражающие этнокультурную специфику конкретной территории.

Ключевые слова: книжная культура, информационная среда, коренные и малочисленные народы Сибири и Дальнего Востока, краеведческая деятельность библиотек, краеведческие интернет-ресурсы, полнотекстовые базы данных.

I. S. TROYAK

BOOK CULTURE OF SIBERIA AND THE FAR EASTERN INDIGENOUS AND SMALL PEOPLES IN LOCAL LORE ELECTRONIC REGIONAL RESOURCES

State Public Scientific Technological Library SB RAS,
15, Voshod str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

The paper analyzes the degree of involving the book culture of the indigenous and small peoples of Siberia and the Far East into the electronic information environment by its presentation on websites of at local libraries different level. It overviews modern Russian publications on the issue of studying Internet resources dedicated to indigenous and small peoples. The practice of creating full-text databases by regional libraries including both books in indigenous languages and editions reflecting the ethno-cultural specifics of a particular territory is considered as the main way to represent their book culture.

Key words: book culture in information environment, Siberian and Far Eastern indigenous and small peoples, ethno-cultural specificity of library local lore activities, local lore Internet resources, full-text databases.

ВВЕДЕНИЕ

Современное пространство социальной коммуникации, складывающееся из множества сегментов, одним из которых является книжная культура, находится в процессе постоянного изменения, испытывая воздействие информационных технологий. Его трансформации, начатые еще во второй половине XX в., получили в западной литературе название *медиаморфозов* [1]. Они основаны на введении новых медиа, но не на исчезновении старых. Согласно данной концепции,

цифровизация не уничтожает письмо и печать, но создает им новую, дополнительную жизнь. Взаимовлияние разных средств массовой информации, как правило – старых и новых, выражается, в частности, в использовании интернет-сервисов, создании традиционными печатными СМИ своих электронных версий в интернете, появлении разнообразных баз данных, использующих содержание книг и журналов и/или представляющих их полнотекстовые электронные версии для чтения и скачивания [2, с. 43–44].

Ирина Сергеевна Трояк – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: troyak@gpntbsib.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3325-4280>

Irina S. Troyak – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, State Public Scientific Technological Library SB RAS.

В связи с усилившимися на рубеже XX–XXI вв. процессами глобализации особую актуальность приобретает сохранение культурного своеобразия разных народов. В 2000-х гг. сотрудниками Научно-исследовательского института информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств было начато изучение российских и зарубежных интернет-ресурсов, посвященных коренным и малочисленным народам. Результаты этой работы представлены в публикациях Н.И. Гендиной и Н.И. Колковой, которые на основании анализа содержания сайтов о коренных малочисленных народах России, США, Канады и Австралии выявили отличительные особенности структуры этих информационных ресурсов в разных странах. В качестве общей проблемы отмечено отсутствие целостного подхода к представлению информации о жизни этносов. Инструментом, позволяющим устранить данную фрагментарность информации, они считают двухуровневый рубрикатор, на основе которого может осуществляться содержательное наполнение сайтов о коренных малочисленных народах [3, 4].

Кемеровскими исследователями также было выявлено 15 типов российских организаций и учреждений, которые занимаются созданием интернет-ресурсов о коренных малочисленных народах. Однако координация между ними довольно слабая. Особое внимание авторы уделили изучению деятельности по репрезентации культурного наследия коренных малочисленных народов на сайтах библиотек, отметив отрывочность и неполноту представленной информации и ее распределение по одним и тем же нескольким тематическим направлениям [5; 6, с. 9].

Использование сети Интернет для сохранения и популяризации культурного наследия народов Западной Сибири рассматривается в статье А.А. Ильиной и О.В. Петренко. Изучение ими сайтов территориальных органов государственной власти, вузов, научно-исследовательских институтов, учреждений культуры и ассоциаций коренных малочисленных народов указало на положительный опыт использования информационных ресурсов для сохранения и популяризации культурного наследия коренных народов. Авторами также отмечена перспективность дальнейшего исследования сети Интернет в избранном направлении с дальнейшим расширением источниковой базы [7].

Осознанию значимости и ценности собственной культуры у разных народов способствуют также и книжные издания на их языках. В разработанном Н.И. Гендиной и Н.И. Колковой рубрикаторе «Коренные малочисленные народы» в качестве одной из позиций, по которой должно осуществляться наполнение контента информационного ресурса об этносе, названы «Литература. Издательская и полиграфиче-

ская деятельность. Печатные издания» [4, с. 224]. В связи с этим одним из направлений изучения может стать такая составляющая наследия коренных и малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока в информационной среде, как книжная культура. В представленных выше публикациях эта тема практически не рассматривалась либо освещалась фрагментарно наряду с другими аспектами информационного наполнения интернет-ресурсов.

Цель данной статьи – охарактеризовать степень вовлеченности в электронную информационную среду книжной культуры коренных и малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ И МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РЕГИОНА НА САЙТАХ БИБЛИОТЕК

Анализ представленных на сайтах библиотек региона информационных ресурсов о коренных народах показал, что наиболее распространенной практикой представления их книжной культуры является размещение полнотекстовых версий изданий. В регионе наибольшим опытом в данной сфере обладает Национальная библиотека Республики Саха (Якутия), с 1996 г. отвечающая за создание и использование информационных ресурсов по северным территориям России.

Информационная система «Электронная библиотека Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия)» по состоянию на конец апреля 2021 г. включала 202 тематические подборки, содержащие оцифрованные документы из фонда библиотеки – книги, периодические издания, статьи¹. Большинство представленных в ней изданий связаны с Якутией, ее историей, культурой и традициями проживающих в ней народов. Среди оцифрованных книг преобладают выпущенные на территории республики. Доступ к большей части изданий осуществляется через интернет после регистрации на сайте библиотеки.

Наиболее значимыми тематическими коллекциями «Электронной библиотеки Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия)», с точки зрения представления якутской книжной культуры, являются: 1) «Якутский героический эпос “Олонхо”»; 2) «Книжные памятники Якутии»; 3) «100 произведений писателей Якутии, рекомендованных для чтения».

На сохранение культурного наследия малочисленных народов Севера направлен реализуемый с конца 1990-х гг. Национальной библиотекой Республики Саха (Якутия) при поддержке региональных властей проект «Документальная память народов Се-

¹ Электронная библиотека Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). Тематические подборки. URL: <https://e.nlrs.ru/collections> (дата обращения: 30.04.2021).

вера («Книгакан»)). Благодаря ему были созданы полнотекстовые электронные коллекции изданий на долганском, эвенском, эвенкийском, чукотском и юкагирском языках. По состоянию на конец апреля 2021 г. «Книгакан» насчитывал 1238 документов².

Национальной библиотекой Республики Бурятия с 2008 г. начал формироваться электронный ресурс «Электронная библиотека «Бурятия»», содержащий оцифрованные краеведческие документы (рукописные, печатные, фотодокументы, нотные издания, периодические издания прошлых лет как из фондов Национальной библиотеки, так и из музейных, архивных и иных фондов республики). Предпочтение отдается истории, экономике, экологии и культуре республики. В 2015 г. «Электронная библиотека «Бурятия»» (ЭБ «Бурятия») была зарегистрирована в Реестре баз данных Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) (№2015621397 от 11.09.2015 г.). Просмотр изданий, охраняемых авторским правом, допускается только в стенах библиотеки, остальные издания находятся в свободном доступе³. По состоянию на конец апреля 2021 г., в ЭБ «Бурятия» выявлено 2111 книг, из которых 1610 – на русском языке, 358 – на бурятском, а также имеются издания на английском, монгольском и эвенкийском языках.

В электронной библиотеке Национальной библиотеки им. Н.Г. Доможакова⁴ (Республика Хакасия) книги на хакасском языке представлены в коллекциях: «Книги на хакасском языке», «Хакасский фольклор» и «Литературная Хакасия». В первых двух коллекциях преобладают издания 1930–1960-х гг. Коллекция «Литературная Хакасия» содержит электронные версии произведений местных писателей, выпущенных в разные годы, в том числе версии современных изданий. В коллекции имеется одна аудиокнига на хакасском языке – «Пай тирек» («Ветвистый тополь») А.Я. Черпакова⁵.

На сайте Национальной библиотеки Республики Тыва им. А.С. Пушкина помещены полнотекстовые версии изданий на тувинском языке. Они представле-

ны литературно-художественным альманахом «Улуг-Хем» за 1946–2016 гг. в электронной библиотеке «Тува читающая»⁶, а также в разделе «Краеведение» изданиями тувинского фольклора, выпущенными в 1940–1990-х гг.⁷

В 2011 г. к работе над проектом «Электронная библиотека Республики Алтай» (ЭБ РА) приступила Национальная библиотека им. М.В. Чевалкова. ЭБ РА включает библиографические, фактографические и полнотекстовые электронные ресурсы о Горном Алтае, которые доступны через Интернет. Ресурс объединяет 11 тематических коллекций, в 7 из них имеются издания на алтайском языке, выпущенные в XIX–XXI вв. Представлен также раздел «Периодические издания». Основу полнотекстовой базы данных составляют собственные фонды. В наполнении электронной библиотеки участвовали Российская национальная библиотека и Российская государственная библиотека⁸.

Традиционные места проживания коренных малочисленных народов располагаются не только в национальных республиках Сибири и Дальнего Востока, но и на территории большинства краев и областей региона, что также находит отражение в деятельности местных библиотек. Так, на сайте Сахалинской областной универсальной научной библиотеки (СахОУНБ) имеется ресурс «Публичная электронная библиотека», содержащий раздел «Коренные этносы Сахалина»⁹. Он включает полнотекстовые версии книг о коренных народах Сахалина. Просмотр большинства изданий возможен только с компьютеров библиотеки. На сайте СахОУНБ также размещен одноименный краеведческий тематический ресурс¹⁰, материалы которого содержат информацию об истории, культуре и современной жизни коренных малочисленных народов области. В разделе «Литература» в свободном доступе через Интернет содержится 49 книг. Ресурсы в определенной степени дублируют друг друга (хотя в разделе «Публичной электронной библиотеки» книг больше) и включают незначительное количество изданий на языках коренных народов острова.

² Электронная библиотека Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). Тематические подборки. Книгакан // Электронная библиотека Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). Тематические подборки. URL: <https://e.nlrs.ru/collections/10> (дата обращения: 20.04.2021).

³ «Бурятия». Электронная библиотека. URL: http://buryatika.ru/jirbis2/index.php?option=com_content&view=article&id=10:pravila-polzovaniya&catid=2:static (дата обращения: 15.04.2021).

⁴ Национальная библиотека им. Н. Г. Доможакова. Электронная библиотека. URL: <https://nbdrx.ru/ElectronBiblioteka.aspx> (дата обращения: 12.04.2021).

⁵ Издана в 2020 г. при поддержке Новосибирского регионального общественного фонда сохранения культуры хакасов «Ал Хоорай» на средства Фонда президентских грантов.

⁶ Национальная библиотека Республики Тыва. Электронная библиотека «Тува читающая». URL: <https://tuva-library.ru/elektronnaya-biblioteka> (дата обращения: 18.04.2021).

⁷ Национальная библиотека Республики Тыва. Тыва чоннун алдын үүжези URL: <https://tuva-library.ru/contents/117-tuvinskie-skazki.html> (дата обращения: 18.04.2021).

⁸ Национальная библиотека Республики Алтай им. М. В. Чевалкова. Электронная библиотека. URL: <https://nbra.ru/elektronnaya-biblioteka> (дата обращения: 18.04.2021).

⁹ Сахалинская областная универсальная научная библиотека. Коренные этносы Сахалина. URL: <http://peb.libsakh.ru:3783/dsweb/View/ResourceCollection-62> (дата обращения: 20.04.2021).

¹⁰ Коренные этносы Сахалина. URL: <http://indigen.libsakh.ru/> (дата обращения: 20.04.2021).

СахОУНБ также ведет сайт «Электронная библиотека «Сахалин и Курилы – острова утренней зари»»¹¹. Сайт предоставляет свободный доступ к цифровым копиям областных и районных газет, различающихся по хронологии и по тематическим подборкам. Статьи с информацией о выпуске изданий на языках коренных народов острова или книг, рассказывающих об их культуре, находятся в подборках «Коренные этносы Сахалина» и «Книжное дело» (входит в состав подраздела «Краеведческие материалы»). Материалы одной подборки не дублируются в другой, что несколько затрудняет поиск нужной информации.

Большую работу по сохранению культурного и языкового наследия коренных народов о. Сахалин ведет Ногликская централизованная библиотечная система. Благодаря финансовой поддержке компаний «Сахалин Энерджи» и «Эксон Нефтегаз Лимитед», а также администрации Сахалинской области она выпускает книги на нивхском и уйльтинском языках, параллельно размещая их в свободном доступе на сайте ЦБС¹².

На сайте Магаданской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина в разделе «Электронная библиотека» имеется полнотекстовый электронный ресурс «Фольклор коренных народов Крайнего Северо-Востока России»¹³. В коллекции пока представлено 13 изданий чукотских, эскимосских и эвенских сказок и других фольклорных произведений, выпущенных в 1957–1986 гг. Магаданским книжным издательством на русском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, деятельностью по репрезентации книжной культуры коренного населения в электронной среде занимаются, прежде всего, библиотеки национальных административно-территориальных образований региона. Библиотеки тех краев и областей Сибири и Дальнего Востока, на территории которых имеются места компактного проживания коренных народов, готовят и размещают на своих сайтах информационно-справочные материалы об их

культуре и традициях, полнотекстовые базы данных, содержащие книги на языках коренных народов, а также издания, отражающие этнокультурную специфику местности. Большинство изданий, размещенных в подготовленных библиотеками полнотекстовых интернет-ресурсах, относятся к советскому периоду. С одной стороны, такой контент способствует сохранению и популяризации этой части книжного наследия коренных народов среди широкого круга читателей, а с другой – не дает достаточно полного представления о современных публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fidler R. *Mediamorphosis: Understanding New Media*. Thousand Oaks, CA: Pince Forge Press, 1997, 302 p.
2. Pisarek W. *Transformacje komunikacji społecznej na przełomie XX i XXI wieku* // *Encyklopedia książki*. T. 1, Eсеje, A–J / pod red. Anny Zbikowskiej-Migoń i Marty Skalskiej-Zlat. Wrocław, 2017. P. 33–44.
3. Гендина Н.И., Колкова Н.И. Коренные малочисленные народы в зеркале отечественных и зарубежных сайтов: концептуальные подходы к разработке средств оптимизации контента // *Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Культурология и искусствоведение*. 2015. № 2. С. 143–152. DOI: 10.17223/22220836/18/18.
4. Гендина Н.И., Колкова Н.И. Виртуальные средства межкультурных коммуникаций: сравнительный анализ самоидентификации коренных малочисленных народов на отечественных и зарубежных сайтах // *Вестн. КемГУКИ*. 2015. № 33. Ч. 1: Педагогические науки. С. 209–226.
5. Гендина Н.И., Колкова Н.И. Сайты библиотек и музеев: проблема системной репрезентации культурного наследия коренных малочисленных народов Кузбасса // Информационные ресурсы – футурологический аспект: планы, прогнозы, перспективы: материалы X Всерос. науч.-практ. конф. «Электронные ресурсы библиотек, музеев, архивов», Санкт-Петербург, 30–31 октября 2014 г. СПб., 2014. С. 73–85.
6. Гендина Н.И., Колкова Н.И. Официальные сайты библиотек субъектов Российской Федерации как системообразующая платформа представления информации о коренных и малочисленных народах // *Библиосфера*. 2016. № 4. С. 3–12. DOI: 10.20913/1815-3186-2016-4-3-12.
7. Ильина А.А., Петренко О.В. Культурное наследие народов Западной Сибири в сети интернет // *Вестн. Ом. ун-та. Сер. Исторические науки*. 2016. № 2. С. 106–117.

REFERENCES

1. Fidler R. *Mediamorphosis: understanding new media*. Thousand Oaks, Pince Forge Press, 1997, 302 p.
2. Pisarek W. Transformations of social communication at the turn of the 20th and 21st centuries. *Encyklopedia książki*. Wrocław, 2017, vol. 1, pp. 33–44. (In Pol.).
3. Gendina N.I., Kolkova N.I. Indigenous peoples in the mirror of domestic and foreign sites: conceptual approaches to development of tools optimizing the content. *Vestnik Tomsogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye*, 2015, no. 2, pp. 143–152. DOI: 10.17223/22220836/18/18. (In Russ.)
4. Gendina N.I., Kolkova N.I. Virtual means of intercultural communication: a comparative analysis identity of indigenous peoples on domestic and foreign sites. *Vestnik KemGUKI*, 2015, no. 33, pt. 1, pp. 209–226. (In Russ.)
5. Gendina N.I., Kolkova N.I. Library and museum websites: the problem of systemic representation of Kuzbass indigenous people's

¹¹ Электронная библиотека «Сахалин и Курилы – острова утренней зари». URL: <https://morningislands.ru/themes/23448> (дата обращения: 20.04.2021). Проект является частью государственной программы «Развитие сферы культуры в Сахалинской области» на 2014–2020 гг.

¹² Ногликская централизованная библиотечная система. Этнография. URL: <https://lib-nogliki.shl.muzkult.ru/Ethnography> (дата обращения: 20.04.2021).

¹³ Магаданская областная научная библиотека. Электронная библиотека. Фольклор коренных народов Крайнего Северо-Востока России. URL: <https://mounb.ru/folklor-korenykh-narodov-krajnego-severo-vostoka-rossii/> (дата обращения: 20.04.2021).

cultural heritage. *Informatsionnyye resursy – futurologicheskiy aspekt: plany, prognozy, perspektivy : sb. materialov ezhegod. Vseros. nauch.-prakt. konf., Sankt-Peterburg, 30–31 okt. 2014 g.* Saint Petersburg, 2014, pp. 73–85. (In Russ.)

6. Gendina N.I., Kolkova N.I. Official sites of central libraries of the Russian Federation's constituent entities as a system forming plat-

form of information presentation on indigenous ethnic groups. *Bibliosfera*, 2016, no. 4, pp. 3–12. DOI: 10.20913/1815-3186-2016-4-3-12. (In Russ.)

7. Il'ina A.A., Petrenko O.V. Cultural heritage of the people of Western Siberia on the Internet. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*, 2016, no. 2, pp. 106–117. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.05.2021

Дата рецензирования 11.05.2021

Статья принята к публикации 30.09.2021

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20210416
УДК 94(47)"1941/1945"

К.В. МИНКОВА

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: И.В. БЫСТРОВА. ЛЕНД-ЛИЗ ДЛЯ СССР: ЭКОНОМИКА, ТЕХНИКА, ЛЮДИ. М.: КУЧКОВО ПОЛЕ, 2019. 480 с.

Санкт-Петербургский государственный университет,
РФ, 199034, Университетская наб., 7/9

Рецензируемая книга посвящена одной из значимых страниц истории Великой Отечественной войны – программе помощи союзникам по ленд-лизу. В рецензии отмечается важность введения в научный оборот пласта документов Правительственной закупочной комиссии (ПЗК), отложившихся в Российском государственном архиве экономики и досконально изученных автором монографии. Несомненную значимость имеет и анализ внутренних противоречий в правительстве США, сыгравших не последнюю роль в задержках реализации программы ленд-лиза. Описание действий ПЗК в мае 1945 г., после внезапной приостановки поставок в СССР из США, закрывает одну из лапун, до сих пор остающихся в отечественной историографии ленд-лиза.

Ключевые слова: ленд-лиз, СССР, США, Правительственная закупочная комиссия.

K.V. MINKOVA

BOOK REVIEW: I.V. BYSTROVA. LEND-LEASE FOR THE USSR: ECONOMY, TECHNIC, PEOPLE. MOSCOW: KUCHKOV POLE, 2019. 480 p.

Saint Petersburg State University,
7/9, University Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

The book under review is devoted to a significant page in the Great Patriotic War history – the Lend-Lease assistance program for the allies. The review notes the importance of introducing into the Russian scientific circulation the documents of the Government Purchasing Commission (GPC) deposited in the Russian State Archive of Economics, and thoroughly studied by the monograph's author. The analysis of internal structural contradictions in the US government, which played an important role in delaying the implementation of the Lend-Lease program, is also of undoubted importance. The description of GPC actions in May 1945, after a sudden suspension of supplies to the USSR from the United States, closes a lacuna that has still remained in the Lend-Lease national historiography.

Key words: Lend-Lease, USSR, USA, Government Purchasing Commission.

ВВЕДЕНИЕ

Тема ленд-лиза, как и другие аспекты истории межсоюзнических отношений в годы Второй мировой войны, продолжает сохранять высокую актуаль-

ность. После открытия архивов крупные работы, посвященные объемам, составу и маршрутам поставок в Советский Союз, опубликовали М.Н. Супрун [1], Н.В. Бутенина [2], Н.И. Рыжков [3], В.Н. и И.В. Крас-

Кристина Владимировна Минкова – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: k.minkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5833-6808>.

Kristina V. Minkova – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of American Studies, Saint Petersburg State University, e-mail: k.minkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5833-6808>.

новы [4]. В этих и других исследованиях [5, 6, 7] затрагивался обратный ленд-лиз, велись споры о значении ленд-лиза для СССР, подробно описывались полярные конвои и работа авиатрассы «Аляска–Сибирь». Однако в рецензируемой монографии И.В. Быстровой впервые в историографии ленд-лиз рассматривается сквозь призму деятельности важнейшего советского агентства, координировавшего поставки в Советский Союз, – Правительственной закупочной комиссии СССР (ПЗК) в США. Автор строго придерживается принципа историзма и научной объективности, избегая упрощений и мифов.

РОЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ЗАКУПОЧНОЙ КОМИССИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ЛЕНД-ЛИЗА

ПЗК сыграла решающую роль в успешной реализации программы ленд-лиза для Советского Союза. Особого внимания заслуживает тщательно изученный автором механизм ее работы в США – прежде всего взаимодействие с деловыми кругами и с правительственными институтами. Наибольший интерес при этом представляют два этапа работы ПЗК: начальный, когда обязательства США по ленд-лизу выполнялись не в полной мере, и май 1945 г. – период первого прекращения поставок в СССР.

И.В. Быстрова отмечает уникальность Закупочной комиссии: в отличие от других структур, непосредственно участвовавших в реализации программы ленд-лиза в СССР и США, данная комиссия создавалась, по сути, совместно с США; принципы ее деятельности вырабатывались в ходе переговоров и конференций представителей советской и американской сторон (с. 22–24).

В западной историографии зачастую представляется, что СССР изначально снабжался по особому графику, но в действительности, как указывает автор, «Правительственной закупочной комиссии СССР <...> удалось сделать немало для преодоления различных запретов в ходе продвижения советских заказов и собирания технической информации на американских предприятиях» (с. 31).

В документах ПЗК, изученных И.В. Быстровой, сообщается, что «ленд-лизовская помощь могла идти не только через Администрацию ленд-лиза, но и за счет ассигнований для армии и флота» (с. 34). Такого рода информация ранее оставалась неизвестной российским исследователям, хотя общая сумма этих ассигнований была весьма высокой – около 44 млрд дол.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ АГЕНТСТВА США, УЧАСТВОВАВШИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ЛЕНД-ЛИЗА

Большой интерес представляет приведенное автором подробное описание правительственных

агентств США, отвечавших за практическую реализацию поставок в СССР. При этом большое внимание уделяется значению объединенных англо-американских органов – например Объединенному англо-американскому комитету по распределению вооружения и амуниции, Объединенному комитету сырьевых материалов, Объединенному комитету по регулированию морского транспорта, Объединенному комитету начальников штабов (ОКНШ) США и Великобритании и т.д. (с. 36–40). Другие авторы исследований, посвященных ленд-лизу, не рассматривают деятельность указанных структур в своих работах. Между тем, как справедливо отмечает И.В. Быстрова, эти комитеты имели принципиальное значение для реализации поставок, так как американские товары перевозились на британских судах, соответственно распределением тоннажа и проводкой занимались также британцы.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ СЛОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЛЕНД-ЛИЗА

По мнению автора монографии, одной из важнейших причин «провисания» программы поставок для СССР осенью 1941 – весной 1942 г. стало «отсутствие необходимой кооперации между отдельными комитетами, обмена информацией по запросам о ленд-лизовой помощи, недостаток доверия и взаимопонимания между военными и гражданскими снабженческими организациями» (с. 42). При этом американская сторона в полной мере осознавала перечисленные проблемы, так как деятельность объединенных англо-американских комитетов подвергалась критике в печати США.

И.В. Быстровой подробно описан процесс административного становления ПЗК. Первое заседание комиссии состоялось 15 апреля 1942 г., а уже к началу мая были выработаны основополагающие документы и инструкции, призванные организовать практическую работу советских представителей по подаче заявок, составлению документов, контролю и обеспечению продвижения и отправки грузов (с. 45). Автор подчеркивает роль руководства ПЗК в распространении на СССР системы «блок-реквизиций» – упрощенной заявки, выполнение которой проходило по ускоренной схеме (с. 44–45).

Среди других проблем, влиявших на выполнение США обязательств по ленд-лизу для СССР, И.В. Быстрова называет соперничество за право контроля над рядом отраслей американской промышленности, в частности химической, между Военно-промышленным комитетом и Администрацией ленд-лиза, с одной стороны, и Военным департаментом – с другой (с. 47). Кроме того, затруднения вызывало и расхождение стандартов производства различных изделий в советской и американской промыш-

ленности (английская система мер против метрической, разница в сетевом напряжении – 220 В против 127 В и т.д.) (с. 47–48).

Таким образом, начальный этап действия программы ленд-лиза для СССР и становление системы практического сотрудничества сопровождались столкновением интересов, постоянной борьбой и противоречиями как между представителями СССР и США, так и между американскими структурами, вовлеченными в реализацию программы. В этой ситуации, отмечает автор, Правительственная закупочная комиссия «путем активного наступления и натиска заставляла американскую сторону увеличивать объемы и номенклатуру поставок по ленд-лизу в СССР. Как видно, эти методы часто возымели свое действие» (с. 51).

ЛЕНД-ЛИЗ В СССР НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ

Несмотря на то что в марте 1942 г. президент США Ф.Д. Рузвельт взял поставки в Советский Союз под свой прямой контроль (путем создания Президентского комитета советского протокола), на практике они получили приоритет лишь с октября того же года (с. 66). И.В. Быстрова подчеркивает, что в сохранении этого приоритета до конца войны в Европе ключевую роль сыграла ПЗК, поскольку уже с конца 1943 г. американская сторона начала высказывать желание разграничить поставки в СССР на две категории: те товары и оборудование, которые должны были применяться исключительно для ведения боевых действий, предполагалось и далее поставлять по программе ленд-лиза. Оборудование, которое могло использоваться после войны, США хотели продавать в кредит или за наличные. Отдельного внимания заслуживает деятельность ПЗК в мае 1945 г. – в период первого прекращения американских поставок СССР [8, с. 140–157].

О том, что порты восточного побережья США получили распоряжение прекратить погрузку по майскому плану, сотрудники ПЗК узнали еще до того, как советское посольство в Вашингтоне получило соответствующую ноту (с. 386). Руководство комиссии немедленно связалось с Администрацией ленд-лиза и с помощником госсекретаря Клейтоном, чтобы заявить решительный протест. Из американских источников нам известно, что решение о приостановке поставок в значительной степени было вызвано внутренней неразберихой в правительственных учреждениях США. Заявленный руководством ПЗК протест стал триггером, заставившим сторонников соблюдения всех обязательств по советским поставкам объединить усилия для пересмотра решения об их приостановке. При этом руководство Закупочной комиссии было уверено, что именно его действия привели

к тому, что в итоге Соединенные Штаты выполнили свои обязательства в полном объеме.

Как отмечает И.В. Быстрова, в дни неразберихи основной задачей ПЗК являлось максимальное соблюдение интересов СССР: обеспечение доукомплектования грузов, проведение их тщательной инвентаризации и т.п. (с. 387). Эта задача была выполнена превосходно. Уже в середине мая 1945 г. сотрудники ПЗК поняли, что политическая обстановка изменилась, и в отношениях с американской стороной следовало избрать другую тактику, не подразумевавшую ни требований, ни просьб. Москва была незамедлительно проинформирована об этих наблюдениях.

Чрезвычайный интерес представляют описанные И.В. Быстровой попытки отдельных представителей американского бизнеса завязать прямые отношения с ПЗК. Автор указывает, что за этими попытками крылось стремление получить сведения о собственности американских фирм на территории Германии (с. 389). Примечательно, что обращение к советской комиссии должно было означать неспособность американских властей решить этот вопрос на правительственном уровне.

В монографии И.В. Быстровой затрагиваются и другие, не менее интересные широкой аудитории и исследователям сюжеты, прямо или косвенно связанные с ленд-лизом. Нельзя не согласиться с ее выводом о том, что «ленд-лизские договоры уже тогда начинали играть роль “узловых инструментов внешней политики” США, становились первым шагом для развития “политики послевоенной реконструкции”». Действительно, по окончании действия Закона о ленд-лизе (а зачастую и не дожидаясь этого момента) все страны-реципиенты (в том числе и Советский Союз) заключили с США так называемое Соглашение 3(с) о продолжении поставок на кредитной основе. Вместе с тем представление автора о том, что «Закон о ленд-лизе стал краеугольным законоположением США, формулирующим вопросы внутренней и внешнеполитической и экономической линии США как в период войны, так и после ее окончания» (с. 32), представляется нам несколько преувеличенным, поскольку этот закон утратил свою силу в день официального завершения Второй мировой войны, т.е. 2 сентября 1945 г., и далее никак не влиял на расстановку сил ни в США, ни на международной арене.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Монография И.В. Быстровой, основанная на значительном массиве советских источников, позволяет проследить всю историю программы ленд-лиза для Советского Союза – от зарождения до прекращения – и объективно оценить роль Правительственной закупочной комиссии, сумевшей добиться стабильного увеличения поставок в СССР в тот период, когда объ-

емы помощи другим союзникам начали снижаться. Дается развернутая номенклатура всех поставок в СССР из США с количественными данными.

Монография «Ленд-лиз для СССР: экономика, техника, люди», выполненная на высочайшем профессиональном уровне, вносит значительный вклад в изучение истории одной из ярких и вместе с тем дискуссионных страниц истории Второй мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945 гг. М.: Андреевский флаг, 1997. 364 с.
2. Бутенина Н.В. Ленд-лиз: сделка века. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 312 с.
3. Рыжков Н.И. Великая Отечественная: ленд-лиз. Изд. 2-е, доп. М.: Экономическая газета, 2020. 479 с.
4. Краснов В.Н., Краснов И.В. Ленд-лиз для СССР, 1941–1945. М.: Наука, 2008. 246 с.
5. Супрун М.Н. Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы Второй мировой войны // Отечественная история. 1996. № 3. С. 46–54.
6. Паперно А.Х. Ленд-лиз: Тихий океан. М.: Терра – книжный клуб, 1998. 368 с.
7. Minkova K.V. Lend-Lease in Early Post-war Soviet-American Relations // Вестн. СПб. ун-та. Сер. История. 2018. Т. 63, № 2. С. 614–635.

8. Минкова К.В. Экономические истоки холодной войны: советско-американские экономические отношения в 1943–1947 гг. СПб.: Скифия-принт, 2021. 504 с.

REFERENCES

1. Suprun M.N. Lend-Lease and the Arctic convoys, 1941–1945. Moscow, Andreevskiy flag, 1997, 364 p. (In Russ.)
2. Butenina N.V. Lend-Lease: a deal of the century. Moscow, HSE Publ., 2004, 312 p. (In Russ.)
3. Ryzhkov N.I. *The Great Patriotic War: Lend-Lease*. 2nd ed. Moscow: Ekonomicheskaya gazeta, 2020, 479 p. (In Russ.)
4. Krasnov V.N., Krasnov I.V. Lend-Lease for the USSR, 1941–1945. Moscow: Nauka, 2008, 246 p. (In Russ.)
5. Suprun M.N. Lend-Lease food supplies to the USSR during the Second World War. *Otechestvennaya istoriya*, 1996, no. 3, pp. 46–54. (In Russ.)
6. Paperno A.Kh. Lend-Lease: the Pacific Ocean. Moscow: Terra – Book Club, 1998, 368 p. (In Russ.)
7. Minkova K.V. Lend-Lease in the early post-war Soviet-American relations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya Istoriya*, 2018, vol. 63, no. 2, pp. 614–635.
8. Minkova K.V. The economic origins of the cold war: Soviet-American economic relations in 1943–1947. Saint Petersburg, Scythia-print, 2021, 504 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.08.2021

Дата рецензирования 02.09.2021

Статья принята к публикации 06.09.2021

DOI: 10.15372/HSS20210417

УДК 930:001.8

К.Л. ЗАХАРОВА

**МЕЖДУНАРОДНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА-КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»
(Новосибирск, 23–25 сентября 2021 г.)**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена итогам научной школы-конференции, в рамках которой молодыми учеными-историками обсуждались актуальные проблемы исторической науки. Важной частью мероприятия стала научная школа «Популяризация истории: от теории к практике»: приглашенные эксперты поделились с аудиторией своими взглядами на проблему популяризации исторического знания, которая стала магистральной темой конференции этого года. Основная работа школы-конференции проходила на секционных заседаниях по пяти тематическим направлениям: источниковедение и историография; общество и власть в мировой истории; проблемы взаимоотношений; социально-экономические процессы в мировой истории; история культуры; история международных отношений и военного дела. Завершился научный форум общей дискуссией на тематическом круглом столе «Трудности перевода: от науки к популяризации».

Ключевые слова: научный форум, школа-конференция, научная коммуникация, популяризация науки, историческое знание, новосибирский Академгородок.

K.L. ZAKHAROVA

**INTERNATIONAL YOUTH SCIENTIFIC SCHOOL-CONFERENCE «CURRENT CHALLENGES OF HISTORICAL STUDIES: YOUNG SCHOLARS' PERSPECTIVE»
(Novosibirsk, September, 23–25, 2021)**

Institute of History SB RAS,
8, Ak. Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is devoted to the results of the scientific school-conference, within the framework of which young historians discussed topical problems of historical science. An important part of the event was the scientific school «Popularization of history: from theory to practice». The experts shared with the audience their views on the problem of popularizing historical knowledge, which became the main topic of this year's conference. The school-conference's main activity was held at sessions in five topical areas: source studies and historiography; society and power in the world history; relationship problems; socio-economic processes in the world history; history of culture; history of international relations and military affairs. The scientific forum ended with a general thematic panel discussion «Translation difficulties: from science to popularization».

Key words: scientific forum, school-conference, scientific communication, science popularization, historical knowledge, Novosibirsk Akademgorodok.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время для молодых историков все более актуальной становится задача применения своих навыков за пределами академической науки. Это обусловлено в значительной мере тем, что на существующий в обществе запрос сделать знание о прошлом доступным и понятным широкой аудитории часто отвечают вовсе не представители профессио-

нального сообщества историков. Занять свое место эксперта на поле публичной истории – право и обязанность ученого.

Проблема популяризации исторического знания стала магистральной темой очередной Международной молодежной научной школы-конференции «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых», состоявшейся 23–25 сентября в новосибирском Академгородке.

Ксения Леонидовна Захарова – младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: kleo_zakharova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1620-3470>.

Kseniya L. Zakharova – Junior Researcher, Institute of History SB RAS.

В мероприятии приняли участие около 80 чел.: студенты, аспиранты, молодые исследователи и их старшие коллеги из многих городов России – Барнаула, Великого Новгорода, Екатеринбурга, Иркутска, Калининграда, Кемерово, Красноярска, Магнитогорска, Москвы, Нижневартовска, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Оренбурга, Санкт-Петербурга, Сургута, Томска, Тюмени, Улан-Удэ, Ярославля, а также историки из-за рубежа – Донецка, Ковентри и Пекина. Организаторами школы-конференции выступили Институт истории СО РАН (далее – ИИ СО РАН), Новосибирский государственный университет (далее – НГУ) и АНО «Свободные науки».

ОТ НАУКИ К ПОПУЛЯРИЗАЦИИ: О ЧЕМ СПОРЯТ МОЛОДЫЕ ИСТОРИКИ

23 сентября на открытии школы-конференции с приветственным словом выступили директор Гуманитарного института НГУ, д-р ист. наук, проф. А.С. Зуев и председатель Ученого совета ИИ СО РАН, д-р ист. наук В.А. Ильиных. В тот же день состоялась научная школа «Популяризация истории: от теории к практике», представлявшая собой серию лекций и мастер-классов, посвященных популяризации исторического знания. Приглашенные эксперты рассказали об особенностях научно-популярного жанра в контексте исторической науки, об актуальных направлениях и методах работы с широкой непрофессиональной аудиторией, поделились своим опытом участия в научно-популярных и просветительских проектах.

Старший научный сотрудник Института истории СО РАН, канд. ист. наук А.К. Кириллов рассказал об опыте превращения научного сборника документов [1] в интернет-проект «Старожил и новосел»¹, освещающий историю Великого сибирского переселения. По словам Алексея Константиновича, «знакомство с источниками меняет то представление об эпохе, которое складывается по итогам внимательного изучения учебников», тем более если эти источники отражают жизнь простых людей через рутинные процессы и узкие темы. «Старожил и новосел» базируется на научном подходе к познанию и репрезентации исторического прошлого, но реализован в доступной и понятной форме, что обеспечивает его востребованность не только среди узких специалистов, но и всех интересующихся историей.

Е.И. Дубровин – эксперт по социальному предпринимательству, руководитель проекта «Ново-Сибирск. Конструктивизм!» – выступил с докладом «Конструктивная трансформация: от аспиранта-историка к популяризатору архитектуры», рассказав о

различных проектах, авторы которых обращаются к теме исторического наследия. Особое внимание Евгений Игоревич уделил перспективам сохранения наследия конструктивистской архитектуры Новосибирска и ее популяризации как одной из ключевых составляющих бренда города. Он отметил важность вовлечения молодых историков в социальную проектную деятельность в качестве экспертов, что позволит вывести такие инициативы на качественно новый уровень.

Публичная история (public history) как академическая дисциплина и сфера деятельности в России и зарубежных странах стала темой лекции А.С. Колесник – канд. ист. наук, доцента школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Москва). Александра Сергеевна рассказала о генезисе этого гуманитарного направления и его региональных особенностях, о поиске собственного метода в рамках public history и трансформации статуса историка – от эксперта, транслирующего знание для аудитории, к специалисту, производящему новое научное знание вместе с аудиторией. Подробно докладчица остановилась и на тех задачах, которые решает публичная история сегодня.

Декан факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, д-р ист. наук, проф. М.А. Бойцов посвятил свое выступление анализу работы над школьными учебниками по истории Средних веков [2, 3, 4]. Вопрос этот является актуальным, поскольку учебник, помимо сугубо образовательных, призван также решать задачи социализации подрастающего поколения и воспитания самостоятельного мышления школьников. Описав свой почти тридцатилетний опыт, включавший переосмысление советской традиции подготовки школьных изданий, Михаил Анатольевич рассмотрел комплекс важных теоретических и практических проблем, с которыми приходится сталкиваться авторам учебников (формулировка общей концепции, определение принципа подбора материала, разработка нарративной модели и т.п.).

Завершилась научная школа дискуссией с докторантом Уорикского университета С.О. Зотовым – автором научно-популярных книг, лауреатом премии «Просветитель» 2018 г. в номинации «Гуманитарные науки» [5]. Подняв проблему диверсификации кадров, которые производят университеты, докладчик обсудил с аудиторией возможности карьерных путей выпускников исторических факультетов и рассказал об академической мобильности и своем опыте работы историком в России и за рубежом. Сергей Олегович говорил о поиске альтернативы университетской карьере и расширении представления о профессии историка в контексте решения задачи популяризации исторического знания.

¹ Старожил и новосел. URL: <http://starozhil-novosel.sibistorik.ru/> (дата обращения: 02.11.2021).

Во второй день работы школы-конференции, 24 сентября, состоялись секционные заседания. По результатам научного отбора в программу был включен 61 доклад (всего в оргкомитет поступило 130 заявок)². Среди авторов – студенты (18 чел.), аспиранты и соискатели (18 чел.), кандидаты наук (16 чел.) и молодые ученые без степени (10 чел.) в возрасте до 35 лет. Апеллируя к успешному опыту трех предыдущих лет [6, 7, 8] и учитывая содержание поступивших заявок, оргкомитет сформировал секции по проблемно-тематическому принципу (до 2018 г. использовался хронологический принцип). Работа велась по пяти направлениям: «Источниковедение и историография», «Общество и власть в мировой истории: проблемы взаимоотношений», «Социально-экономические процессы в мировой истории», «История культуры», «История международных отношений и военного дела». По результатам работы школы-конференции будет издан сборник научных статей «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых».

Представленные участниками доклады репрезентовали исследования, выполненные на стыке истории и других дисциплин – социологии, лингвистики, политологии, экономики, культурологии и др., что отражает важность и перспективность взаимодействия различных отраслей науки для получения нового знания. Формируя программу, организаторы конференции стремились обеспечить тематическое разнообразие докладов внутри каждой секции, что, по словам участников, было успешно реализовано. Вместе с тем единое проблемное поле позволяло исследователям найти точки соприкосновения за пределами сфер их научных интересов и активно участвовать в обсуждении докладов. Секционные заседания, давно переставшие быть местом обсуждения лишь конкретно-исторических проблем, завершились разбором дискуссионных вопросов относительно перспектив популяризации исторического знания.

Итоговые выводы секционных заседаний легли в основу докладов на круглом столе «Трудности перевода: от науки к популяризации», состоявшемся 25 сентября. Участники школы-конференции сошлись во мнении о том, что в обществе существует запрос на популяризацию исторического знания, и поделились своим видением развития такого направления, как «популярная наука», горячо спорили о языке и методах популяризации истории, предлагали

конкретные способы привлечения целевой аудитории. Подчеркивая тесную взаимосвязь академической карьеры и популяризации науки, участники дискуссии согласились, что задача трансляции исторического знания ввне лежит именно на сообществе профессиональных историков. В заседании приняли участие 28 чел., большинство из них – гости Новосибирска. Это говорит о том, что избранный формат научной коммуникации остается востребованным, а тема, предложенная к обсуждению, оказалась интересной и своевременной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, отметим сохранение интереса и большого кредита доверия молодых историков (от начинающих до весьма опытных исследователей) к научному форуму: география участников по-прежнему была очень широкой, несмотря на сложности современной обстановки в мире. Многие участники уже не в первый раз выбирают площадку школы-конференции «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» для профессиональной коммуникации, что свидетельствует о высоком уровне мероприятия и, как следствие, о необходимости его поддержки. Вынужденная мера проведения заседаний в смешанном очно-дистанционном формате не отразилась на качестве работы конференции, хотя, по признанию участников, такой формат может рассматриваться лишь как временная альтернатива – личное профессиональное общение с коллегами сохраняет свою актуальность и значимость. Критерием результативности трех дней работы конференции можно считать тот факт, что ее участники стали обсуждать возможности сотрудничества в рамках уже имеющихся и будущих научных и научно-популярных проектов. Это в очередной раз подтверждает дееспособность концепции школы-конференции как многоуровневого, целостного научного мероприятия, в рамках которого оказывается возможным успешно решить поставленные перед аудиторией задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сибирские переселения: документы и материалы. СПб.: Нестор-История, 2020. Вып. 4: Конфликты старожилов и переселенцев. 1880–1910-е годы / авт.-сост.: А.К. Кириллов, М.В. Шиловский, П.А. Афанасьев, Д.Ю. Хоменко; отв. ред. М.В. Шиловский. 664 с.
2. Бойцов М.А., Шукуров Р.М. История средних веков: в 2 ч. М.: Междунар. ин-т развития образоват. систем: Междунар. отношения, 1994. Ч. 1. 159 с.
3. Бойцов М.А., Шукуров Р.М. История средних веков: в 2 ч. М.: Междунар. ин-т развития образоват. систем: Междунар. отношения, 1994. Ч. 2. 159 с.
4. Бойцов М.А., Шукуров Р.М. Всеобщая история. История Средних веков: Учебник для 6 класса общеобразовательных организаций. 3-е изд. М.: Русское слово – учебник, 2021. 255 с.

² Один доклад в соавторстве, общее количество авторов – 62. См.: Программа Международной молодежной научной школы-конференции «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 23–25 сентября 2021 года). URL: <http://istkonf.ru/wp-content/uploads/2021/09/programma-apii-2020.pdf> (дата обращения: 02.11.2021).

5. Страдающее Средневековье. Парадоксы христианской иконографии / Сергей Зотов, Михаил Майзульс, Дильшат Харман. М.: АСТ, 2018. 416 с.

6. Морозова Т.И., Слугина В.А. Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 27–29 сентября 2018 г.) // Вестн. РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1. С. 185–188. DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-185-188.

7. Гордеева М.А., Морозова Т.И., Слугина В.А. Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 19–21 сентября 2019 г.) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 1: История. С. 153–157. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-1-153-157.

8. Бобров Д.С., Вишневский С.О., Морозова Т.И. Международная молодежная научная школа-конференция «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 12–14 октября 2020 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28, № 1. С. 115–118. DOI: 10.15372/HSS20210115.

REFERENCES

1. Kirillov A.K., Shilovsky M.V., Afanasiev P.A., Khomenko D.Yu. (comps.). Siberian resettlements: documents and materials. Iss. 4: Conflicts between old-timers and new settlers. 1880–1910s. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2020, 664 p. (In Russ.)

2. Boytsov M.A., Shukurov R.M. History of the Middle Ages. Pt. 1. Moscow, Intern. Relations., 1994, 159 p. (In Russ.)

3. Boytsov M.A., Shukurov R.M. History of the Middle Ages. Pt. 2. Moscow, Intern. Relations, 1994, 159 p. (In Russ.)

4. Boytsov M.A., Shukurov R.M. World history. History of the Middle Ages: a textbook. 3rd ed. Moscow, Russian word – textbook, 2021, 255 p. (In Russ.)

5. Zotov S., Maizul's M., Kharman D. The suffering Middle Ages. Paradoxes of Christian iconography. Moscow, AST, 2018, 416 p. (In Russ.)

6. Morozova T.I., Slugina V.A. Russian National youth scientific school conference with international participants «Historical research burning issues: young researchers' point of view» (Novosibirsk, September, 27–29, 2018). *Vestnik RFFI. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, 2019, no. 1, pp. 185–188. DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-185-188. (In Russ.)

7. Gordeeva M.A., Morozova T.I., Slugina V.A. All-Russian youth scientific school-conference with international participation «Actual problems of historical studies: young scholars' look» (Novosibirsk, September, 19–21, 2019). *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 153–157. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-1-153-157. (In Russ.)

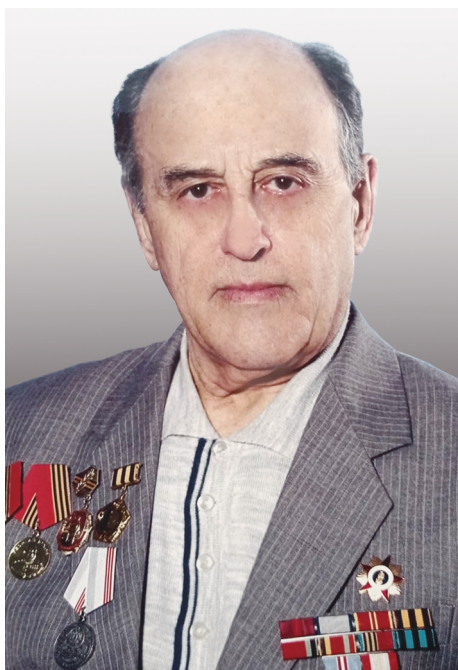
8. Bobrov D.S., Vishnevsky S.O., Morozova T.I. International youth scientific school-conference «Current challenges of historical studies: young scholars' perspective» (Novosibirsk, October, 12–14, 2020). *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 2021, vol. 28, no. 1, pp. 115–118. DOI: 10.15372/HSS20210115. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.11.2021

Дата рецензирования 04.11.2021

Статья принята к публикации 09.11.2021

ПАМЯТИ В.Л. СОСКИНА



3 декабря 2021 г. на 97-м году жизни скончался доктор исторических наук, профессор Варлен Львович Соскин, один из организаторов академической исторической науки в Сибирском отделении Академии наук и основателей исторического образования в Новосибирском государственном университете. Школьником-выпускником он встретил в Новосибирске известие о начавшейся войне, проводил отца, военного химика, на фронт, где тот вскоре погиб в страшном Вяземском котле. В дальнейшем В.Л. Соскин прошел свой военный путь от курсанта артиллерийского училища до командира взвода «сорокапятки» в составе 2-й ударной армии, где он провоевал с 1944 до весны 1945 г., получив в бою серьезное ранение. Он удостоен ряда боевых наград, в числе которых орден Отечественной войны II степени и медали.

После демобилизации как фронтовик, получивший среднее образование, поступил на истфак Ленинградского университета, после окончания которого в 1952 г. работал в вузах Кемерово и Новосибирска. Поворотным моментом в его жизни оказался 1959-й год, когда он стал в качестве сотрудника Постоянной комиссии по общественным наукам (ПКОН) при Президиума СО АН первым профессиональным

историком в Отделении. Активный участник первого успешного реализованного историками под руководством академика А.П. Окладникова крупного проекта – издание пятитомной «Истории Сибири», ответственным секретарем которого он был в период 1962–1968 гг.

В этот же период он сформировал и возглавил в роли научного лидера исследовательское направление по истории региональной культуры и интеллигенции, которое затем вышло за пределы Сибири и получило известность и профессиональное признание в масштабах страны. Для него как историка было характерно осознание необходимости междисциплинарного подхода к феномену культуры, что обусловило значительное место, которое уделялось в его трудах теоретико-методологическому их оснащению, стремление к освоению подходов и инструментария общественных наук (философии, социологии, науковедения и др.). По его инициативе в Академгородке была проведена в 1979 г. Всесоюзная конференция по проблемам интеллигенции с участием представителей социогуманитарных дисциплин, а позднее, в 1983 и 1985 гг., он явился инициатором проведения семинаров по применению системного метода к исследованию культуры. Будучи одним из лидеров среди отечественных историков культуры, он предлагал новаторские идеи в области изучения отечественной интеллигенции и культуры в переломные моменты истории XX в.

В.Л. Соскин стоял у истоков исторического образования в Новосибирском университете, где он преподавал пятьдесят лет, читая курсы и спецкурсы по истории раннесоветского общества. Под его руководством более 70 студентов защитили дипломные работы, 38 исследователей стали кандидатами наук, среди них четверо – докторами наук. Его научно-образовательные достижения нашли официальное признание: он удостоен званий «Заслуженный деятель науки РФ» (1997), Почетный профессор Новосибирского университета (2013).

Варлена Львовича в работе и в жизни отличали доброжелательность, внимательное отношение к коллегам и ученикам, стремление поддержать молодых исследователей, передавая им лучшие традиции и черты профессионального научного сообщества. Для нас он стал примером служения профессии, таким он был и остается в нашей памяти.

Коллеги, ученики

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;

- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php/trebovaniya-k-materialam.html>

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php> (сайт издания); http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm (сайт Института истории СО РАН); <https://www.sibran.ru/journals/GNvSib/> (сайт Издательства СО РАН)

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.